

Латиფшах Бараташвили

Клара Бараташвили

Мы – Месхи!..

Написана в 1978 - 1984



Латифшах Бараташвили
Клара Бараташвили

МЫ - МЕСХИ!..

Издательство “Мцигнобари”
Тбилиси - 2020

**Книга издана детьми и внуками
Латифшаха Бараташвили и распространяется
бесвозмездно в память об авторах**

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА:	Тамара Бараташвили
РЕДАКТОР:	Манана Гелашвили
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР:	Лидия Бараташвили
ДИЗАЙНЕР:	Теймураз Бараташвили
ВЕРСТКА:	Тамар Ткабладзе
НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ:	Марат Бараташвили Эльмира Бараташвили

Выражаем благодарность за помощь в работе над книгой
Александре Тевзадзе и Нури Хосадзе.

ISBN 978-9941-485-97-8

© Авторские права защищены

Латифшах Бараташвили, Клара Бараташвили.

«МЫ - МЕСХИ!..»

Литературоведы и мастера слова разных стран так и не сошлись во мнении о жанре книги. Одни называют «Мы - месхи!..» историко-документальным повествованием, другие – художественно-публицистическим произведением, третьи считают ее политическим памфлетом. Некоторые утверждают, что это мемуары. Видимо, каждый из них в чем-то прав.

Так или иначе, книга эта, описывающая жизнь месхов начала XX века, их высылку сталинских времен и борьбу за возвращение в Грузию, - единственная в своем роде. Она получила большой общественный резонанс и высокую оценку как читателей, так и общественных деятелей, историков и писателей.

Со страниц книги встает образ самого Л. Бараташвили, человека бескорыстного и честного, страстного патриота, разделившего со своим народом его нелегкую судьбу.

Книга была опубликована в журнале «Литературная Грузия» (1988 г.). Еще на стадии рукописи ее читали писатель Нодар Думбадзе, грузинские историки Шота Ломсадзе, Гурам Мамулия, Вахтанг Джапаридзе, режиссер Темур Чхеидзе, сыгравший главную роль в известном фильме «Твой сын, Земля!», действие которого разворачивается в Месхети.

Известный грузинский философ Нодар Натадзе перевел книгу на грузинский язык, и она была опубликована в журнале «Гантиади» (1989 г.). По мнению азербайджанского писателя Анара книга «Мы - месхи!..» интересна как в информационном, так и в литературном отношении. Также рукопись прочитал Фазиль Искандер и дал ей очень высокую оценку, рекомендовал к публикации в журнале «Дружба Народов».

Отдельной книгой настоящий труд Латифшаха и Клары Бараташвили публикуется впервые.

ПРЕДИСЛОВИЕ

к публикации “Мы - месхи!..” в журнале “Гантиади”,
№ 4, 5 за 1988 г. и № 1 за 1989 г.
(перевод с грузинского)

15 ноября 1944 года в историю Грузии войдет как траурный день. В этот день Самцхе-Джавахети была окончательно очищена от грузинского населения мусульманского вероисповедания.

Известно, что колыбель грузинской культуры - историческую Месхети турки завоевали в XVI веке, а в первой половине XVII века сформировалась турецкая политическая единица - Ахалцихский пашалык. С этого времени начинается омусульманивание дворян Месхети, что со временем коснулось и части крестьянства Самцхе-Джавахети. Несмотря на это, до 1829 года, когда Россия Николая I завоевала Самцхе-Джавахети, у населения этого края грузинское самосознание еще не было утрачено. Искоренение грузинского самосознания у месхов - результат деятельности сначала царской России, а затем - осуществления национальной политики грузинскими руководителями, что и привело к выселению грузин-мусульман из родных мест.

После покорения Самцхе-Джавахети в 30-х годах XIX века Николай I с целью раздробления грузинской нации отказал омусульманенному грузинскому дворянству в христианизации и по договоренности с Турцией вынудил население этого края переселиться в Турцию, а на освобожденные от грузин земли переселил армян из Турции. В результате подобных действий особенно пострадала Джавахети (современные Ахалкалакский и Богдановский¹ районы), в которой армяне численно превзошли грузин. Впоследствии появившиеся в Джавахети шовинисты даже потребовали присоединить Ахалкалакский уезд к Армении. Вот что писал по этому поводу И. Джавахишвили: “Известно, как могут грузины отнестись к желанию армян присвоить Джавахе-

ти (Ахалкалакский уезд). Царь Ираклий в 1783 году не для того заключал договор с Россией, чтобы после отторжения Месхети от Османской империи передать этот край, с незапамятных времен принадлежащий Грузии, являющийся одним из главных очагов грузинской культуры, армянам. Поселение армян в этом крае грузины могли рассматривать только как временное явление: как временное пристанище для народа, гонимого Османской империей. Когда сложатся выгодные для армян условия, - и сейчас настало именно такое время, - эти гонимые Османской империей армяне вернутся на свою родину, к очагам своих предков. А из Османской империи сюда, в Самцхе-Джавахети, вернутся прежние, исконные хозяева этой земли. В течение XIX века переселенные в османскую империю грузины-мусульмане от всего сердца стремились вернуться на свою родину в Месхет-Джавахети, собирались поселиться на своих родных землях, но их земли были заняты. А сейчас армяне вернутся в свою страну, в Армению. Будет восстановлена справедливость - каждая из этих двух наций вернется на свои родные места" (И. Джавахишвили, "Границы Грузии с точки зрения истории и современности". Тифлис, 1919 г., стр. 44-45).

К несчастью, как известно, для грузин-мусульман Самцхе-Джавахети справедливость не только не восстановилась, а 15 ноября 1944 года этот исконно грузинский край был окончательно опустошен от своих коренных жителей - грузин-мусульман...

Вскоре после заявления армянами претензий на Джавахети началась первая мировая война, и Турция как союзник Германии атаковала войска царской России со стороны Месхети. У царской России, владеющей Кавказом, до того всеми силами использующей открытие турецких школ для окончательного отуречивания месхов-мусульман, снова появился повод для переселения грузин-мусульман в Турцию, только на этот раз подобный коварный замысел царские власти планировали осуществить руками самих же грузин. С этой целью в 1915 году Российское верховное командование Кавказского фронта предложило грузинскому дворянству сформировать грузинские военные части, которые с помощью казаков стали бы выселять в Турцию про-

званных “турками” грузин-мусульман, а взамен, для привлечения на свою сторону грузин-христиан, обещали поселить крестьян из малоземельной Западной Грузии на освободившиеся от “турок” земли.

Правительство Николая I в 30-х годах XIX века легко, без особых усилий смогло переселить грузин-мусульман из Самцхе-Джавахети в Турцию, а на опустевших землях поселить армян и русских. В 10-х годах XX века ситуация в Грузии изменилась. Воспитанное на национальной программе Ильи Чавчавадзе поколение грузинских национальных деятелей прекрасно осознавало: российские власти заботились не о благоденствии грузинского крестьянства, а о последующем покорении грузинской нации... Отсюда вывод: идея заселения опустевших после высылки в 1944 году сёл грузин-мусульман грузинскими же крестьянами принадлежит царскому правительству, а Сталин-Берия лишь реализовали эту варварскую идею.

Политика грузинских социал-демократов 1920-х годов была губительной для грузин-мусульман Самцхе-Джавахети. На этот раз омусульманенные грузины Самцхе-Джавахети были объявлены азербайджанцами, их грузинские фамилии переделали на мусульманский лад, повсеместно открыли азербайджанские школы и техникумы, педагогов, работников культуры, весь партийный аппарат направляли непосредственно из Азербайджана, газеты издавались на азербайджанском языке, спектакли в театре тоже ставились на азербайджанском языке.

Несмотря на национальные “трудности”, к концу 30-х годов XX века у одной части грузин-мусульман этого края проснулось грузинское самосознание. Появились требования открыть грузинские школы. В этот же период с целью исследовать национальное положение грузин-мусульман Самцхе-Джавахети сюда приезжают известные ученые С. Джанашия, П. Ингороква и С. Джикия. Были сделаны первые шаги для огрузинивания этого края. В начале 1940-х годов открылись грузинские школы, но и тогда же была перелистана еще одна трагическая страница нашей истории. В ноябре 1944 года месхов выслали с исторической

родины.

Книга Латифшаха Бараташвили “Мы - месхи!..” знакомит с историей месхов-мусульман с 20-х годов по 70-е годы XX века. Воспоминания писались на протяжении шести лет на грузинском, турецком и азербайджанском языках. Дочь Латифшаха Бараташвили, журналист Клара Бараташвили изложила воспоминания отца в хронологическом порядке, заполнив пропуски его устными рассказами и собственными пояснениями, и закончила работу над книгой летом 1984 года, за несколько месяцев до кончины Латифшаха.

***Гурам Мамулия** (1937-2003 гг.) - доктор исторических наук, автор трудов по социальной истории Грузии и Кавказа. В годы СССР основал неформальную организацию “Общество Ильи Чавчавадзе” и партию “Демократический Союз Грузии”, за диссидентскую деятельность подвергался преследованиям. Вел исследовательскую и преподавательскую работу, член Парламента Грузии в 1992-95 гг., личный представитель главы государства Грузии по правам человека в 1993-95 гг. Начальник службы репатриации в 1994-2001 гг.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

к публикации “Мы - месхи!..”
в журнале «Литературная Грузия», № 8-11, 1988 г.

Месхети, или Верхняя Картли – собирательное название юго-западной части исторической Грузии. Она расположена в бассейнах рек Мтквари (Куры) и Чорохи и состоит из провинций: Самцхе, Джавахети, Кола-Артаани, Шавшети, Кларджети, Тао и Спери. Месхи, коренные жители Месхети, – одно из основных картвельских племен, составивших грузинскую нацию.

Месхи внесли весомый вклад в развитие культуры феодальной Грузии. В IX-X вв. они явились инициаторами объединения Грузии. Грузинский царский дом Багратиони происходил из Месхети. Выдающиеся деятели грузинской церкви Иоанэ, Эквтиме и Георгий Мтацминдели были месхи, великий Шота Руставели родом тоже был из Месхети.

В XV-XVI вв., после распада единого Грузинского царства, на территории Месхети образовалось самостоятельное самтавро (княжество) Самцхе-Саатабаго, которым правили мтавари (правители) Джакели. На рубеже XVI-XVII вв. Самцхе-Саатабаго покоряют турки. Они упраздняют грузинские социально-политические институты и вводят турецкие законы землевладения. Вместо самтавро создают Гурджистанский вилайет, или Ахалцихский пашалык, а мтавари (правителей) Джакели, предварительно заставив их принять мусульманство, превращают в потомственных пашей.

Со второй половины XVII в. начинается процесс омусульманивания месхетских феодалов, что связано и с землевладением: в Турецкой империи землевладелец непременно должен был быть военнообязанным, а военнообязанный – только мусульманином. К середине XVIII в. процесс омусульманивания феодалов был завершен. Крестьян же омусульманить полностью не удалось.

Грузия никогда не смирялась с потерей Месхети и, опираясь на месхов-патриотов, боролась за возвращение края в лоно государства. Несмотря на многочисленные попытки, воссоединение Месхети со всей Грузией тогда оказалось невозможным. Лишь после русско-турецкой войны 1828-29 гг. согласно Адрианопольскому договору из двадцати четырех санджаков² Ахалцихского пашалыка десять были освобождены от турок и присоединены к Российской империи. Эти десять санджаков охватывали части Месхети – Самцхе (нынешние Ахалцихский, Адигенский и Аспиндзский районы) и Джавахети (нынешние Ахалкалакский и Богдановский районы). К сожалению, часть населения этих санджаков вынуждена была переселиться в Турцию, и покинутые села царское правительство заселило армянами-христианами из Эрзерума. Тех грузин-мусульман, которые оставались на родине и пока еще говорили на родном грузинском языке, царское правительство России с целью раздробления грузинской нации по религиозному признаку, объявило турками, приставив к ним турецкоязычных мулл и учителей. Таким оставалось положение в Месхети вплоть до установления в Грузии Советской власти. Однако после установления Советской власти, наперекор интересам Грузии и согласно создавшейся конъюнктуре, с 1923 года месхов-мусульман записывают азербайджанцами, в школах учащимся твердят, что мусульманин – не грузин, грузинские фамилии переделывают на азербайджанский лад и всю культурную жизнь Месхети подчиняют Азербайджану, оттуда же комплектуются кадры педагогов школ и партийно-хозяйственных работников.

На полках наших архивов по сей день пылятся прошения грузин-мусульман из Гиоргицминда, Мугарети, Зикилиа, Сакунети и др. сел о том, чтобы для их детей, которые не знают никакого другого языка, кроме грузинского, открыли грузинские школы. На одном из прошений красуется резолюция: «Вы есть татары (общее, собирательное название мусульман в Грузии) и должны обучаться на своем языке», то есть на азербайджанском. Столь

2. Санджак (араб.) - до 20-х годов XX века в Османской империи (Турции) административно-территориальная единица, часть вилайета

превратно понятый интернационализм привел грузин-мусульман к утрате ими национального самосознания, превратив их в денационализированную массу, для которой «мусульманство» и «турок» стали синонимами национальности, а «грузин» - синонимом христианина.

В предвоенные годы (речь идет о второй мировой войне) по настоятельным требованиям части месхов в некоторых селах открыли грузинские школы, но вскоре по мотивам, исходящим из политики сталинизма, на месхов-мусульман обрушилась новая беда: их всех объявили предателями, турками и турецкими агентами и выслали в республики Средней Азии. Это произошло 15 ноября 1944 года.

В течение двенадцати лет они жили в Средней Азии под комендантским надзором.

По данным последнего времени, грузины-мусульмане Месхети записаны турками, азербайджанцами, «мусульманами», «кавказцами» (двух последних национальностей, как известно, не существует!), узбеками и др., - кем угодно, только не грузинами, которыми они являются в действительности. Дети одних и тех же родителей – четыре брата Заутадзе - причислены к четырем различным национальностям: один записан азербайджанцем, другой – турком, третий «кавказцем», четвертый – узбеком...

Казалось бы, все уже давно предано забвению, стерты следы прошлого, но... по каким-то непостижимым законам природы многие месхи стали интересоваться своим происхождением и начали осознавать себя грузинами. Ожили корни нашего единства, и голос крови подсказал Нариману Инасаридзе, высленному в Узбекистан из села Гиоргицминда, такие строки: «Брат мой Бахши, ты пишешь, что вместе с тобой служат в армии грузинские парни. Ты знай, грузины – это наши корни. Как ветке дерева не жить без корней, так и мы не сможем жить без грузин. Те грузинские парни и есть наша кровь, часть нашего дерева. Запомни крепко: наши корни – грузины, так и знай и скажи об этом всем остальным...» Что же это, как не голос крови?!

Чахо Читадзе, отвоевав на фронтах Великой Отечественной³, раненый возвратился в родное село Вале, откуда был выслан

3. Великая Отечественная Война (22.06.1941-9.05.1945 гг.) - война между СССР и фашистской Германией.

вместе с семьей в далекий Красногвардейск в Узбекистане. Там ему поручили руководить школой. И он затратил много труда и усилий, чтобы школе этой было присвоено имя Шота Руставели. Это тоже голос крови.

Проходит время, и переселившийся из Узбекистана на Северный Кавказ Халил Умаров-Гозалишвили пишет историю истерзанного края Грузии – Месхети. Книга эта, размноженная на ксероксе, быстро распространяется среди месхов-мусульман.

И, наконец, перед нами мемуары Латифшаха Бараташвили, одного из лидеров движения месхов-мусульман за восстановление национального самосознания и возвращение на родину. Мемуары Латифшаха Бараташвили запечатлели жизнь месхов-мусульман с 1920-х по 1970-е годы. Описаны топонимика и быт не только Самцхе и Джавахети, но, что особенно важно, и Кола-Артаани, и Шавшети. Трагические картины выселения тяжело читать. Тяжело и горько. Это вопль обреченных людей о том, что грузин, мусульманин он или христианин, должен быть грузином.

Людей, отторженных от своей нации, вернуть сегодня в родное лоно возможно, лишь опираясь на исторические национальные и культурные корни.

Будущее месхов-мусульман зависит от разумных действий их самих.

Шота Ломсадзе (1925-2003 гг.) - грузинский историк и поэт. Родился в селе Чунча Ахалкалакского района. Окончил Тбилисский государственный университет в 1950 году. Доктор исторических наук (1974), профессор (1976). Как кандидатскую, так и докторскую диссертацию он защитил по проблемам истории Самцхе-Джавахети

“ЭТО МЫ - ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ...”

Мы не собирались давать авторского вступления в отдельном издании этой книги. Да и сама я как читатель терпеть не могу предисловий и обычно торопливо пролистываю книгу вперед, к основному тексту.

В самом деле, что могут дать две-три странички предисловия к двумстам страницам нашей книги, которая писалась долгие шесть лет?

И все же книга, которую вы взяли в руки, нуждается в нем. Нам показалось интересным дать обзор почты, поступившей в ответ на журнальную публикацию, подобную взрыву бомбы. (Напомню читателю: “Мы - месхи!..” впервые была напечатана в журнале “Литературная Грузия”, №№ 8-11 за 1988 г.). Книга оказалась откровением в первую очередь для самих месхов. И понятно почему. Ведь это было первое упоминание о них в публичной печати. Никогда и нигде до тех пор они не читали о себе и практически не знали свою историю. Не знали, что месхи - это одно из племен, составляющих грузинскую нацию. Не знали, что они такие же грузины, как гурийцы, кахетинцы, картлийцы, имеретинцы и аджарцы. Хотя трудно обвинить их в незнании истории своего края, трагедия которого началась более 300 лет назад, когда Месхети - южную провинцию Грузии - покорили турки и насильственно внедрили там мусульманство. Турки называли наших предков “гюрджи оглы”, то есть “грузинский сын”.

Лишь после русско-турецкой войны 1828-1829 гг. северная часть Месхети освобождается от турок и присоединяется к Российской империи. Трагедия усугубляется: царское правительство смотрит на месхов-мусульман как на турецкое население, присоединенное к России силой войны, приставляет им тюркоязычных учителей и мусульманских духовных предводителей. Грузинская нация дробится по религиозному признаку.

Кроме того, в Месхети, на “казенные” земли Российской империи переселяют свыше 30 тысяч армян из Эрзерума (Турция), что опять-таки ухудшает положение с употреблением гру-

зинского языка. Армяне, переселенные из Турции, не владеют грузинским языком, и средством межнационального общения между месхами-мусульманами и армянами становится турецкий язык.

Таким образом искореняется грузинский язык и внедряется турецкий.

После установления советской власти месхов-мусульман с 1923 года записывают “азербайджанцами”, грузинские фамилии в массовом порядке переделывают на азербайджанские и всю культурную жизнь Месхети подчиняют Азербайджану.

В ноябре 1944 года месхи-мусульмане в очередной раз становятся жертвой. 125 тысяч месхов-мусульман без всякого объяснения выселяют в республики Средней Азии, где в течение 12 лет они живут под комендантским надзором.

Возникает вопрос: откуда месхам было знать свою историю, когда более трехсот лет над ними всячески издевались, приписывая им то одни, то другие национальные ярлыки, уродовали их национальное самосознание, лишили их родной земли и корней?

В таких условиях почти невозможно сохранить национальное самосознание.

И все же месхи сохранили это чувство. Чувство принадлежности к Грузии, к грузинской нации (я уже не говорю о тысячах месхов, по сей день носящих грузинские фамилии), знание грузинского языка (многие письма были написаны по-грузински), любовь и тягу к родной земле.

Вот что писала Вахида Мечинадзе, закройщица ателье из Самаркандской области: “Я очень благодарна тем, кто написал и опубликовал “Мы - месхи!..” Я сама родилась и живу в Узбекистане, не видела Грузию, но мое сердце связано с ней с детства, потому что мои родители и, вообще, весь наш род были коренными жителями Месхети до 1944 года, когда их выслали в Узбекистан... Сейчас у меня четверо детей, мне 36 лет, и я хочу, чтобы мои дети жили там, где жили наши предки, то есть в Грузии... Как хорошо, что вы написали эту книгу! Ведь она открыла глаза многим людям. И все, кто прочитал ее, теперь будут стремиться на родину еще больше, чем раньше”.

Уришанова Нурия из Белгородской области пишет: “Книгу прочитала полностью, прочитал брат, передали ее читать дальше. Очень она нам понравилась. Мы очень рады, что написана история нашего народа, о которой даже сам народ ничего не знает”.

Несколько сот месхов обрели свою родину, переселившись в 70-х годах в разные районы Грузии при содействии тогдашнего грузинского правительства и передовой части ее интеллигенции. Немало для переселения месхов в свое время сделал Эдуард Шеварднадзе.

Я. Катиров (Грдзелидзе) живет и работает в селе Насакирали Озургетского района. “От всей души благодарю за внимание к месхам, - пишет он. - Когда-то мы искали источники о месхах, нам трудно было доказать тем, кто не знает историю Грузии, что мы - грузины. Теперь с помощью книги “Мы - месхи!..” мы свободно объясняем, доказываем, что мы являемся грузинами. Материал, который вы опубликовали, для нас дороже золота, ему цены нет. От имени месхов большое спасибо всем, кто о месхах пишет, думает. Я буду счастлив, когда восстановлю свою фамилию, национальность”.

Кстати, о последнем. Несколько десятков месхов-репатриантов получили новые паспорта с восстановленными грузинскими фамилиями. Это было знаменательное событие: люди плакали от радости и волнения оттого, что, наконец-то, обрели свои подлинные корни и свое место на родине.

Один из них - Закир Цацанидзе из Насакирали. “Мы нашли себя. Мы теперь Цацанидзе и действительно являемся потомками тех Цацанидзе, обитателей родной Месхети.

Ваш отец написал все верно. Когда нас выслали, я был ребенком. Помню раннее утро, заря только-только занималась. Я держу за руку ныне покойную мать и плачу. Мама, наклонившись ко мне, говорит ласково: “Не плачь, мой Закир!” и дает мне яблоко. Помню военного. Он толкает нас прикладом винтовки: “Быстрее, быстрее выходите!” Надкушенное яблоко выпадает из рук и катится по веранде...

Написанное в “Литературной Грузии” все верно. Мы плакали, читая, потому, что все написанное так близко нам.

Дай Бог нашему народу соединиться с месхетинской землей!”

Письма месхов полны горячей любви к родине. Даже дети знают родное село своих предков. Многие месхи носят грузинские фамилии, и многие страстно желают восстановить их.

Вот что пишет Нурали Мамедов, колхозник из Киргизии: “Мне 36 лет, родился я в Узбекистане, женат, четверо детей. Я несколько раз прочитал книгу, читаю среди родных и близких, среди друзей и односельчан. Скажу вам прямо - повествование “Мы - месхи!..” оставляет во мне глубокое впечатление. Судьба вашего отца - это судьба всего нашего народа, и я горжусь тем, что являюсь представителем этого народа. Если бы была возможность переселиться в село Унца Адигенского района, где жили мои предки, я выехал бы немедленно. Прошу оказать мне помощь в установлении моей грузинской фамилии. Наш род назывался “омолар”. Мне в детстве приходилось слышать от деда, что в Боржоме жил один грузин из нашего рода, и дед часто навещал его. Возможно, и сейчас живут люди из моего рода где-то в районах Грузии”.

“Вы спрашиваете, хочу ли я вернуться на родину? - пишет Халид Галустов из Кабардино-Балкарии. - В первую очередь! Я родился в селе Сакунети Ахалцихского района, жил там 16 лет, все хорошо помню, каждую минуту вспоминаю Сакунети, хожу и изучаю грузинский язык. В моей семье четыре человека - я, жена (Почхорадзе Рамзия) и два сына. Вся семья мечтает о родине.

Я окончил вуз на узбекском языке. Мой младший брат получает газету “Свободная Грузия”. Эта газета часто радует нас. Как только про нас пишут, мы на собраниях обсуждаем эти статьи.

Мы 45 лет жили в Узбекистане и всю жизнь болели за тбилисскую команду “Динамо”, за “Пахтакор” никогда не болели, потому что кровь тянет к своему.

Я думаю, что мы найдем общий язык с грузинскими братьями, и будем жить как одна семья”.

Продолжая разговор о письмах, нельзя обойти вниманием интереснейшие, эмоциональные письма Бахши Галустова, брата Халида Галустова, 1926 года рождения, уроженца села Сакунети.

Его письма - это драгоценные свидетельства сохранившегося и ярко выраженного грузинского национального самосознания.

Бахши Галустов живет в Ессентуках, и так же, как многие, многие месхи мечтает о возвращении на родную землю. “Я нигде не учился русскому языку,- пишет он,- учили нас азербайджанскому, но, откровенно говоря, этот язык я тоже не знаю, он нам чужой, его нам навязали. И это была грубая ошибка. Как могла интеллигенция Грузии допустить такое! Уверен, что если бы сразу после революции у нас открыли грузинские школы, не было бы трагедии нашего народа”.

И тут же Галустов пишет о грузинском языке: “Когда я пишу письмо, иногда употребляю грузинские слова. Думаю, что ты уже изучаешь грузинский язык и вскоре будешь знать его полностью. Это такой язык, когда научишься, потом на другом языке не захочешь разговаривать, уверяю - это так”.

“Я очень рад, что появилась ваша работа, - пишет он далее, - это нужная книга. Пусть молодежь знает правду, знает свои корни”.

“Вряд ли у какого-нибудь народа есть такое, - говорит Галустов, - какое было у нас. Каждый клочок земли имел свое название. Это поля, сады, овраги, бугры, ущелья, речушки, вершины. И все это было названо по-грузински: Чинчвела, Сацурави, Клдехара, Клдезера, Сатаве, Петреаули и т.д. Веками эти названия передавались из поколения в поколение, а в 1944-м году оборвалось все это.

Я был у себя на родине в 1984-м году, и на меня это сильно подействовало. Когда едешь из Агары, видна высокая гора, она называется Ругети. Даже этого там никто не знает, я спрашивал. Спросил и про школьный звонок. Нету, потеряли! А это был колокол от церкви, мы его в детстве кое-как выпросили у дедушки Омара Поцхорадзе, он не хотел отдавать, говорил, что его дед снял с церкви, спрятал от турок, один был большой, другой - маленький. Вот маленький мы забрали и сделали школьным звонком - это было в 1936 году, когда у нас открылась новая школа”.

Далее наш корреспондент полемизирует с месхом Исламом Сулеймановым, утверждавшим, что тот является турком.

“Ислам Сулейманов знаком мне с детства, и в Узбекистане мы работали вместе. Он честный, уважаемый человек. Но меня удивил тот факт, что он, дожив до такого возраста, не интересовался своим происхождением, историей своего народа.

Когда мы жили на родине, у нас такого слова “турки” не было. Мы сами себя называли “мусульмане”. Узбеки нас называли “кяпкяз”, в паспорте было написано “азербайджанец”. Это слово - “турки” появилось в 1959 году. Сулейманов об этом не знает, что ли?

Настоящие турки считают своей основной исторической родиной Среднюю Азию, а второй родиной - нынешнюю Турцию. А мы считаем своей родиной Грузию. Ислам считает себя турком. Может, он думает, что если мусульманин, значит, турок? Не знает, что ли, что мусульмане есть и среди грузин?

Ислам мой ровесник, он должен помнить, что старые люди у нас молились мусульманскому Аллаху на грузинском языке. А грузинские названия деревень? А земля, поля, равнины, холмы, ущелья, скалы, тропинки - все они имели свои грузинские названия. Сейчас там живут другие люди - приезжие. И вот уже 45 лет никто не называет эти места своими именами, они этого не знают. И научить их невозможно. Это должно передаваться из поколения в поколение. У нас каждый ребенок знал, какое место как называется.

В наших деревнях и ближайших селах православных грузин не было. Однако в центре села стояла православная церковь. Кто и для кого ее построил? Христианская церковь в нашем селе называлась “Цминда Гиоргис эклесия” (церковь святого Георгия), наши предки не дали туркам разрушить ее. В мае, на Пасху приходили к нам из сел Боржомского района на паломничество. Вся наша деревня вместе с ними до утра танцевала и веселилась у церкви.

А сколько мы выкапывали закопанных в землю чанов для вина. Я даже помню, как в Ацкури вытащили чан с загустевшим вином. Это говорит о том, что у нас в Месхети было развито виноградарство. Кто и зачем уничтожил виноград? Многие из наших впервые попробовали виноград в Узбекистане.

А разговорная речь наша до сих пор сохранила грузинские слова. Я собираю словарь тех слов, которые мы до сих пор употребляем, и они абсолютно не турецкие, а грузинские - “цур”, “тавшал”, “курка”, “хинкал”, “лак” и др.

Откуда у нас грузинские фамилии? Ни один народ мусульманской веры не имеет фамилии, у них имя деда писалось как фамилия. А у нас у всех есть фамилии, в том числе и у Ислама. Сулейманом звали его деда, а когда он пошел в азербайджанскую школу, то фамилия его стала Сулейманов.

Хочется напомнить Исламу, в какие игры мы играли в детстве - камреби, пурнеби, дакари, кватадабруна и т.д. Может, кто помнит какую-нибудь турецкую игру? Я не помню.

И таких примеров можно привести очень, очень много. В общем, чтобы говорить, что месхи - это не грузины, нужно быть круглым дураком.

Это факт, это история. Это мы - живые свидетели!..”

Месхи не считают грузин виновниками своей высылки. Тот же Галустов пишет: “Бытует мнение, что властям нужна была наша земля и при помощи Берия и Сталина нас выслали. Не знаю, что было на уме у Берия и Сталина. Но знаю, как не хотели имеретинцы поселяться на наших местах (я тогда служил в армии, в Грузии), как их заставляли, даже держали под надзором, чтобы они не сбежали обратно”.

Месхи делятся своими мыслями по поводу их возможного возвращения на родину. Вот что пишет по этому поводу Бахши Инасаридзе из Ташкента: “Любой народ должен иметь свою землю. Так не лучше ли решить этот вопрос сейчас, не обостряя его и не оставляя решение на будущие поколения?”

Не вам говорить, что наш народ не пришелец из Турции или Ирана, а тем более не свалился на священную Месхети с Марса. Кем бы они себя ни называли, они - плод этой земли. И также, как и остальные грузины, имеют право жить на этой земле. Это земля наших предков.

Да, мы мусульманской веры. Пока надо принять нас такими, какие мы есть, а не требовать сиюминутного превращения. Это будет повторением того, что сделали с нами турки. Пусть люди вернуться, поживут, первое - старшее - поколение уйдет в мир

иной, младшее поколение, которое будет учиться в грузинских школах - уже, считай, настоящие грузины! И никто не посмеет назвать их “татреби”.

А вот знакомая нам В. Мечинадзе пишет уже из Чечни: “Недавно в школе на родительском собрании дети спели песню о родине. Слушая ее, я невольно заплакала и подумала - почему же мы так несчастны и за что нас так наказали - выслали и лишили родины. И еще неизвестно, сколько будут страдать наши дети и внуки. Старшему сыну уже 14 лет, он иногда спрашивает: “Мама, кто мы? Грузины или турки? Почему у тебя в паспорте написано “азербайджанка”? И как трудно ответить.

Я думаю, чтобы решить все проблемы, нужно вернуть народ на историческую родину, и там уже все разрешится. Живя в Грузии, все почувствуют свои корни, осознают себя грузинами”.

Мнение биолога Махмуда Мовлюдова из Таджикистана несколько иное: “Сейчас я собираюсь уезжать из Душанбе. Азербайджан отпадает, в Грузию нельзя. Остается Россия. 10 июля улетаю в сторону Волгограда и Саратова подыскивать место, там живут мои знакомые.

Каковы ваши успехи? Что сделано и что предстоит сделать? Я думаю, что без поддержки народа ничего не получится, так как основная масса считает себя турками. Это вдолблено в сознание народа десятилетиями, а чтобы убедить народ, что они - грузины, нужно провести сильную работу. Для этого нужна своя независимая газета и т.д. Только общими усилиями можно добиться возвращения на родину. Вернуть людей в данный момент, когда они считают себя турками - несерьезно и преступно. Если народ вернется как турки, Месхети превратится во второй Цхинвали. Поэтому я считаю, что прежде всего следует провести среди нашего народа большую работу.

Основная масса месхов - это сельские жители, далекие от политики. В Азербайджане, Ставрополье, Кабарде и Краснодаре сторонники Сарварова вот уже 15 лет вдолбливают в сознание людей, что они турки. Они издают свою газету, в которой публикуют малосодержательную, но доступную для малограмотных информацию.

Переубедить людей, что они грузины, можно только теперь, пока живы старики, так как они прекрасно знают, что этот ярлык пришили им после депортации в 1944-м году, знают, где штамповали “турок” и “азербайджанцев”. Опять-таки я возвращаюсь к тому, что нужна своя газета. Ее надо выпускать любыми путями. В каждом номере печатать грузинский алфавит и грузинскую грамматику, то есть начинать все с нуля. И газету нужно распространять не только среди нашего народа, но и в Месхети, где сейчас живет заселенное туда в 1944-м году население. Чтобы они знали, что месхи - это грузины, от которых идет вся история грузинского народа. И что после возвращения месхов можно возродить великую Грузию”.

Сегодня, когда я пишу эти строки, месхи разнесены жестоким ветром истории. Как самые беззащитные и бесхозные, они стали очередной жертвой - ферганской резни в 1989-м году.

Месхи обустроивают российское Нечерноземье, выращивают богатые урожаи в Азербайджане, делают сыр и масло в Волгоградской области. Они могли бы делать все это для своей родины.

Называют новые трагедии. Краснодарские казаки угрожают погромами, молодые месхи гибнут на чужих войнах. Беженцы поневоле, не могущие нигде найти себе пристанище, месхи обречены, как Агасфер, на вечные скитания. Агасфер получил такое наказание за то, что оскорбил Христа, шедшего на крестные муки. Но за что же такое наказание безвинным людям?

Грузинское самосознание месхов-мусульман - это драгоценное свидетельство их принадлежности к грузинской нации. Сегодня, когда Грузии особенно тяжело, недопустимо терять свой народ.

Решение этого сложного вопроса зависит от позиции грузинского парламента, от гуманности, милосердия и терпимости жителей Грузии, которые должны понимать, что месхи-мусульмане не враги их, а братья по крови и сделать все возможное, чтобы помочь им обрести родину.

Клара Бараташвили
г. Тбилиси, 1993 г.

Я сажусь переводить воспоминания отца. Читаю заголовок и вывожу крупно: Латифшах Бараташвили, сын Махсуда.

Материалов накопилось много - несколько папок бумаг, испи- санных в разные годы мелким аккуратным почерком на грузин- ском, турецком и азербайджанском языках. Подсознательно я на- деюсь, что когда-нибудь напишу книгу о своем отце.

Я стараюсь не думать - получится у меня что-нибудь или нет. Я просто сажусь и начинаю переводить. Хорошо, если получится книга. Тогда бы я назвала ее так - "Книга об отце". Звучит хорошо. Хотя слово "отец" чужое для меня - его не сравнить с домашним словом "папа". Итак, я приступаю.

НАЧАЛО...

Вот уже неделю ноющая зубная боль не давала мне покоя. Ни о каком путешествии, тем более длительном, нельзя было и думать. Наш односельчанин Антон Мерабишвили был лучшим зубодером в округе. Его предки наряду с зубодерством занима- лись лечением вывихов и переломов. Оттого их никто не звал по фамилии, а звали просто - Костоправы. Поскольку в описывае- мое время - шел 1923 год - врачей было раз-два и обчелся, то на одного врача приходилось по 15-20 сел. Лечебные инструменты, как-то: ножи, клещи, иглы для кровопускания заказывали мест- ному кузнецу за хорошую плату. Летом знахари собирали травы, сушили их, готовили снадобья, и их хватало на целый год.

Отец попросил костоправа принять нас и к вечеру привел меня, прихрамывая и крепко держа за плечо.

Дедушка, оказывается, хромал уже тогда, в папином детстве. А я его иначе и не представляла. У него всегда были красивые тя- желые трости, обычно с инкрустацией, которую мы тщетно пы- тались выколупать. Они так нравились нам, что однажды Барат, когда дедушке подарили очередную трость из красного дерева, с досадой спросил маму: "А мне вы подарите такую, когда я буду де- душкой?"

У камина стоял низкий стол, накрытый бязью. На нем лежали клещи, плоские и острые ножи. Костоправ протирали их, весело напевая. Мне стало не по себе от тусклого блеска металла и лязга клещей. Наверное, я побледнел, потому что отец вопросительно посмотрел на меня. “Нет, я не боюсь”, - почему-то шепотом ответил я. Когда дядя Антон ловко схватил зуб, пронзительная боль ударила в голову, и я потерял сознание. Очнувшись я от звонкой пощечины. Костоправ также весело глядел на меня, отец же недовольно крутил свой “николаевский” ус. Я подумал: наверное, это очень похоже на смерть.

Декабрьские дни коротки. Но этот день тянулся почему-то очень долго. Снега выпало немного. И я был рад этому.

Где-то с полудня я начал тайком готовиться в дорогу - я собирался в дальний путь, разумеется, без ведома родителей.

По соседству с нами жил Шахбаз Бакрадзе. Вот уже несколько дней у него гостил тесть. Чтобы проведать свою дочь, ему пришлось перейти границу - родное село жены Шахбаза находилось за кордоном, на турецкой стороне. Этим вечером гость нашего соседа собирался в обратный путь, но не один, а с братьями Балахашвили - Павле и Осе. Они не раз совершали подобные переходы и возвращались не с пустыми руками - в турецком районном центре Поцхови они выгодно сбывали пшеничную водку.

В сумерках эта троица направилась на запад, в сторону мусульманского кладбища. К этому времени был готов и я. Мой путь был вместе с ними, хотя мои попутчики, контрабандисты, и не подозревали об этом.

Боясь застудить больную десну, я обвязался теплым башлыком по самые глаза. На ногах были чарухи⁴, обутое на две пары шерстяных носков. Пальто в те времена не носили - на мне был теплый архалук. В бязевой торбе, которую я брал летом на пастбище, лежали свежее испеченные мчади, две головки лука, два курута⁵ - я думал, что этого хватит на весь путь.

Я притаился среди могильных камней и стал дожидаться своих спутников. Как только они показались, я радостно выскочил

4. Чарухи (тур.) - крестьянская обувь из сыромятной кожи.

5. Курут - сушеный шарик из подсоленного творога.

им навстречу. Однако мое появление среди могил вызвало замешательство. Путники остановились, стали пятиться, а Павле, скинув двухпудовый бурдюк с чачей, бросился бежать.

Я понял, что поступил неосторожно. Пришлось бежать вдогонку. Павле, услышав, что его окликают по-грузински, остановился: наверное, подумал, что мусульманские привидения не могут так хорошо говорить по-грузински.

Когда же меня узнали, то бежать от разъяренных братьев пришлось уже мне. Отбежав на безопасное расстояние, я крикнул им: “Я не буду вам мешать! Возьмите меня с собой. Мне надо попасть в Ардаган - я хочу поступить в школу!” В ответ мои односельчане пригрозили кулаком: “Мы тебе, сукин сын, покажем Ардаган!” Тогда я прибегнул к крайней мере. “До границы вам не дойти! - крикнул я им издали. - Милицию позову. Осе как раз дома”. Осе Качкачашвили служил в милиции и был злейшим врагом контрабандистов. Хуже всего было то, что его нельзя было подкупить - он единственный из сотрудников милиции не брал взятки.

Контрабандисты, посоветовавшись вполголоса, решили не рисковать. Мы двинулись в путь, я с опаской пристроился сзади. Миновали нашу мельницу, затем соседнее село Хуро.

Осе, идущий впереди, выбрал удобное место для привала, скинул груз и велел нам отдыхать. Сначала мы подкрепились, затем Осе стал рассказывать, какой дорогой он думает провести группу через границу. “Сначала Чернекет, затем Гуалпанта, далее выйдем на Чоловский лес, - говорил Осе, - а там, дай бог, перейдем границу у Марельского пастбища. Ну как, согласны?” - спросил он своих спутников. Моего согласия, конечно, не требовалось: я - мальчишка - был для них только помехой в пути. Павле озабоченно покусывал свои длинные усы - он был известный трус, но трусость свою оправдывал заботой о четверых детях. “За них боюсь, - всегда говорил он, - не за себя”.

Привал кончился. Взваливая бурдюк, Осе еще раз предупредил: “В голос не разговаривать. Кашлять, чихать, курить тоже нельзя. Положите в карман камешки. Если нужно будет обратиться к кому-нибудь, киньте в него. Идти друг за другом, Павле замыкающий”.

Тучи закрыли луну, стало темней. Дорога к Чернекету круто поднималась вверх и утомила моих нагруженных спутников. У Гуалпанты пришлось сделать второй привал. Место было надежным, здесь контрабандисты, вполголоса переговариваясь, выкурили по одной папиросе - мы уже находились в пограничной зоне. Дальше дорога вывела нас к Чоловскому лесу, однако мы не вошли в него: ночью там легко было заблудиться и напороться на волков. Обогнув лес с запада, идя Лелованским пастбищем, вышли на равнину, которая была частью Таронской возвышенности. Как я потом узнал, уровень ее соответствовал уровню альпийской зоны.

Взяв южнее, мы вышли к летнему пастбищу села Марели. В его низине проходила государственная граница между Грузией и Турцией, проведенная заново два года назад. Перейдя границу, мы оказались в окрестностях Поцхови. Привал мы сделали на летнем пастбище - уже на турецкой стороне, отойдя немного от границы. Из негромких разговоров я понял, что это пастбище села Шуарцкали. Как и на всех пастбищах, там должен быть деревянный домик, где можно будет передохнуть.

Его мы отыскивали без труда - ветхая деревянная лачужка. С большой предосторожностью разобрали часть ее для костра и развели огонь. Мои спутники сбросили с себя тяжелый груз и, сердито ругаясь шепотом, потирали натруженные плечи.

Выложив остатки еды, мы разогрели ее, насколько это было возможно, и Осе разделил мчади с луком и сыром. Мы молча жевали, чутко прислушиваясь к тишине, которую нарушало уханье филина из соседнего леса. Тихо трещали дрова. Иногда они ярко вспыхивали, и тогда добродушное усатое лицо Павле становилось резко очерченным и складывалось в причудливую гримасу, пугающую меня. Я боялся лишний раз взглянуть на своих молчаливых сотрапезников и зачарованно смотрел на огонь. И мне становилось спокойно.

Надо было идти дальше, чтобы к рассвету уйти на безопасное расстояние. Как только мы покинули временный приют, холод ледяной глыбой свалился на нас. Тучи разошлись, выскочила полная луна, освещающая нам путь. Но не прошло и четверти часа, как разыгралась непогода. Ветер мешал идти моим спутникам,

а меня просто сбивал с ног. Самое обидное заключалось в том, что оставалось одолеть последний перевал - южную часть Арсианских гор - и я был бы в селе Колицкали, у тетушки Гюльназ, сестры моей матери.

Заснеженная дорога обросла ледяной коркой. Тяжелый груз моих попутчиков давал им преимущество - ледяная корка проламывалась под их тяжестью, и они шли по снегу. Я же был налегке и ноги мои скользили, едва я делал шаг. Кое-как дойдя до середины подъема, я начинал скользить вниз. И так несколько раз. Этот подъем окончательно выбил меня из сил. Мы находились в пути уже десятый час. Бессонница, обжигающий холод горного воздуха, от которого не спасали ни архалук, ни две пары носков. Ныла десна. Башлык сбился с распухшей щеки, и малейшее трение жесткой ткани о кожу вызывало болезненное раздражение.

Я отплеывался от колючего снега и уже готов был расплакаться, как увидел, что Осе сверху замахал мне. Я судорожно вцепился в брошенный мне конец длинного кушака, и меня почти поволокли наверх по льду и снегу.

Впереди что-то зачернело - то ли село, то ли лес. Когда мы, сбиваемые ветром, подошли почти вплотную, то это оказалось село Колицкали. Я, обрадовавшись, попрощался со своими товарищами. Они свернули в сторону - их путь лежал дальше, в Дигур - центр Поцхови. А я побежал к огню и теплу.

Трое суток я пролежал в жаре и беспомощности и только через неделю встал на ноги.

Воспоминания отца изобилуют историческими и географическими подробностями. История и география были его страстью. Любовь к этим наукам он привил и нам. Я училась в четвертом классе, когда получила от него задание - начертить подробный топографический план небольшого земельного участка. И хотя мы только начинали изучать географию и естествознание, я смастерила деревянный аршин и бегала по участку с папиным военным планшетом.

Мне кажется неверным рассматривать человека вне исторической и географической обстановки. Именно поэтому я не пропускаю подробности из его воспоминаний.

Экономическое положение Месхети в то время было очень тяжелое: экономика была сильно расшатана четырехлетней войной (1914-1918 гг.), к тому же распри среди населения играли не последнюю роль в ее ослаблении.

Политическая власть переходила здесь несколько раз из рук в руки - из рук меньшевиков в руки местных беков-мусульман. Разорялись села, уничтожались дороги, мечети, церкви.

Короче говоря, с 1918 по 1920 год здесь уничтожались материальные ценности, гибли люди. В моем родном селе Уде проживали грузины - как мусульмане, так и христиане-католики. Все они кормились исключительно землей. Но земля не могла обеспечить их хотя бы на полгода. Крестьяне занялись садоводством - это было более прибыльно, чем высевать зерновые и ждать капризный урожай.

Жили мы далеко от лесов. Топлива не было. И вьючных быков у нас тоже не было. Эти обязанности в семье приходилось выполнять мне.

Село наше находилось на высоте 1300 м над уровнем моря. Сельские сады - в десятки гектаров - ниже примерно на 200 м, у берегов реки Кваблиани. Каждый вечер я должен был добывать связку дров. Как только наступали сумерки, я вскидывал на плечо маленький топорик-наджах, моток веревки и отправлялся на поиски дров. Вечер мне нужен был для того, чтобы тайком пробраться в чужой фруктовый сад.

Отойдя от села на приличное расстояние, я, оглядевшись, начинал осторожно обрубывать ветки фруктовых деревьев. Хорошо, если попадались засохшие - живые было жаль рубить. Но особенно выбирать не приходилось - дома меня ждали братья и сестры, их было пятеро, и в доме было холодно.

Нарубив веток, я складывал их на веревку и, прижав коленом, стягивал веревкой, затем садился спиной к связке и закреплял веревку на плечах. Иногда связка получалась такой большой, что я с трудом поднимался на ноги.

Когда я, согнувшись, в темноте подходил к дому, силы уже покидали меня. Веревки так впивались мне в плечи, что раны заживали только летом. Изо дня в день, исключая лето, я обеспечивал семью теплом.

Но мне виделась другая жизнь - я страстно хотел учиться. Что меня выручило, так это письмо, которое прислал с оказией дядя Кадим - старший брат матери. Он тоже жил за кордоном - в селе Конк тогдашнего Ардаганского вилайета.

Дядя Кадим писал отцу, что в Конке открывается школа нового типа - "лейли мектеб". Школа прогрессивного направления, много естественных наук - география, биология, физика. Обучение, конечно, на турецком языке. Это не было для меня помехой, я прекрасно знал оба языка: и грузинский, и турецкий. "Хорошо сделаешь, если пришлешь Латифшаха, - писал дядя в конце, - мальчик он толковый, пусть пойдет по ученой части".

Письму я очень обрадовался, и оно стало для меня ориентиром в жизни, но родители были категорически против моей учебы, и я сбежал из дома.

В селе Колицкали я был в детстве, когда мне было лет шесть. Приезжали мы сюда с матерью и дядей Кадимом погостить у тетушки Гюльназ, младшей сестры матери. Тетушка и ее муж дядя Нури были веселыми и гостеприимными людьми. Помню, как весело мне было с моими многочисленными двоюродными братьями и сестрами. Не успевали мы въехать на лошадах во двор, как нас окружала визжащая орава, меня стаскивали с лошади, и начиналась веселая возня. Дядя Нури тут же отправлялся к речке Колицкали (она была небольшим притоком реки Поцхови) и возвращался с ведром крупной форели. Когда мне велели отнести ведро на кухню, помню, с каким страхом и любопытством я долго разглядывал шевелящиеся плавники пятнистых рыб, вздрагивая от шумных всплесков воды.

В те годы дорог не было, и Колицкали был практически оторван от Ардагана и всей Грузии. Тем более что в 1921 году была осуществлена демаркация границы между Грузией и Турцией, которая разделила родных и друзей. Волею демаркации все мои родственники по материнской линии и тетушка Гюльназ, жившая в селе Колицкали, оказались в Турции.

И вот 7 декабря 1923 года я, еле живой, появился на пороге ее дома. Лицо у меня распухло. Правый глаз не открывался.

Меня немедленно раздели, растерли руки и ноги, переодели в теплое и сухое белье, накормили и уложили в постель. Несколько

дней я метался в горячем бреду, не чувствуя от боли ни рук, ни ног. Соседи забегали к тетушке, сокрушенно качали головой.

Пока я выздоравливал, долгими зимними вечерами у тетушки собирались соседи, и тогда мне довелось услышать много забавных историй. Истории были сами по себе незатейливы, но, мастерски рассказанные тетушкой, они живо воспринимались. Обычно слушатели по ходу рассказа подбрасывали остроумные реплики, меткие прозвища, и, обогащенные таким образом, истории эти запоминались и передавались из поколения в поколение.

Вспоминаю, как Тамара, в 1977 году побывавшая у родственников в Турции, посещала сельские вечера, на которых рассказывались истории полувековой давности, причем, часто слышалось: “А наш прадедушка сказал...”, “А наша бабушка ответила...”

Меня поразила неизменность сельского уклада: те же сборища в одном доме, те же рассказы, до сих пор (в 1977 г. - прим. ред.) в селах нет электричества, и до сих пор, слушая старые истории, женщины при свете сосновой лучины ловко нанизывают бисер на иголку и также ловко пришивают его на марлеву ткань.

Но не только это. Меня поразила некая внутренняя связь между людьми - они никогда не видели этих прадедушек и прабабушек, но те и сегодня словно живут среди живых. Над их промахами смеются внуки и правнуки, их остроумными ответами гордятся.

Я вижу воочию, как, склонив голову и закусив губу, женщины рукодельничают. Изредка они вскидывают глаза на рассказчика и по их губам пробегает улыбка. Эти истории все знают наизусть, но слушают с явным удовольствием. Трещит лучина, и смола жирными каплями падает в подставленную медную миску...

Вот одна из этих историй. Мой дед, Искандер-ага, часто навещал родственников в Колицкали, когда граница еще не разделяла их. Однажды, приехав погостить, дед привез в хурджилах невиданные здесь доселе арбузы. Мужчин дома не было. Дед, передав хурджины женщинам на кухне, уехал, пообещав вернуться к вечеру. Вечером, после сытного ужина, на десерт вместе с печеной тыквой, как диковинку, подали арбузы.

- Что вы с ними сделали?! - закричал пораженный Искандер-ага.

На блюде дымились арбузы в желто-коричневую полоску.

- Они пеклись столько же, сколько и тыквы, - оправдывались женщины.

До слез хохотал Искандер-ага, а история о том, как в Колицка-ли испекли арбузы, закрепилась в устном рассказе.

Еще один рассказ тетушки Гульназ.

“Было это лет 15 назад, в моем родном селе Гвиния, я была еще девчонкой. В село приехали наши соседи по Уде - Чаги-ашвили Осе и еще один католик - покупать быков. Остановились они у нас, и хотя наш отец был моллой, гостям-христианам был оказан достойный прием. А в те дни наш сельский кузнец, роя землю под фундамент для пристройки к своему дому, наткнулся на глиняные кувшины, судя по всему, внушительных размеров. Кузнец несказанно обрадовался, решив, что обнаружил клад. Боясь посторонних глаз, он стал работать по ночам. Наконец, в одну из ночей при свете факела кувшины были вскрыты. И что же увидели обалдевший от счастья кузнец и его семейство? В нос ударил винный запах. Это оказались четырехсотлитровые винные кувшины, простоявшие в земле невесть сколько лет.

Кузнец был потрясен. К тому же как мусульманин увидел в этом дурное предзнаменование. И чтобы оградить себя и свое семейство от гнева Аллаха, поспешил к сельскому имаму с покаянием: польстился-де на чужое добро, и вот как оно обернулось.

Наутро имам должен был объявить о духовном решении. Оно было кратким: разбить шайтанские сосуды с греховной жидкостью, а место захоронения сосудов объявить запретным для правоверных. Кувшины торжественно извлекли из земли и сбросили вниз, по склону горы. Многолетнее вино хлынуло рекой, увлекая за собой черепки и распространяя вокруг прекрасный аромат.

“Дайте хотя бы попробовать!” - закричал Осе, размахивая черепками, и кинулся в середину винной реки. Потом Осе долго не давался в руки, пел песни и кричал: “Какое вино загубили! Пару быков отдал бы за него!” Наконец правоверные подхватили его под руки и приволокли к нам”.

Интересна еще одна история. Мой отец часто ездил в Ардаган, когда еще Поцхови принадлежал царской России. Дело было в 1912 году. В этот раз его попутчиком оказался некий молла Реджеб. Ехали в арбе, запряженной двумя быками. В огромных глиняных кувшинах везли ардаганское сливочное масло.

Притомившись, они решили отдохнуть. У ближайшего родника сделали привал. Неторопливо, со вкусом уминали мчади с маслом и сыром. Молла Реджеб нагнулся к воде попить. Вдруг - тэнк! - что-то звонко тренькнуло. Копеечная монетка выскочила из-за пояса и закатилась между камнями родника. Молла начал искать монету. Ищет час, другой. Наконец отец не выдержал: “Слушай, сколько можно искать! Я дам тебе копейку, только поехали!”

Молла взял монетку, повертел ее, сунул за пояс и продолжил поиски. Отец взорвался: “Слушай, зачем ищешь? Дал же я тебе копейку!”

Молла невозмутимо ответил: “Копейка копейке рознь. Ты что думаешь, твоя копейка моей копейки стоит?”

Отец с трудом утащил упорствовавшего моллу от родника и так хлестнул быков, что те понеслись. Молла все оглядывался и сокрушался. С тех пор с кем бы молла Реджеб ни проезжал мимо этого родника, он всегда останавливался и искал потерянную копейку.

Я уже почти поправился, набирался сил и думал, как бы поскорее выбраться отсюда и прямым ходом в Конк, в школу! Часами я лежал и предавался мечтаниям о предстоящей учебе, о том, как сию за партой со своими сверстниками - тоже необыкновенно способными.

В те дни, когда в Уде отец получил письмо от дяди, был рамазан, и мы постились. Ночами мы совершали длинные намазы. Как муэдзин, я помогал нашему молле. По окончании намаза все вскидывали ладони кверху. “Аминь!” - пронеслось по мечети, и все мысленно просили у Аллаха небесных милостей.

Я же, говоря “аминь”, просил всевышнего о самой большой милости - сделать так, чтобы я учился. Я готов был заплатить самую дорогую цену - пусть за это он отнимет у меня руку, ногу, глаз, - только бы учиться.

С 1917 года по 1923 я был приставлен к сельскому молле читать молитвы. Сначала моллой был Шамиль Канчадзе из Царбастубани, затем Али. Между жителями села и моллой существовали строго определенные отношения. Во-первых, каждый совершеннолетний мусульманин раз в году обязан был преподнести молле пуд зерна. За это молла проводил с верующими ежедневные намазы, обучал в медресе арабской грамоте. Кроме того освящал брак, записывал новорожденных, за что получал отдельную плату. Неграмотные, а таких в селе было большинство, платили ему за написание и прочтение письма. Когда в селе кто-нибудь умирал, молла обмывал покойника и читал над ним молитву.

Обучение грамоте велось без каких-либо учебников, программ и учебных пособий. Был только Коран на арабском языке. Текст просто заучивался по главам и использовался в намазах. Считалось, что прочтения всего Корана от главы “Альхамдулиллах” до главы “Алиф лям мим” достаточно для образования, это значило, что ученик прошел один “хатим”. Я считался ученым малым - прошел два “хатима”. Именно поэтому и назначили меня муэдзином (думаю, что и моя голосистость сыграла в этом не последнюю роль - попробуй по 5 раз в сутки кричать с минарета “Аллаху Акбар!” - “Аллах превелик!”). Помогал я нашему Молле и в других его делах: проверял учеников, спрашивал заученный текст, готовил воду для омовения.

Как только в Уде установилась власть большевиков, а это произошло в 1917 году, сразу же открылась начальная школа на грузинском языке. К нам пришли представители власти и попросили отца отдать меня в школу. В конце концов решили, что до обеда я буду в медресе, а после - в грузинской школе. Таким образом к 1923 году я закончил и 4-летнюю школу на грузинском языке.

* * *

17 декабря 1923 года установилась ясная погода. Перевалы хребта Мутруджан вот уже несколько дней были проходимыми. Как раз накануне мы узнали, что кто-то из соседнего села со-

бирается в Ардаган на лошадях. Дядя Нури договорился, что тот возьмет и меня.

Рано утром я обнялся со всеми, тетушка поцеловала меня, и мы двинулись в путь. Дорога была нелегкая. Я то взбирался на вьючную лошадь, то спешившись, быстро вышагивал рядом. Шли мы так до позднего вечера. Когда совсем стемнело, мы подошли к селу Кара-Кала - оно уже отошло к Ардаганскому виллайету.

Мой молчаливый спутник остановил лошадь возле большого длинного дома. Залаяли собаки. Стараясь перекричать их, он несколько раз крикнул в темноту: “Кязым-ага! Эй, Кязым-ага!” Это оказался дом моего кирва⁶. Кязым-ага был терекеминцем⁷ по происхождению. 4 октября 1907 года он гостил у нас. Выгодно обменяв молочные продукты, которыми славился Ардаган, на наши знаменитые фрукты, он собирался в обратный путь. Трое быков были уже запряжены, как в доме раздался крик младенца, на свет появился я. Искандер-ага - мой дед решил породниться с богатым терекеминцем. Кязым-ага стал моим кирва.

Заскрипела дверь, и на пороге появились мужчины, женщины и дети. Когда меня узнали, я оказался в объятиях, меня зацеловали и чуть ли не на руках внесли в дом. Не успев даже поблагодарить своего молчаливого спутника, я оказался в большой светлой комнате, где вечеряла дружная семья Кязым-аги.

Невестки тут же накрыли низкий деревянный столик и установили его всевозможными яствами - сметаной, сыром, соленым творогом, соленным и несоленным сливочным маслом. Рядом лежали плоские хлебцы в виде изогнутых рожков.

Отсюда часто приезжали к нам, в Уде, чтобы обменять молочные продукты на фрукты. Я не понимал, как можно менять такие вкусные вещи на яблоки и груши. Они лежали у нас круглый год навалом и в рассыпную - в подвалах, прихожих и бочках.

6. Кирва - названный отец, который назначается ребенку при обрезании.

7. Терекеминцы - скотоводы-кочевники (из тюркских племен), частично осевшие в Грузии.

При виде еды у меня разбежались глаза. Но, несмотря на голод, я старался есть степенно. Меня закидали вопросами об отце, братьях и сестрах, о хозяйственных планах, о скоте, дровах. Я отвечал, не переставая жевать. Едва я наелся, как глаза стали закрываться сами собой, и я уснул прямо за столом.

Утром я проснулся с тревогой - вот уже 10 дней я добираюсь до Конка, а конца пути еще не видеть. Каждое новое препятствие на пути к цели я воспринимал с досадой. К тому же я не совсем окреп от перенесенной болезни.

За завтраком, таким же вкусным, как и ужин, кирва сообщил, что он успел узнать: сегодня в село Синдизгоми на свадьбу отправляются два ашуга. А Синдизгоми совсем рядом с Конком. “Вечером посмотришь свадьбу, а завтра с утра отправишься в Конк”, - посоветовал мне кирва.

И вот я снова в пути. Да, я забыл упомянуть, что захватил из дома свой кинжал, подарок деда Искандер-аги. В руках у меня была суковатая ореховая палка, хотя зверей и бандитов я не боялся, да и какому бандиту охота бродить зимой по горам.

Сравнительно легко мы одолели еще один перевал, держа направление к истоку Куры.

Как только мы взобрались на вершину перевала, ашуги указали мне, где находится Конк. У меня дрогнуло сердце. Мне показалось, что я вижу дома, пастбища и даже очертания деревьев у знакомого дома. Было около пяти часов вечера, время третьего дневного намаза. Ашуги обеспокоенно посмотрели на меня. “До Конка тридцать километров”, - сказали они.

Я, не дослушав их, попрощался и побежал вниз. Однако ашуги догнали меня. Поправляя перекинутые за спину сазы, они схватили меня за рукава и стали сердито объяснять, что за 3 часа мне не одолеть тридцать километров, что дорогу я не знаю и, заплутав, замерзну ночью в горах. Я молча вырывался. Как объяснить им, что такое школа и как я хочу учиться в ней?

Поняв, что убедить меня невозможно, ашуги стали объяснять дорогу: “Километров через десять дойдешь до двух сел. Справа будет Эде-гёль, слева Дэде-гёль. Не вздумай заходить в эти села - живым тебе не выбраться”. Эти села славились своими стороже-

выми собаками. Волкодавы были с хорошего теленка и надежно охраняли стада.

Ашуги, сокрушенно качая головами, попрощались и быстро пошли своей дорогой.

Горный воздух чист и прозрачен. Вечером предметы вырисовываются особенно четко. Я представляю, как в разные стороны удаляются невысокий крепьши, охваченный нетерпением: скорей, скорей! - и двое пожилых людей. Я вижу их спины. Во что они могли быть одеты? Возможно, в архалуки, сшитые из овчины. Наверное, были в высоких бараньих папахах.

Сазы, очевидно висели на широких кожаных ремнях, лоснящихся от времени. Длинные грифы сазов четко вырисовывались в сумеречном воздухе. Издалека их можно принять за ружейные стволы, а ашугов - за охотников или разбойников. Но ни теми, ни другими они не были. Это были простые люди, любящие песни и шутки. И шли они на свадьбу - прославлять любовь и жизнь.

Было очень холодно. Я быстро бежал, глаза слезились от морозного воздуха, и слезы тут же застывали на ресницах. Щек я уже не чувствовал - должно быть, я их отморозил.

Не останавливаясь, решил проскочить между Дэде-гёлем и Эде-гёлем. Было время первого вечернего намаза, часов шесть вечера.

Неожиданно справа возникли силуэты мчащихся собак. Это были эдегёльские волкодавы - сука со щенками. Я знал, что отбиться от сторожевых собак практически невозможно. Можно, конечно, бросив палку, лечь на землю и замереть. Тогда собаки не трогают жертву, а обнюхав, садятся возле нее и ждут пастуха. Но я знал, что пастухов поблизости нет и решил отбиваться от собак.

Когда они приблизились, я швырнул в пасть суки палку и выхватил кинжал. Сука захрипела от ярости. Лай щенков и их матери был услышан собаками Дэде-гёля, и вот уже целая стая мчалась в нашу сторону. Сука, забыв обо мне, с яростным визгом набросилась на своих противников. Я боялся смотреть на

это зрелище, настолько жутким оно оказалось вблизи, и попытался незаметно отползти за большой валун.

Как я потом узнал, Дэде-гёль и Эде-гёль издавна враждовали, и собачья грызня была традиционной, именно поэтому собаки так быстро потеряли ко мне интерес. Их стало больше. Из Эдегёля примчалось еще несколько волкодавов.

Я просидел за валуном до наступления темноты - дрожа от холода и страха. Ветер усилился, и я попытался отползти подальше от побоища. Воспользовавшись темнотой, я вскочил на ноги и припустил изо всех сил.

Пробежав метров двести, я услышал проклятия в свой адрес. На место побоища сбежался народ. Оглядываясь на бегу, я увидел как качались в темноте светящиеся пятна факелов, услышал крики, ружейные выстрелы. Несколько пуль было пущено мне вслед.

Я бежал до тех пор, пока путь мне не преградила река. Она так мирно перебирала камнями, что я несколько успокоился. Я знал, что здесь начинается Кура, знал, что вода в ней ледяная, и стоит мне войти в нее, как я тут же заледенею сам.

Цепляясь за кустарник, я ощупывал ногой спуск и вглядывался в берег. Я сначала хотел снять одежду и обувь. Но внезапно из кустов на берег метнулась серая тень. Не успев испугаться, я спрыгнул в воду и стал пробираться меж речных валунов. Кинжал я успел выхватить из ножен, иначе бы его сковала ледяная вода.

Вода сначала дошла мне до пояса, потом поднялась до груди, потом - до плеч. Плавать я не умел и решил, что придется карабкаться на валун, и думал, что вряд ли мне это удастся - валун был совершенно гладким.

Но постепенно стало мелеть, и только тут я оглянулся: на берегу сидели волк с волчицей и внимательно наблюдали за моей переправой.

Выйдя на противоположный берег, я задумался - что делать: то ли выжимать мокрое платье, то ли бежать так, не раздеваясь, покрываясь ледяной броней. Зубы начали тихонько стучать. Пока я стану стаскивать негнушимися пальцами архалук, выливать воду из обуви, закоченею окончательно. Мелкая дрожь охватила

все тело. Я знал, что это плохой признак - дело могло кончиться хуже, чем в прошлый раз. Спасение было в одном - бежать, и как можно быстрее. И я побежал. Не помню, сколько я бежал еще, но, по-моему, было время ночной молитвы “яси намази” (десять часов вечера), когда я со скрипом открыл тяжелую дверь и с клубами морозного воздуха очутился в большой комнате.

Картина, которую я увидел, донныне стоит перед глазами, хотя с тех пор прошло более 50 лет.

У передней стены на мягких подушках возлежал дядя Надим, младший брат матери, и тихонько напевал:

Поешь, соловей, ты всю ночь напролет,
Не пой сиротливо - я и так невесел,
А может, подруга в гнезде тебя ждет?
Не пой сиротливо - я и так невесел...

Ярко горели дрова в камине, над огнем висел ошипанный гусь и жир тяжелыми каплями падал на чугунную сковороду, стоящую на треножнике. Рядом, на низком столике Сона-абла⁸, жена дяди Кадима раскатывала тесто длинной узкой скалкой и, сделав лепешку, ловко бросала ее на шипящую сковороду.

Эта часть воспоминаний, пожалуй, самая цельная, а дальше все смешалось - воспоминания, размышления, исторические ссылки...

Сначала я вычертила четкую временную линию: Уде - Конк - Дигур - Ардаган - Уде - Тбилиси - Ахалцихе - Уде. По времени это почти двадцать лет. Стала собирать из всего написанного относящееся к этой линии. Прочитала. Получилось довольно схематично. А папины рассказы тем и привлекательны, что похожи на замысловатые кружева.

Особенно хорошо я помню, как мы жили в Мугани. Я училась во втором классе, Тамара - в четвертом, а Маратику было пять лет - карапуз с вечно открытым от удивления ртом. Помню папа был очень занят - размещал людей, прибывших с нами из Средней Азии, добивался палаток, пробивал школу - и, несмотря на страшную занятость, почти каждый вечер рассказывал нам сказки.

Начинал он неизменно так: “Было да не было, не было да было”...

8. Абла - так месхи называют жену дяди.

9. Традиционный зачин грузинской народной сказки.

и рассказывал медленно, подробно и так живо, что мы целиком погружались в волшебный мир. Причем у бесчисленных героев его сказок были наши имена. Может, папа делал это из педагогических соображений, не знаю. Мы умирали от любопытства и страха за судьбу героя и срывающимися голосами спрашивали, удастся ли им одолеть все невзгоды и вернуться на родину. Эти сказки были чистым волшебством, и с тех пор я влюблена в них. Кстати, позже, читая грузинские сказки и “Тысячу и одну ночь”, я с удивлением обнаружила папины сказки, правда, сильно измененные. Но все равно они радовали меня, как старые знакомые.

На другой день на пороге, один за другим, стали появляться родственники. Мой рассказ о фантастическом переходе через границу приводил всех в удивление и стал передаваться из уст в уста. Чтобы услышать этот рассказ, приезжали даже из дальних сел. Два дня меня не выпускали из дома. Отдыхай, говорили, и заставляли пересказывать еще и еще раз.

Перво-наперво я постарался выяснить географическое положение села. Раннее Конк был большим селом, в нем прошли несколько лет моего детства. Село разделяла небольшая речушка, текущая на север. Крыши домов были обмазаны глиной. Коровники стояли впритык к жилым домам, а заготовленное на зиму сено в стогах - в стороне, чтобы в случае пожара огонь не перекинулся на дома и сараи.

В Поцхови дома, как правило, имели очень маленькие окна. Здесь же, в Конке, - по-европейски большие. В этих домах раньше жили молокане. Не привыкшие жить в таких домах (к тому же стекло в те годы было в большой цене), конковцы забили часть окон, и теперь эти окна смотрелись, как большие заплатки на домах.

Кстати, откуда в Поцхови появились молокане? На мой письменный вопрос папа ответил целым трактатом. Он писал, что молокане - одна из христианских сект, возникшая в XVIII веке как следствие протеста против социальных условий крепостнической России, что они отвергают школы, иконы, святых и их мощи, считая, что целью верующего является духовное возрождение. Отно-

ительно происхождения названия “молукане” существуют различные версии. Одни связывают его с местом поселения молукан на реке Молочная на Крымском полуострове, другие с тем, что сектанты считают вероучение “чистым молоком духовным” и пьют в пост молоко. Что после русско-турецкой войны 1828-1829 годов Николай I приказал выселить всех молукан из Молочных вод в отвоеванный у турок Ахалкалакский уезд и поселить их на Джавахетском плато. В горах Джавахети молукане построили такие же деревни, как и на молочных водах, занялись сыроварением, овцеводством, извозным промыслом. Жестокие репрессии властей вынудили молукан выехать из Ахалкалакского уезда и близлежащих сел сначала на остров Кипр, а затем в Канаду.

Тут я вспомнила, что Тамара рассказывала, как в 1977 году в Турции в городе Карсе она встретила двух русских девочек. Они были одинаково одеты в цветастые сарафанчики, одинаково голубоглазые, а легкие льняные волосы были одинаково заплетены и перехвачены голубыми бантами. Тамара окликнула их по-русски и спросила, как их зовут. Девочки переглянулись и неуверенно ответили: “Нюра”, “Катя”. Но дальше этого разговор по-русски не пошел. Девочки оказались местными, как они выразились, русский язык знают их родители и бабушка, а они только понимают немного. Потомки переселенных молукан бойко тараторили по-турецки, а потом вежливо распрощались. “Почему-то мне стало грустно”, - сказала Тамара, заканчивая рассказ.

Кроме того, в Конке жили туркмены и терекеминцы, насильно переселенные более 200 лет назад. Однако до сих пор они не ассимилировались с другими народностями.

Поскольку лес находился далеко, основным топливом служил кизяк - высушенный навоз.

Дома в Ардаганском вилайете были одноэтажными, и зимой снег покрывал их полностью. Жители отправлялись на быках в поцховские и шавшетские леса. Там они выкорчевывали наиболее смолистые сосновые пни, расщепляли их на тоненькие лучины, которые и служили по вечерам источником освещения. Когда я стал бывать в Поцхови чаще, то убедился, что с топливом и освещением там действительно было плохо. Уже позже народ

покупал контрабандный керосин, вывезенный из России. Пока этот керосин довозили до Ардаганского вилайета, цена его становилась баснословно высокой - за литр керосина брали два литра топленого сливочного масла. Деваться было некуда, и люди шли на такой невыгодный обмен. В это время ни у нас, ни в Поцхови и Ардагане денег в обиходе не было, шел примитивный обмен товарами.

Кукуруза (по-турецки “лазут”) в Ардагане не прижилась из-за холодного климата. По мнению профессора С. Джикия, слово “лазут” произошло от “лаз оти” - “трава лазов”. В Месхети кукуруза распространилась одновременно с турецким языком и вскоре стала популярной культурой. В двадцатые годы в Ардагане и Ахалцихе бытовало много песен и дастанов, прославляющих кормилицу-кукурузу. Я охотно распевал эти дастаны в кругу взрослых и сверстников. Вот один из них:

Зовут меня лазут и мисир¹⁰ иногда,
Обильное потомство у меня всегда.
Пленен был в Поцхови, не помню когда,
Теперь же вся степь Ардагана моя!

Я там, где сады, огороды, вода,
Персик и гранат мне спутники всегда,
Чурук Су¹¹, Мачахела, Батум, Ливана,
Имерхеви¹², Кутаиси мне принадлежат!

Я - лазут! Разорялся и в забвении бывал,
Но сейчас я сладким и вкусным стал,
Везде и всюду теперь меня хвалят,
Ахысха¹³, Ардаган мне принадлежат!

10. “Мисир” от арабского “маср” - Египет. Возможно, кукуруза пришла в Грузию из Египта.

11. Чурук Су - гнилая вода. Так раньше называли город Кобулет.

12. Мачахела, Ливана, Имерхеви - провинции Южной Грузии.

13. Турецкая огласовка грузинского топонима “Ахалцихе”, что значит “Новая крепость”.

Богатые крестьяне, переехавшие в Конк из Поцхови еще больше разбогатели. Знамениты были братья из поцховского села Али: Кочи-ага, молла Касим и Ахмед-ага. Они открыли в Конке лавку, в которой продавалось все - от керосина до парчовой ткани. Популярная на селе кофейня - так называемая “кахве-хана” - тоже принадлежала братьям. Каждому из них прислуживали по 3-4 семьи. Хотя братья и жили вместе, хозяйство их было отдельным и размещалось в разных сараях и амбарах. Овцы, буйволы, табуны лошадей, коровы - все содержалось образцово. Сельским старостой обязательно был кто-нибудь из них. Лучшими пастбищами и посевными площадями владели братья. У каждого было по 2-3 красавицы жены. Моя теть Дильфруз, сестра матери, была первой женой Ахмед-аги. Женился он на ней в Поцхови, а затем уже в Конке взял себе в жены еще двух красавиц. От каждой жены у него было по нескольку детей, и в доме с утра до вечера шли шумные скандалы.

В соседнем селе Кодисцкаро богатейшим человеком был Фейзо-ага, который даже открыл молочный завод. Он скупал все молоко в своем селе и окрестностях по самой дешевой цене, перерабатывал его в масло, сыр, творог, айран. Затем продукция отправлялась на караванах в портовые города, а оттуда новоиспеченный капиталист умудрялся переправлять ее и за границу. В соседних селах, и даже в самом Ардагане, были лавки, принадлежавшие Фейзо-аге. В Ардаганском банке он имел личный счет.

Школа в Конке, в которую я поступил учиться, занимала большое здание. Когда-то, лет сорок назад, в этом здании жили молокане. Оно было таким большим, что в нем свободно проживало сто-сто двадцать семей, целая община. Но, хотя молокане жили тогда небедно, здесь не было ни школы, ни церкви.

Впрочем, это неудивительно. Молокане отвергали церковь и все предметы культа, считая, что верующий может обращаться к богу без каких-либо посредников. Оттого в Конке не было церкви. А в таких громадных домах, как мне кажется, размещались молоканские общины.

Начальную школу в Конке открыли в связи с первой годовщиной Турецкой республики. Единственным учителем в ней

был лаз Идрис-эфенди¹⁴ из города Ризе. Видимо, этот чиновник здорово поднаторел в науке обучения. Ходил он всегда с черным зонтом, служившим ему тростью, надменно задрав лицо, побитое оспой. На уроках Идрис-эфенди нещадно бил ребят, однако никто из родителей не возмущался, простодушно считая, что рукоприкладство помогает в учебе.

Я много помогал по дому, поскольку у дяди не было ни слуг, ни батраков. Как-то Сона-абла, двоюродный брат Изаар и я вычищали навоз из сарая. Мимо проплыла надменная фигура Идриса-эфенди. Увидев его, я торопливо поклонился. Учитель брезгливо окинул взглядом унавоженный двор и поплыл дальше. Наутро он спросил меня: “Ответь, чем это ты занимаешься дома?” Я вспыхнул и, вскочив с места, ответил: “Учу уроки, эфенди”. Тут учитель размахнулся и ударил меня по лицу. До сих пор не знаю, за что. Все поплыло перед глазами. Домой я прибежал заплаканный. Дядя тут же отправился в школу. Я сначала уперся: уйду из школы и все! Но потом вспомнил, как мечтал об учебе и смирился.

В школе мы изучали грамматику, арифметику, ислам, историю, естествознание, чистописание, занимались физкультурой и пением. Подобные школы были открыты лишь в некоторых селах новой Турецкой республики.

Мой переход через горы сказался очень скоро. Через месяц на животе у меня выскочил фурункул, который с каждым днем все больше беспокоил меня. Чем его лечить я не знал, обратиться к теткам стеснялся, очень страдал от изнуряющей боли. Когда Сона-абла узнала об этом, она всполошилась.

- Какой там чирей! Клянусь Кораном, это черная болячка¹⁵! Мало того, что этот бездельник много ест, так еще подхватил где-то заразу. Уводи, уводи его, куда хочешь!

Но дядя прикрикнул на жену, и я остался. С фурункулом я промучился с месяц. До марта следующего года я проучился без особых происшествий.

14. Эфенди (тур.) - господин, вежливое обращение к мужчине.

15. В то время так называли сифилис.

А там пришло новое несчастье: всю семью охватила чесотка. Врачей на селе не было, а местные знахари оказались бессильными перед этим всепожирающим зудом. Мы чесались остервенело, до полного изнеможения. Положение стало невыносимым. К тому же в Конке было очень голодно.

Дядя решил съездить в районный центр. В Поцхови бывало много контрабандного товара. Может и удастся что-нибудь достать.

Двумя днями позже пустились в путь и мы с Изааром. Я убедил дядю с тетей, что в Уде брату будет лучше. Отправились мы в апреле, в горах уже начинал таять снег, но все равно в гололед идти было трудно.

Когда мы взобрались на Мутруджанский перевал, неожиданно встретились с дядей - он ехал обратно с провизией. Дяде повезло: он достал пять пудов кукурузы у знакомых контрабандистов. После привала мы попрощались и торопливо зашагали к границе. Я несколько раз оглянулся. Дядя поправлял упряжку на быке, а тот повернув могучую рогатую голову, смотрел влажными глазами.

Мы благополучно пересекли границу и поздно вечером были в Уде.

Дома нас встретили радостно - отец уже не гневался на меня за побег.

Мы помылись, переоделись в чистое белье и сели к очагу. Мама разламывала мчади, пододвигала мацони в деревянных чашках, тихонько утирая слезы. Я подробно рассказывал о своем житье в Конке, об учебе, о том, что вынудило меня уйти из села.

Нас с Изааром все еще продолжала мучить чесотка. Была у нас в Уде бабушка Пенбе, приходившаяся нам дальней родственницей. Вообще-то она не была знахаркой, но людям помогала. Как-то она здорово подлечила меня. В 1920 году на селе сплавляли лес. Я напросился подработать и стал рьяно размахивать топором. На втором часу работы я глубоко засадил топор в левую ногу на сгибе колена. Брызнула кровь, и я закричал от страха и боли. Мама побежала к сельскому знахарю Петре Бабунашвили. Тот потребовал за лечение пять пудов пшеницы. Естественно,

такая плата была нам не по карману. Тогда бабушка Пенбе сама взялась за лечение. Она размотала перевязанное наспех колено и промыла его. Достала из деревянного сундука мешочек, неторопливо развязала его, извлекла большой кусок сахара, бросила его в чугунную ступку и стала сосредоточенно дробить. Потом высыпала сахар себе на сухую ладошку, поднесла к ране и стала равномерно посыпать рану серым порошком. Затем наложила на рану сложенный кусок марли, смоченной в керосине и туго перетянула колено марлевым лоскутком.

Я помню все в таких подробностях потому, что сидел тогда и со страхом наблюдал за неторопливыми движениями старушки.

Рана стала затягиваться, и вскоре зажила.

Чесотку вылечила она же. Состав “лекарства” на сей раз был сложнее: сажа, курут, керосин. Бабушка долго размешивала в деревянной чашке эту смесь, мяла в пальцах, нюхала, что-то бормотала себе под нос.

До сентября мы с Изааром оставались в Уде. Хозяйство было большое, хлопот со скотиной, сенокосом и садом хватало. Но когда наступил сентябрь, я решил вернуться в Конк, чтобы продолжить учебу.

С трудом уговорил родных. Особенно упорствовала мама - она панически боялась всяких переходов через границу и твердила, что меня обязательно убьют.

В конце концов нас отпустили, и в начале сентября мы с Изааром отправились в Конк. Но, добравшись до дяди, узнали, что школы в Конке уже нет, ее перенесли в дальнее село, где значительно переплатили за возможность иметь свою школу. Удрученный, я на другой же день пустился в обратную дорогу. Изаар со слезами на глазах простился со мной: за это время мы привязались друг к другу и не хотелось расставаться.

В Уде я пошел через районный центр Дигур - так было ближе. Совершенно случайно встретился там со своим учителем - в 1921 году молла Али учил меня Корану. Оказалось, что он недавно устроился на работу в школу - учителем пения. Я вспомнил: да, у него был прекрасный голос. “Божественный” - говорили о его голосе.

Он посочувствовал мне и предложил устроить в дигурскую школу, где работал сам. Но где жить? Молла Али сказал, что на окраине знает одно старое заброшенное здание, где когда-то находилось медресе. Мы нашли его, осмотрели пустые комнаты. Одну из них можно было приспособить под жилье.

Я добрался до Уде и рассказал обо всем родителям. Смирившись с моим стремлением учиться, они вечером стали собирать меня в дорогу. Достали жестяную печь (она валялась в подвале), сложили в мешок сковородку, шерстяное одеяло, муку, сушеные груши. Вещей набралось много, и отец сказал, что пойдет со мной.

Глухой ночью мы отправились в путь.

Жестяная печь с трубой висела у отца за спиной и громыхала в самые неподходящие моменты. Мы в страхе замирали и прислушивались, не слышно ли цокота копыт - объездчики погранотряда разъезжали тогда на лошадях. Но все было тихо, и мы шли дальше.

К утру прибыли в Дигур. Я привел отца в свое будущее обиталище. Мы выбрали одну комнату, развели огонь в печи. Отогревшись немного, стали размещаться. Отец забил окна, сделал крючок на двери. Мы натаскали соломы, набили ею наволочку, запаслись дровами.

В школе меня приняли во второй класс. Учился я плохо - постоянно хотелось есть и спать. Готовить еду я не умел. Получалось только гоми (каша из кукурузной муки). Я долго помешивал кукурузную массу, вдыхал вкусный запах горячей пищи и иногда засыпал от усталости прямо у печи с деревянной лопаточкой в руках.

Иногда навещал знакомых и родственников в Дигуре. Там хорошо кормили, но я очень стеснялся своего голодного вида и боялся беспокоить их слишком часто.

В Дигуре торговали эмигранты-беки из Ацкури. Как-то отец, навестив меня, зашел в лавку. Владелец ее, Кахриман-бек, говорит отцу: “Забирай товар, масло хорошее, выгодно продашь в Уде”. “Нет денег, бей-эфенди”, - говорит отец. “Бери, бери, - настаивает Кахриман-бек, - что, я не знаю тебя? Продашь - вер-

нешь деньги. Да и сын твой здесь учиться”. Затем поворачивается ко мне: “Ола¹⁶, отец товар просит. Дать?” Я говорю: “Твое дело, бек-эфенди”. “А вернет ли деньги?” - стал допытываться бек. “Куда денется”, - в тон ему важно отвечаю я.

Кахриман-бек выносит два пуда отменного ардаганского масла в коробках и нагружает отца.

На сей раз отца поймали на границе. Отпустить - отпустили, но масло конфисковали - все 32 килограмма.

Через некоторое время бек встречает меня и в гневе хватается за шиворот: “Где твой отец, сукин сын?”

Объясняю: так и так. Кахриман-бек недоверчиво слушает меня и говорит наконец: “Тьфу ты, черт! Этот Махсуд даже границу перейти не может, а я еще связался с ним!..” “Но ты ведь сам всучил ему масло, бек-эфенди”, - робко возражаю я. “Молчи, сукин сын! - гремит бек. - И не показывайся мне на глаза, не то кишки выпущу!” С тех пор я стороной обходил лавки ацкурских эмигрантов.

Выходным днем в школе была пятница. В четверг вечером я брал обоюдоострый кинжал - “бебут ханчар” - и шел в пограничное село Гуме. Там жила моя двоюродная тетя, и я у них дожидался темноты. Село было расположено очень удобно, и по этой дороге проходили границу многие: кто шел к родственникам, кто эмигрировал, контрабандисты проносили свой товар. У пограничников этот путь не вызывал подозрений - он пролегал по непроходимым оврагам, лесам и перевалам. Но был и самый короткий - всего 16 километров от Дигура до Уде.

Дома меня ждали. Стаскивали одежду, и я ожесточенно смывал с себя недельную грязь. Целые сутки я блаженствовал. Но наступал вечер, меня нагружали запасами продуктов на всю неделю. И я вновь уходил в темноту и неизвестность. Именно эта неизвестность и постоянное присутствие опасности совершенно изматывали меня. Я валился с ног в своей пустой и холодной комнате, натягивал одеяло и долго лежал без движения и мыслей.

16. Ола, олан - от турецкого “оглан” - мальчик, парень.

Как-то зимой я собрался домой. Затянул узел на мешке, сунул кинжал за пояс. Пришел к тете в село Гуме. Она сытно, как всегда, накормила меня и говорит: “Ты знаешь, сегодня никто не собирается за границу. Останься, пойдешь завтра. Видишь, какой снег идет”. Я отказался: “Нет, пойду. А волков я не боюсь - вооружен”. Тетя вздохнула и сказала: “Забери тогда и мальчишку. Он тоже один. Из беков. Пришел из Ардагана, а идет в Кахарети”.

Мальчишке было лет семь, не больше. Он надел шапку из хорошего каракуля, поправил за поясом дорогой кинжал и мрачно посмотрел на меня. Было тихо и таинственно, как бывает в сумерках зимой. Бесшумно падал снег. Это меня обрадовало: снег тут же заметал наши следы. Мы шли по дороге, увязая по пояс в снегу и как бы погружаясь в темноту.

Через несколько часов пути, у мельницы нам повстречался человек. “Кто такие, куда идете?” - резким голосом спросил он. Я назвал соседнее село. Он прикрикнул: “Эй, хитрецы! Бегите скорее, пока вас не заметили!”

Мальчик, мой попутчик, вскоре попрощался и свернул налево. Я ускорил шаг. Подойдя к дому, я увидел, что снегом завалило окно.

* * *

Так я проучился до марта 1924 года. В марте директор школы получил телеграмму из Ардагана. В ней говорилось, что в Ардагане открывается школа нового типа под названием “лейли-мектеб”. В связи с этим директор получил распоряжение прислать шесть учеников. “Детей граждан, верных Родине!” - было особо подчеркнуто. Был составлен список детей влиятельных родителей. Но кто-то пустил слух, что детей заберут навсегда, и кампании грозил провал. Дирекция стала спешно подбирать новые кандидатуры, и я попал в их число. Кроме того, я узнал, что это не просто школа, а школа-интернат, то есть забота о жилье практически отпадала. Я немедленно согласился, и с 15 марта 1924 года был включен в списки.

Позже я узнал, что город Ардаган в 1921-1928 годах был центром вилайета. Население занималось в основном скотовод-

ством, было неграмотным и представления не имело о медицине. Все это было наследием Османской империи, которая потерпела полное поражение в первую мировую войну. Англичане заняли Стамбул, наступая со стороны Ирака, Франция наступала из Александрии, большая пограничная территория с Измиром находилась в руках греков. С востока наступали дашнаки.

Турки во главе с Мустафой Кемалем объявили Турцию республикой. Президентом ее был избран Мустафа Кемаль-паша, которого позже прозвали Ататюрк, что означает “отец турок”.

В апреле 1920 года президент Турции обратился к В. И. Ленину с просьбой поддержать турецкий народ в его борьбе за независимость. Советское правительство ответило согласием - в Турцию было отправлено 10 млн. рублей золотом. Кроме того, для оказания военной помощи был направлен генерал Михаил Фрунзе, под его руководством войска одержали ряд важных побед, за что советскому полководцу был присужден высший военный титул Турции - паша.

А вот что я вычитала из “Путеводителя по Кавказу” Е. Вейденбаума (Тифлис, 1888 г.): “Ардаган, у грузин Артаани, окружной город Ардаганского округа, на правом берегу Куры, близ истоков ее.

Ардаган принадлежит к числу древнейших грузинских поселений. С XIII столетия он был резиденцией особого Эривана, управляющего провинцией Кола (ныне Гёле). В XVI столетии им завладели турки, и с тех пор христианство и грузинский язык исчезли бесследно. Остались только развалины многочисленных церквей в окрестностях города. В последнюю турецкую войну сильно укрепленный Ардаган был взят штурмом 5 мая 1877 года после двухдневной бомбардировки действующим корпусом генерал-адъютанта Лорис-Меликова. Трофеями победы были 92 орудия и большое количество военных и продовольственных запасов” (с.383).

Но в 1921 году граница между Турцией и Советской Россией была пересмотрена согласно политической конъюнктуре, и Ардаган снова отошел к Турции.

Все мы из Дигурской школы были второклассниками. В школе изучали историю, географию, естествознание, Коран, грамматику, рисование, были и такие предметы, как пение и физкультура.

Директором школы был стамбулец. Богослужение вел Реджеб-эфенди - он был родом из поцховского села Али. Остальные учителя были из разных районов Анатолии.

Школа размещалась в длинном двухэтажном каменном здании. Недалеко стояли еще три таких же здания. В одном из них была казарма, два других пустовали. Как я узнал, до Октябрьской революции в этих корпусах располагались части русской армии.

С позволения городского начальства молодые учителя заняли один пустующий корпус и устроили там театр. Школа была мужская, и все женские роли прекрасно исполняли молодые мужчины. Они сами делали декорации, шили костюмы, мастерили парики и бороды. По воскресеньям мы ходили смотреть захватывающие представления.

Врача в интернате не было. Была баня, но мыться разрешалось не всем, хотя почти все учащиеся были приезжими. Зато постельное белье меняли раз в неделю.

В большом зале висела причудливая лампа, светила она хорошо, но при горении издавала сильный треск, к которому мы вскоре привыкли. Ее называли “газ-лампа”.

Питались мы в общей столовой, где каждый имел свое место. Перед едой, занятиями и сном проводились переклички. нас вызывали по номерам в журнале - “Первый! Второй!”... - и мы отзывались. Фамилий в то время в Турции не было. Меня, например, звали “Латиф-эфенди”, хотя я твердил, что у меня есть фамилия. Учителя, жившие при интернате, дежурили по корпусу и имели широкий круг обязанностей - следили, как режут хлеб на кухне, учили нас пользоваться вилкой и ножом, помогали готовить уроки.

Когда приезжали богатые родители, то, как правило, кроме верховой лошади с ними были и другие, навьюченные вяленным мясом в хурджинах, кувшинами с медом, сливочным маслом в огромных коробках. Все это предназначалось директору и учителям. Поэтому детям богатых родителей уделялось больше внимания, и оценки они получали выше.

Знания оценивались по десятибалльной системе. Оценки 1, 2, 3, 4 означали “плохо”, 5, 6 - “посредственно”, 7, 8 - “хорошо”, 9, 10 - “отлично”. Кроме того, отличники награждались грамотами.

Учился я хорошо. Не нужно было постоянно думать о еде, одежде, жилье и, главное, не нужно было каждую неделю переходить границу. Теперь я с удовольствием тренировался в чистописании, изучал грамматику, знал наизусть все стихи в учебнике. Тайны природы раскрывали мне книга по естествознанию и рассказы на уроках о дождях, снеге, горах... География же совершенно пленила меня. Я часами рассматривал красочные географические карты, усердно перерисовывал их и вскоре мог на память нарисовать карту любой страны со всеми координатами.

Мне не хватало учебного времени для занятий, и я ночью тайком изучал учебники на несколько уроков вперед. Учителя начали ставить меня в пример. Все знали, что у меня нет богатых родственников и пытались меня задеть. Но я хорошо дрался, был физически сильным и вскоре отбил охоту дразнить меня.

Звание учащегося считалось почетным, и сукно для форменной одежды покупалось у богатых купцов. В 1925 году в форму ввели новшество - пряжки ремней и фуражки были украшены медным рельефным вензелем “АЛМ” - “Ардаган лейли мектеби”. В те годы в Турции пользовались еще арабским шрифтом, и название нашего интерната было выполнено арабской вязью. Арабские буквы, причудливые сами по себе, сплетались в замысловатый узор и создавали нашу эмблему.

В 1925 году в Турции ввели правило носить европейские фуражки, что спровоцировало настоящий религиозный саботаж. Он вылился в целый мятеж в ряде юго-восточных районов Турции - в Диарбекире и Дерсиме. Религиозные мятежники пошли на столицу против правительства, которое вводило европейскую моду. Этим мятежом хотели воспользоваться контрреволюционные элементы в стране, однако мятеж, хотя и с большим трудом, был подавлен.

Весной 1925 года нам сообщили, что в Ардаган прибывает национальный поверенный по государственной обороне Турции Февзи-паша. Тогда министров называли так - национальный

поверенный. В день приезда высокого гостя школа вышла на торжественную встречу. Мы в своих форменных одеждах стояли вдоль дороги, а за нами шумела толпа горожан, бурно приветствуя министра.

Ярко блестели начищенные пряжки и вензеля. Паша проезжал в машине. У нашей колонны Февзи-паша царственным жестом остановил машину и подошел к нам. Я стоял во главе шеренги, как самый лучший ученик. Рядом стоял наш учитель по богослужению Реджеб-эфенди. Мы замерли. Кто бы мог подумать, что человек, военный до мозга костей, может спросить такое.

Февзи-паша спросил у меня: “Сколько столпов веры у ислама?” Я усмехнулся - вопрос был для первоклассника. Я знал наизусть, какие пять столпов веры мусульманин обязан признавать:

1. Севим - соблюдение поста.
2. Селат - совершение ежедневных молитв.
3. Хадж - совершение паломничества в Мекку.
4. Зекеат - уплата религиозных налогов.
5. Калимаи шахадат - произношение символа веры: “Ля илляха илля ллах, Мухаммади расулиллах!” - “Нет божества, кроме Аллаха и Мухаммед - посланник божий!”

Но я подумал: если выпалю все подряд на одном дыхании, подумают, что я вызубрил священные истины, не вникая в их смысл. Поэтому я помедлил, якобы раздумывая, назвал все их вразной и замолчал, ожидая похвалы. Однако этого не случилось. Национальный поверенный с отвращением посмотрел на Реджеб-эфенди и сказал: “Да повылазят глаза у твоего учителя!”

Событие это взволновало всю школу. Репутация интерната по моей милости оказалась на волоске.

Впрочем, хотя город был рад приезду национального поверенного, но откуда-то стало известно, что Февзи-паша по происхождению курд (а над курдами у нас посмеивались). Это сообщение послужило пищей для зубоскалов, которые не оставили без внимания и его диковинную в то время машину. Машина тарахтела, выпускала дым и вонь, а на другой день и вовсе застряла на пустыре перед нашей школой. Двое мужчин целый день крутили

ручку, толкали ее взад и вперед, но ничего не помогало. К вечеру пригнали равнодушных буйволов, впрягли в машину, и она тихо покатила под наше улюлюканье и хохот.

Разгневанный паша ускакал в Анкару на верховой лошади.

1917-1921 годы

В этот промежуток времени Месхети подверглась разорению и грабежам. Шли нескончаемые распри между христианами и мусульманами.

Меньшевики организовали 1-ю Месхетскую национальную гвардию, половину из которой составили христиане из Уде. Начальником гвардии был назначен Петре Мерабишвили, тоже из нашего села. Пользуясь своим положением, он держал в страхе всю тысячу семейств села.

В церквях, на улицах, в домах шли постоянные споры между христианами и мусульманами. Разные религии разобщили месхов настолько, что они забыли о своем общем грузинском происхождении.

Южнее Уде, на холмах, мусульмане вырыли окопы. День и ночь между окопниками и солдатами меньшевистской национальной гвардии шла перестрелка.

В январе 1919 года ночью национальная гвардия начала отступать. Петре Мерабишвили спешно запряг быков в несколько арб, побросал в них узлы, усадил семейство и укатил вслед за гвардейцами. Часть католиков последовала за ним, и в одну ночь Уде почти опустело.

Рано утром в село ворвалась одна из банд мусульманских головорезов. Оставшимся католикам грозила смерть. Но случилось невероятное - католики нашли убежище в мусульманских семьях. Не знаю, что сработало в сознании и душах людей, но христиане в самый свой трудный час нашли приют в домах своих вчерашних противников. С января по март 1919 года в мусульманских семьях Уде укрывалось 180 католиков. Мои родители спрятали в то время от религиозных фанатиков 12 человек.

Случилось так, что к нам приехал родственник из Поцхови Лачин - он приходился мужем сестре моей матери и был главарем мусульманской банды. Обнаружив наших постояльцев, Лачин разгневался. "Вы не мусульманской крови! - закричал он. -

Сейчас я покажу вам, как надо обращаться с гяурами¹⁷”. С этими словами он схватил одного из них - Ваню Бабунашвили - красивого статного юношу и выволок во двор. Лязгнул затвор “мартини” (такие ружья в первую мировую войну Германия производила для Турции, где их называли “османли копуси”). Моя мать выбежала вслед. Толкнув к ногам бандита меня и сестру Билор, она сказала дрожащим голосом: “Убей детей моих, но гостя тронуть не дам”. Долго наши уговаривали Лачина. Наконец, дядя Маликшах принес тяжелый меч, украшенный серебром тончайшей работы. Тут Лачин заколебался, стал придиричиво разглядывать подношение и наконец отпустил свою жертву.

Таких случаев было много. Одних людей мои родители выкупили, других хитростью от смерти спасла мать, но все 12 наших жильцов остались живы.

Когда я сейчас вспоминаю все это, то думаю, что кровь оказалась сильнее религиозных распрей.

Однако паническое бегство меньшевиков было почти беспричинным. Мусульманские банды были разобщены, не преследовали никаких политических целей и занимались только грабежом. В то время в окрестностях орудовало несколько таких банд: отряд Курбана из села Хона, Мурсала из села Самкуре, Мавлюда из Верхнего Цисе и др.

Из мусульманских политических деятелей Месхети того времени выделялся Омар-эфенди Кипиани. Родом он был из села Агара Ацкурского района. Образование получил в Стамбульском университете. В Агаре имел хорошие сады и деревообрабатывающий завод. В 1906 году он знакомится с азербайджанским писателем и общественным деятелем Джалилом Мамедкули-заде. Вместе они открывают журнал “Молла Насреддин”, журнал хлесткий, остро-сатирический, каждый номер этого журнала приходилось отвоевывать у цензуры. В 1918 году Омар-эфенди вернулся на родину, подобрал людей, возглавил отряд и, вооружив его, выступал против меньшевиков. Когда в 1917 году в Ахалцихе был расформирован русский стрелковый полк, все оружие полка осталось бесхозным, оно-то и попало в руки Ома-

17. Гяур (араб.) - название иноверца у мусульман

ра-эфенди. Отряд его был большим, в несколько сот человек, со своим знаменем и уставом. На красном полотнище знамени был изображен мусульманский религиозный символ - полумесяц со звездой. Ниже арабской вязью было выведено: "Да здравствует свобода!" Ее Омар-эфенди понимал так: он считал, что весь Ахалцихский округ должен отделиться от меньшевистского правительства и присоединиться к Турции. В 1919 году в Анатолии началось восстание турок под руководством Мустафы Кемаль-паши против существующего строя. Омар Кипиани считал, что Ахалцихе и Турция должны объединиться, чтобы разбить меньшевиков с одной стороны, и войска Антанты с другой.

Когда в 1921 году в Грузии установилась Советская власть, Омар-эфенди вернулся к журналистской деятельности в Баку, где его называли Омар Фаик Неманзаде. Летом 1937 года Омар Фаик поехал отдыхать в Агару. По дороге его арестовали как турецкого агента и посадили в тюрьму, где он и умер.

До марта 1919 года власть в Месхети принадлежала мусульманским отрядникам. Села в окрестности Ацкури контролировал Омар-эфенди, села восточнее реки Абастумани - Сарвар-бек.

Был еще один мусульманский отряд, которым руководил богатый, владелец села Даниэти Аспиндзского района Бахши-бек Мачабели. В его отряде было 150 хорошо вооруженных человек. Отрядники хорошо обеспечивались продовольствием и без задержки получали жалование. Они контролировали Абастуманский курорт и села западнее реки Абастумани. Бахши-бек утверждал, что содержит отряд на собственные средства. Но позже выяснилось, что отряд этот содержало меньшевистское правительство, а сам Бахши-бек имел сношения с Ноем Жордания через Парсатский хребет. В марте 1919 года он известил меньшевистское правительство о том, что в Ахалцихском уезде у мусульман нет серьезной военной силы. Получив это известие, меньшевики ввели в Месхети свои регулярные войска. Не встретив сопротивления, они заняли Боржомский перешеек и Ацкурский район. Мачабели за эту операцию получил военное звание полковника и очень гордился им.

Власть меньшевиков продержалась в Месхети до марта 1921 года. За это смутное время я успел параллельно проучиться в му-

сульманской духовной школе - медресе и начальной грузинской школе с христианским уклоном.

25 февраля в Грузии установилась Советская власть.

Осенью 1921 года мне было 13 лет. Летом я узнал, что в соседнем селе Вархан открылась школа на турецком языке. К счастью, там жила тетьа Хадиджа - сестра отца, и я попросил родителей, чтобы меня отпустили. В сентябре я уже учился в первом классе Варханской школы и жил у тети. Тетю я очень любил за прямо-таки ангельскую красоту и такую же доброту. Она была так красива и так приветлива со всеми, что все звали ее "Ханум".

Как-то в октябре наш учитель сказал мне, чтобы я остался после уроков. После обеда он подошел ко мне, вытащил из кармана маленькую брошюру и стал читать. Я был захвачен чтением - настолько значительным оно мне показалось. Закончив читать, учитель поднял на меня глаза. "Что это?" - спросил я. "Стихи, - ответил он, - их написал турецкий поэт Тофик Фикрет. Я хочу, чтобы ты выучил их наизусть". Стихотворение называлось "Оставь это дело, друг!" Поэт, любуясь работой кузнеца, спрашивает его: что выйдет из-под твоего молота? Кузнец отвечает, что он делает острый кинжал. Поэт горячо отговаривает его: "Оставь это дело, друг! Твой меч будет только наносить раны и лить кровь. Не лучше ли из этой стали выковать серпы, молоты, косы и лопаты, которые будут полезны человеку? Оставь это дело, друг!" Стихотворение покорило меня. Слова его были мужественны и как-то ладно и красиво выговаривались. За два раза я уже выучил стихотворение наизусть. Через несколько дней в село стали съезжаться люди со всей Месхети. Потом выяснилось, что перед народом будет выступать большевик Омар-эфенди Кипиани из Аццури. В то время Омар-эфенди был представителем месхетинцев в Реввоенсовете Кавказского фронта и имел мандат члена Ревкома¹⁸ Грузии, подписанный Серго Орджоникидзе. Кроме Омара-эфенди в роскошных фаэтонах приехали другие члены Реввоенсовета, члены Ревкома и большевики.

Сходка была назначена на огромном лугу перед школой. Учителя сбились с ног - украшали школу, вешали революционные

18. Ревком - революционный комитет, чрезвычайный орган власти,

лозунги. Что бы еще придумать? Решили перед митингом выпустить меня со своим стихотворением. “Он из Уде, - сказали учителя, - не смутится перед народом”.

Рано утром перед школой собралась многотысячная толпа. Вытащили стол, на него поставили стул. Я взобрался на стул и замер - передо мной колыхалось море шапок, папах, башлыков... Откашлявшись, я громко с выражением сказал: “Оставь это дело, друг!” Потом, боясь, что меня не услышат, я прокричал все стихотворение, от чего слова звенели в ушах. Толпа одобрительно загудела. Я перевел дыхание, перехватил вдруг внимательный взгляд Омара-эфенди и смутился. Неловко поклонился и спрыгнул со стула прямо на землю. Стул свалился вместе со мной. Раздался смех.

- Ай, да парень, молодец, - услышал я, - чей это сын?

- Моллы Махсуда из Уде, - ответил кто-то.

С бьющимся сердцем я убежал в класс. Гордость переполняла меня, ведь никому из мальчишек не доверили это дело. А мне доверили.

Митинг тем временем начался. Выступали представители сел, хвалили большевиков. “Земля теперь наша, - говорили, - детей бесплатно учить будут. Если дело и дальше так пойдет, то эта власть нам подходит. Мы будем с ней. Только вот хорошо, если бы власть не обижала месхов-мусульман. Аджарцы потребовали автономию, теперь у них своя республика. Дайте и нам автономию - это будет верная гарантия, что народ перестанут обижать, как при меньшевиках”.

“Братья месхетинцы! - раздался сильный голос Омара-эфенди, и у меня дрогнуло сердце, столько возвышенной любви было в этом возгласе. - Прошло время николаевской реакции! Позади издевательства ярого социал-шовиниста Ноя Жордания! Красное солнце свободы взошло на нашем небе! Я проливал кровь за родную Месхети. Но отныне я говорю - Месхети свободна! Вы верите мне, вашему представителю? Вы верите Серго Орджоникидзе? Никаких распрей в Грузии больше не будет. Будет братство всех народов - это называется интернационализм. Братья! Товарищи! Месхети не нуждается ни в какой автономии. Она -

советская. Орджоникидзе заверяет вас, что ни один месхетинец не будет обижен или обделен. Удовлетворить народ мы сможем и без автономии. Да здравствует дружба всех народов Грузии! Да здравствует Советская власть!”

До вечера продолжался этот необычный митинг. Народ прикидывал и так, и эдак. В конце концов вынесли решение: раз сам Орджоникидзе обещал нам помощь, и он убежден, что автономию требовать не нужно, то так тому и быть.

Кто знал, что через несколько лет любимец народа Серго Орджоникидзе застрелится от бессилия и отчаяния. Представитель народа Омар-эфенди умрет в тюрьме от пыток, а месхетинцы, так и не потребовавшие себе автономии, будут навсегда изгнаны “братьями” из родных мест.

В Ардаганском интернате я проучился до 10 июня 1926 года. Летом на каникулы я пришел домой, как всегда, через границу. И тут мама сказала в отчаянии: “Если снова уйдешь, сейчас же пойду к Курбану”.

Этот Курбан из пограничного села Хона был опасным человеком. Сначала он был бандитом, промышлял в пограничных лесах. Потом его привлекли к работе в погранотряде - Курбан хорошо знал эти места. Выдали ему оружие, коня и объявили объездчиком. Однажды мы встретились в лесу. Я даже вскрикнул от неожиданности - передо мной вдруг, словно из-под земли, вырос всадник: усы торчком, в руках сложенная камча¹⁹. “Кто такой?” Я быстро ответил. Он тупо посмотрел на меня. “Ну-ка, спой что-нибудь”. Я робко запел какой-то дастан. Потом осмелел и спел еще несколько песен. Он спросил еще что-то, потом стегнул меня камчой и отпустил.

Дома меня так уговаривали остаться, что я не смог противиться. Тем более, что в Уде к тому времени открыли новую школу. Итак, в Ардагане я закончил 4 класса, с сентября 1926 года пошел в пятый класс новой школы в Уде. Школа была семилетняя, называлась ШКМ - школа крестьянской молодежи. В классе я был старше всех, пока я учился в разных школах по обе стороны границы, годы шли.

19. Камча - плетка из сыромятных ремней.

В шестом классе я вступил в комсомол. В школе мы распевали “Марсельезу” на грузинском языке - ее с нами разучил один из учителей - бывший меньшевик.

Ставили пьесы Ильи Чавчавадзе. Сначала давали представления в Уде, а затем стали выезжать. В спектаклях играли и мы, и учителя. Сперва ставили пьесы только на грузинском языке, потом переводили их на турецкий язык и разъезжали по селам. Были в Каратубани, Леловани. В Леловани остановились у двоюродной сестры матери. Это село было самое религиозное во всей округе. В селе было 12 духовных чинов: 2 хафиза²⁰, остальные 10 - моллы. Встретили нас враждебно. Еще бы! - мы привезли сатирическую антирелигиозную пьесу. После первого скандального представления разъяренные духовники нагрянули к тете: “Угомони своего гяура, иначе мы за него не отвечаем. Пусть убирается!”

Я, чувствуя, как холодеет у меня внутри, громко крикнул: “Хватит вам дурманить народ!”

В 1927-1929 годах я был секретарем комсомольской ячейки в Уде. В ячейке сначала было всего 8 человек, но потом число членов достигло 35.

В Уде находился пункт погранотряда из двух человек - секретаря с прекрасным почерком и начальника - рослого красавца Микеладзе.

Все вылазки местного населения за границу активировались и регистрировались. Микеладзе ежевечерне сообщал коммунистам о вылазках (как только он узнавал обо всех!), те распределяли зоны, всегда включая в группу охраны и меня. Несмотря на мою молодость, мне многое доверяли. Ни одно партийное собрание не проходило без меня. Мне сообщали маршруты и выдавали оружие. В 1918 году отец подарил мне немецкое ружье “мартини”. Мы с ребятами ходили к реке Кваблиани и стреляли в противоположный скалистый берег. Тогда-то я и научился метко стрелять - с пятнадцати шагов попадал в бир аббасы²¹.

Для обходов выдавали ружья “османли копуси”. Чтобы легче было справляться с заданием, я брал нашу лошадь и объезжал

20. Хафиз - знающий коран наизусть.

21. Бир аббасы - двадцатикопеечная монета.

пункты верхом. В основном попадались контрабандисты, переправляющие из Турции ткани - бостон, шевиот и промтовары. Товар конфисковывали, а контрабандистов сажали до утра под замок в пыльный амбар. Рядом, в небольшом домике, я ночами дежурил. В домике хранили оружие, документы, а в углу как-то небрежно, большими брусками лежало розовое свиное сало. Вначале с непривычки я сторонился греховной для мусульман пищи, но однажды попробовал. С нашим белым хлебом оно показалось мне изумительно вкусным. По ночам я сидел в этом домике, выпускал контрабандистов по нужде, подавал им воду в сплющенной кружке и уплетал запретное сало, посыпанное серой солью.

Контрабандисты простодушно сокрушались о конфискованных товарах и кричали мне из окошка:

- Олан, сообщи нашим, пусть хлеба пришлют.

- Папа, а как ты был одет в то время? - прерываю я рассказ.

Папа задумался, потом говорит: "Обыкновенно. Служащие из приезжих дали мне тогда плащ, мы жили бедно. Из кооперативного магазина выдали юнштурмовку комсомольского цвета".

- Что это за цвет? - недоумеваю я.

- Ну, защитного цвета юнштурмовка: гимнастерка с накладными карманами, ремень, портупея, гетры, ботинки, кепка...

Я представляю себе молодого папу в этом наряде и мне почему-то становится весело. Большая кепка, конечно, была лихо надвинута на одно ухо. И вообще, вид у папы, наверное, был очень "революционный".

Летом 1929 года, по предложению комиссии по разгрому меньшевиков, сняли с работы председателя кресткома (крестьянского комитета), который объединял 20 сел, Саркиса Мартиашвили за проявленную им "безактивность". По предложению той же комиссии председателем кресткома выбрали меня. Зарплату мне назначили 60 рублей.

Когда я принимал дела, оказалось, что у кресткома был долг - 160 рублей, а доходов никаких. Кроме того, крестком раздал по

салам 120 пудов пшеницы и никак не мог получить ее назад. По работе меня никто не знал - для этой должности я был слишком молод.

Перво-наперво я вместе со своим секретарем Андреем Кулджанашвили собрал пшеницу и расплатился с долгами кресткома. Затем на сплаве я взял в долг 100 бревен. Нанял бригаду плотников с пилами. У реки, на лугах они соорудили 20 плотничьих станков и начали распиловку бревен. Распилили 50 бревен на доски и сложили. Потом я пригласил еще 10 мастеров и они стали делать ящики. Построили временки, я нанял сторожа. Работа кипела. Многие скептически относились к моим затеям, но слушались беспрекословно.

В этот момент пришла телеграмма из отдела пропаганды Ахалцихского УКОМа (уездного комитета): “Немедленно приезжай. Шихлинский”. Я растерялся: что делать? Наш парторг Кевлишвили торопил меня: мало ли что, поезжай.

Я поехал. До Ахалцихе было всего 18 км. Пришел в УКОМ, оттуда меня направили к председателю уездной потребительской кооперации, который сказал, что меня в таком-то кабинете ждет человек из Тбилиси. Когда я вошел в тот кабинет, навстречу мне поднялся красивый мужчина. Я сразу почувствовал к нему симпатию. “Вы Бараташвили?” - спросил он. Я кивнул. “А вы знаете, что такое кооператив?” Я усмехнулся: “Конечно! Каждый день покупаем там спички “. “Да нет же! Читали что-нибудь о кооперации?” “Конечно. Роберта Оуэна, Шарля Фурье, Сен-Симона”. Я очень любил этих утопистов. Он продолжал: “Как вы посмотрите на то, если вас направят на курсы в школу кооперации?” Я сказал, что поехал бы с удовольствием, но затеял в Уде большое дело - изготовление ящиков, необходимых для отправки в Россию фруктов, что я собираюсь строить фабрику, в которую вложу кресткомовские средства с тем, чтобы получить доход. Короче, я отказался.

Оказалось, что я был кандидатурой УКОМа партии. И вот я снова в кабинете секретаря УКОМа. Завотделом пропаганды Шихлинский говорит мне, посмеиваясь: “Ты, оказывается, такой же темный, как и твой отец”. Я обиделся: “А что мой отец? Для меня он самый умный человек”. Он стал убеждать меня, что на

пост председателя кресткома нам нужны экономически грамотные люди, что построить фабрику не так-то просто, нужны не только средства, но и знания. Я смотрел, как Шихлинский, сидя на стуле, жестикулирует короткими ручками и болтает ногами, которые не достают до пола... И согласился.

Приехал в Уде, сообщил новость моим комсомольцам. Они очень обрадовались за меня. Стал сдавать дела своему заместителю Ахмеду Абуладзе. Проверяющим финансовые дела оказался бывший меньшевик. Он так напроверял, что в итоге я оказался должен кресткому 62 рубля. Я получил зарплату и покрыл недостачу. Ахмед остался председателем кресткома, но ни читать, ни писать он не умел.

Я попрощался со всеми и уехал в Ахалцихе. Там сообщили новость: меня назначили культпросветработником Ахалцихского уездного потребсоюза. Кроме того, в Грузпотребсоюз было отправлено отношение: посылаем нашего культработника на курсы. Мне выдали причитающуюся месячную зарплату - 80 рублей. Добавили командировочные - 120 рублей, и я внезапно разбогател - никогда у меня не было таких денег.

Поехал в Тифлис, нашел директора курсов. Им оказался приятный человек. Фамилия его была не то Гоголашвили, не то Гоголадзе. Он включил меня в списки и поселил в шикарном отеле. Моим соседом по номеру оказался Степан Чилашвили. Я обрадовался - он тоже был из Уде и тоже комсомолец. Его отец пришел с первой мировой войны хромым. Я дразнил его: "Дядя Вова - хромой!" Он платил мне тем же: "Внук кривого!" Дедушка Искандер был слепым на один глаз: как-то пришел с холода, подсел поближе к камину и вдруг ослеп на один глаз. Степана направили из Ахалцихского уездного потребсоюза так же, как и меня.

На курсы прибыли слушатели со всей Грузии, в основном, имевшие высшее образование. Для меня открывался новый мир - все было внове и захватывающе. Только мы боялись, что не осилим всех знаний и нас выгонят отсюда взашей. Но что будет с деньгами? Наверное, тоже отберут! Решили держаться до последнего.

Занимались мы вечерами, а дни у нас были свободные. Нас учили пропагандировать кооперацию. Преподаватели были в

основном университетские, материал преподносили хорошо, интересно. Одна мысль особенно поразила меня. “После каждого рабочего дня вы должны поставить перед собой зеркало и давать отчет своей совести. Сегодня я получил зарплату столько: честно ли заработаны эти деньги? Все ли я сделал для народа?”

На лекциях мы изучали утопистов, Маркса, научный коммунизм, вопросы организации кооперативов, вовлечения народа в кооператив. Запомнились два преподавателя: молодые турецкие коммунисты, брат и сестра. Они бежали из Стамбула от преследований кемалистов, в Тифлисе работали в газете, а также вели преподавательскую и организационную работу. В 1937 году их постигла участь многих - они были объявлены “турецкими агентами” и расстреляны без суда и следствия. Как звали сестру не помню, а брата - Асим-эфенди.

По утрам, захватив конспекты и консервы, мы отправлялись на гору святого Давида - там удивительно хорошо было заниматься на лоне дикой природы. Мы раскладывали конспекты на камнях и погружались в чтение. Лекционного материала было очень много и преподавали его на высоком уровне. Мы, не щадя себя, занимались. За 2 месяца мы освоили информацию, рассчитанную примерно на 2 года. Нас так поразили слова о честном использовании народных средств, что мы ежедневно отчитывались перед собой.

Два раза нам выдавали стипендию, но у нас еще оставались ранее выданные деньги, которые мы тратили с большой оглядкой.

Как-то к нам в номер пришел наш товарищ по курсам. На ногах у него блестели новенькие туфли. Оказалось, что они стоили баснословных денег - 30 рублей. Я возмутился: “Какое ты имеешь право делать такие покупки? Где твоя совесть? Родным хоть копейку послал?” Степан поддержал меня, а наш товарищ посмеивался над нашими словами и любовался обновкой.

Мы со страхом ждали конца учебы. Боялись оценок. Но оценок не было. Экзаменов тоже. В зависимости от посещаемости выдавали удостоверения. Деньги я не тратил, привез домой. Мама поразилась им. Дома не было пшеницы, было голодно. И деньги оказались весьма кстати.

После приезда с курсов я работал в Ахалцихском потребсоюзе. При заполнении анкеты меня спросили по-русски: “Женатый?”, а мне показалось: “Жена ты?”. То есть женщина. Кровь ударила в голову, меня насилу успокоили. После этого я стал изучать русский язык.

Как только я приступил к работе, сразу же открыл два кружка кооперативной пропаганды в селах Вале и Уравели. В средствах нас не стесняли, только просили грамотно отчитываться.

У постояльщика Вагана была красивая коричневая лошадь. На ней я обычно ездил в свои пункты. Или же на фаэтоне. Фаэтонщик расписывался - я платил за проезд.

Я читал лекции по кооперации - знания были свежими, плюс ко всему, я хорошо владел обоими языками: грузинским и турецким и пользовался большим авторитетом.

В Вале моим заместителем был дядя Атанас, слепой от рождения. Он был таким юрким и подвижным человеком, что порой мы забывали о его слепоте.

Как только я приезжал в село, Атанас взбирался на холм и кричал: “Эй, народ! Бараташвили приехал! Сегодня вечером будет лекция. Не члены кружка тоже могут приходиться!”

Работа мне нравилась, по возможности я изучал кооперацию глубже. Так и проработал целый год.

В конце лета 1930 года Ахалцихский УКОМ партии направил меня на учебу в Центральную партийную школу.

* * *

28 августа 1930 года я приехал в Тифлис. В кармане у меня лежали документы, в которых было написано, что Ахалцихский УКОМ партии направляет меня на учебу в Центральную партийную школу при Коммунистическом университете имени товарища Сталина.

Город я знал хорошо, поэтому быстро нашел здание ЦК Компартии Грузии. Оно находилось недалеко от театра имени Руставели. Я зашел в громадное здание и удивился длинным сумрачным коридорам. Мои шаги гулко отдавались в прохладной ти-

шине. Не успел я сделать несколько шагов, как передо мной вырос часовой и потребовал документы. Я молча отдал ему бумаги. Часовой бегло посмотрел их, внимательно и строго взглянул на меня и направил дальше по коридору.

Меня несколько раз останавливали, каждый раз вглядываясь в лицо. Наконец я отыскал нужную комнату. Она была полна людей. Юноши и девушки громко разговаривали. “Ну, кто там еще?” - весело крикнул сидящий за столом человек в выцветшей гимнастерке. Я подошел к столу, протянул направление. Он, так же весело глядя на меня, сказал: “Первый набор. Ты понимаешь, что это значит?”

Трехэтажное здание партшколы находилось на углу улиц Джугашвили и Энгельса. На первом этаже находилась столовая, на втором - спальные комнаты, а на третьем этаже мы занимались. “Слушатели”, как нас называли, были из разных районов: Ахалцихского, Борчалинского²², из Аджарии и Нахичевани.

Занятия велись на грузинском, турецком и русском языках. Я узнал, что грузинский преподавательский состав сильнее и попросился на грузинское отделение. В ответ на мою просьбу меня вызвал представитель ЦК и убедил остаться на тюркском отделении. “Понимаете, республике нужны кадры! И владеющие турецким языком особенно!” Мне пришлось согласиться.

Но я не жалел об этом. Все было внове для нас: и много сверстников, которые, как и я, жаждали знаний о мировой революции, и сама учеба. Занятия велись по методу дальтон-плана²³, то есть несколько человек объединялись в одну группу и изучали материал. Через некоторое время группа сдавала преподавателю зачет и получала новое задание. С 1932 года этот метод обучения был отменен.

В свободное время мы ходили в театр, покупали самые дешевые билеты и восторженно смотрели спектакли. Мы знали, что

22. Борчалло - историко-географическая область на юге современной Грузии, включает территории следующих районов: Цалкинский, Тетрицкаройский, Марнеульский, Болнисский и Дманисский.

23. Дальтон-план - метод обучения, введенный впервые в г. Дальтоне в Северной Америке в начале 1920-х годов. Он сводит учебные занятия к самостоятельной проработке заданий, что снижает роль учителя.

из Кутаиси приехал Котэ Марджанишвили со своим театром и новым спектаклем “Уриэль Акоста”, что в театре идет борьба между различными художественными направлениями. Но мы смотрели все подряд и все восторженно. Нам нравились эксперименты молодого режиссера Сандро Ахметели, когда на сцене ярко проявлялся нами любимый национальный колорит. Молодые актеры выделывали головокружительные трюки так, что хотелось вбежать на сцену и тоже участвовать в веселом представлении.

Нас покорила и Верико Анджапаридзе, когда оказывалось важным не то, что окружает актера, а начинало волновать само его присутствие, и ты вглядывался в глаза, вслушивался в голос, и с тобой происходило что-то необыкновенное.

В воскресные дни мы обычно поднимались на Мтацминду. Дорога вилась крутыми тропинками через монастырь святого Давида, который стал пантеоном грузинских писателей. Мы бродили по запущенному и от этого особенно таинственному церковному двору, читали надписи на могильных плитах.

По воскресеньям мы выходили и на субботники. Склоны горы Мтацминда с фуникулером и монастырем смотрели прямо на город и их нужно было озеленить. Мы быстро и осторожно разбирали саженцы, копали лунки и сажали деревца. Работы было много, но кроме нас работало много людей, и через два года лысоватый склон Мтацминды зазеленел.

Когда после 8-го класса, в 1965 году, я впервые приехала в Тбилиси и папа открывал мне город, меня особенно поразила густая зелень гор, в окружении которых покоился Тбилиси.

Мы поднимались в дребезжащем трамвайчике фуникулера, и рядом проплывала какая-то первозданная красота природы. “Нет, - сказал папа. - Красота эта рукотворна. Эта зелень - результат наших субботников в тридцатых годах. Наша группа работала вон там, прямо под церковью”, - и папа показал вниз вправо. Я недоверчиво посмотрела тогда на папу. Мне не верилось, что он причастен к этой красоте.

Я смотрела на золотую вязь цитат, выбитую на белом мраморе, а папа, стоя позади меня, переводил слова, написанные Николозом Бараташвили более ста лет назад.

Нет, в 30-м году его могилы не было, ответил папа на мой вопрос. Прах поэта перенесли сюда в 1938 году с Дидубийского кладбища. Это его третья могила.

Я слушала папу и думала, как ужасно, наверное, было умирать 28-летним в пыльной Гяндже, вдали от родных и друзей, не увидев напечатанной ни одной строчки своих стихов, не получив ни одного поцелуя от той, которую любил больше жизни.

*“Пусть не усну я в земле отчизны
среди старинных могильных плит...”*

И потом мы долго бродили по пантеону... И хотелось сидеть на лавочке под могучими платанами и, не торопясь, читать что-нибудь хорошее, изредка поднимая глаза на город в таинственной дымке внизу.

Учился я хорошо, с жадностью впитывая все, о чем говорилось на занятиях. Да и сама атмосфера в партийной школе была проникнута романтико-революционным пафосом.

В Германии в это время вспыхнули новые классовые бои, усилились преследования коммунистов в Болгарии, фашизм поднимал голову. Особенно волновали нас дела соседней Турции, где народ страдал под гнетом капиталистов и феодалов, и компартия находилась на нелегальном положении.

Долгими вечерами мы спорили о революции, о месте коммуниста, вспоминали подробности трагической гибели Мустафы Субхи²⁴ и его 15 товарищей. Мы знали наизусть многие стихи Назыма Хикмета²⁵ и с гневом осуждали арест поэта и издевательства над ним. Мы считали, что наше место там, в Турции, где должны помочь классовой борьбе турецкого народа. Это настоящее дело, за которое можно отдать жизнь!

24. Мустафа Субхи (1883-1921) - турецкий революционер, основатель и председатель Коммунистической партии Турции.

25. Назым Хикмет (1902-1963) - турецкий писатель и общественный деятель.

У нас революция завершилась, а профессиональным революционерам, каковыми мы себя считали, было место в гуще событий. Непременно проситься на революционную работу! Эту идею мы долго вынашивали, находя новые и новые доказательства нашей правоты.

Нас было трое: я, Хусейн Нагиев из Борчалинского района и Гаджи Дашдемиров из Караязского²⁶ района. Наши кровати стояли рядом, учились мы в одной группе и очень подружились за это время. Мы стали чаще уединяться, чтобы лишний раз обсудить нашу идею и настолько свыклись с ней, что уже не представляли дальнейшей жизни без революционной деятельности.

Заканчивался второй год нашей учебы. Мы готовились к выпускным экзаменам. В один прекрасный день, очень решительно настроенные, мы направились к заведующему. Им в то время был дагестанец Расул Ходжаев. Член партии с 1917 года, участник гражданской войны, Расул был для нас идеалом коммуниста - строгим и доброжелательным. Раненный одновременно в правую руку и ногу, он научился писать левой рукой и чуть прихрамывал. Но это придавало особенную мужественность его красоте. Высокий, плечистый, с красивой кудрявой головой Расул-муэллим²⁷ был неотразим.

Мы вошли к нему в кабинет и разом замолчали.

- Ну, с чем пришли? - Расул-муэллим доброжелательно смотрел на нас.

Мы переглянулись, но не проронили не слова. Наконец Хусейн сказал:

- Да вот, Латифшах хочет что-то сказать.

- Слушаю тебя внимательно. Только, - он улыбнулся, - чтобы это не был вопрос женитьбы.

- Что вы, Расул-муэллим, мы об этом даже не думаем. Напротив... - и я опять замолчал, чувствуя, как ослабли колени.

Расул-муэллим оставил свои записи.

- Что "напротив"?

26. Ныне это территория Гардабанского района.

27. Муэллим (азерб.) - учитель.

- Вы знаете, - начал я издалека, - мы два года учимся марксизму-ленинизму. И без участия в классовой борьбе не представляем жизни.

- Два года я знаю вас как испытанных комсомольцев. Вы отличники учебы, преданы партии. Из вас выйдут отличные партийные работники. Но что вас беспокоит?

- Понимаете, - горячо заговорил я, - мы считаем, что наше место не в скучных кабинетах, а там, где разгорается классовая борьба. Мы не можем отсиживаться, когда гибнут наши братья-коммунисты. Долг интернационалиста обязывает нас помочь делу революции.

- И вот, - тут я перевел дыхание, - мы хотим по направлению КИМа²⁸ уехать в Турцию, на помощь турецким коммунистам.

- Да, да, - подтвердили ребята, - именно по этому вопросу мы и пришли. Помогите нам.

Расул-муэллим некоторое время молчал. Потом сказал неожиданно строго:

- Товарищи, вопрос этот сложный и сразу его не решишь. Договоримся так: я жду вас здесь в воскресенье, в 12 часов дня.

В назначенное время мы робко открыли дверь в кабинет заведующего.

- Я говорил с товарищами из ЦК²⁹ о вашей просьбе, - сказал нам Расул-муэллим. - Ну, во-первых, - он улыбнулся, - меня поздравили с такими питомцами. Во-вторых, меня просили передать, что вам надо еще подучиться, вступить в партию. А там посмотрим.

Мы переглянулись.

- Но ведь Камо стал революционером, когда ему было 25, как и нам, - упавшим голосом сказал я. - А у нас еще и политическое образование.

Тут мы разом загалдели, доказывая свою правоту.

Расул-муэллим терпеливо выслушал нас, а потом сказал:

28. КИМ - Коммунистический интернационал молодежи — с 1919 по 1943 международная молодёжная организация, секция Коминтерна (Коммунистического интернационала).

29. ЦК - Центральный комитет.

- Поймите, чтобы стать профессиональным революционером, особенно в современных условиях, необходимо не только политическое образование. Нужен опыт политической борьбы, которого у вас еще нет. Кроме того, требуется разрешение Коминтерна. Не огорчайтесь, у вас еще вся жизнь впереди. Но я рад за вас. Значит, зерна пали на благодатную почву.

Мы были так расстроены, что вышли не попрощавшись. Рушились наши надежды на захватывающую, полную интересных событий жизнь. Мы долго молчали. Потом Гаджи сказал: “Я вчера получил письмо от отца. Наверное, поеду работать в наш район”.

Я молча глотал слезы. Всю жизнь я завидовал таким людям, как Камо.

В 1977 году мне удалось побывать в Турции. В Стамбуле, Бурсе, в Гёле. Везде, где я бывал, я говорил о социализме, о коммунизме, о Ленине. Но все равно это было не то, о чем я мечтал в молодости.

После этого события я оказался на распутье, не знал, как мне жить, что делать дальше. Мои сомнения разрешил все тот же Расул-муэллим.

Накануне выпуска он встретил меня в коридоре, взял за локоть и спросил, чем я намерен заняться в дальнейшем. Я молча пожал плечами. “Тебе нужно продолжить учебу, - сказал Расул-муэллим. - Если хочешь, оставайся на грузинском отделении Высшей сельскохозяйственной школы. Она тоже находится в ведении ЦК. Получишь, кроме политического, еще и специальное образование. Правда, туда принимают только коммунистов, но я постараюсь тебе помочь. И не обижайся на меня, - добавил он, - отправить тебя в Турцию было не в моей власти”.

И вот в сентябре 1932 года я учусь в том же здании, только слушаю лекции в других аудиториях и на грузинском языке. Самое примечательное событие в эти два года - мое знакомство с Зиной и наша женитьба. Зина училась в нашей группе. Ничем особенно не выделялась: невысокого роста, темноволосая и черноглазая, но меня как-то сразу поразила ее взгляд - ясный и спокойный.

Наша группа готовилась к октябрьским праздникам³⁰. Мы все вместе украшали зал, рисовали стенгазету, потом стали дурачиться, перекидывая портфели. Из одного портфеля выпала книга. Я поднял ее, прочел: “Асли и Керем”. Она была написана на турецком языке арабским шрифтом. Так как кроме меня никто не знал турецкого языка, а тем более арабского шрифта, то я прочел вслух и перевел несколько страниц. Хозяйка книги Памбух Нанеишвили сказала: “Ребята, я предлагаю собраться для прочтения и обсуждения книги”.

В воскресный день мы собрались у девушек. Меня усадили посередине комнаты, и я стал читать и переводить историю трагической любви Асли и Керема.

Мы все в то время жили революцией, делали вид, что любовь нас не интересует, считая ее пережитком прошлого. Девушки сознательно не носили никаких украшений - это тоже, по тогдашним нашим представлениям, было буржуазным пережитком. Единственным их украшением были круглые гребенки в волосах. Но эти гребенки лишь с большой натяжкой можно было назвать украшением. Скорее ими просто закрепляли густые волосы, обрезанные по тогдашней моде прямой линией. Помню, как ужаснулась мама, когда ей издалека показали Зину. “Вай мэ! - сказала она. - Неужели у меня будет стриженная, как жеребенок, невестка?”

И все же история любви захватила всех. Я, заражая своим чтением, переводил, и голос у меня дрожал от волнения. Трагедия Асли и Керема была в том, что они были разного вероисповедания: Асли была христианкой, Керем мусульманином.

Я закончил читать и перевел дыхание. Сразу же посыпались вопросы: А как? А почему? И тут же завязался спор: как мы, люди новой формации, должны относиться к религиозным барьерам и к любви вообще?

Если говорить об отношениях юношей и девушек в мусульманской среде месхов, то они были традиционными. Молодые

30. Имеется в виду Государственный праздник бывшего СССР, который отмечали 7-8 ноября - Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции (1917 г.)

редко имели право выбора спутника жизни, особенно девушки! Выбор делался их родителями, в частности, родителями жениха, которые, найдя подходящую партию для сына, обговаривали все с родителями девушки.

Затем шла передача денег стороне невесты. Это называлось по-разному - “откуп матери”, “плата за материнское молоко” или даже “выкуп за голову” (“башлук”). Но все равно, это был самый настоящий торг.

Иногда молодые впервые видели друг друга только в брачной комнате, когда за них все уже было решено.

Что касается нашей семьи, то мы жили в Уде, где мусульманское население перемежалось с христианским, и религиозные обычаи общения между молодыми людьми не так довели. Тем более, что я учился в грузинской школе, и у меня было много друзей-сверстников. К тому же в двадцатых годах правительство Грузии стало уделять большое внимание просвещению, и в нашем селе нередко были театральные представления и различные людские сборища.

Я был активным мальчиком, и мне, несмотря на то, что я был мусульманским ребенком, часто поручали публично выступать.

Это нравилось всем, кроме моей матери. Потому что я был не только активным, но и, как считала мама, красивым ребенком. И она страшно боялась, что эти сборища в конце концов сглазят ее любимого сына. Ей так же не нравилось, что я, учась в грузинской школе, свободно общаюсь с христианскими девочками, с мусульманскими об этом не могло быть и речи. И правда, мы не только учились вместе, но и приглядывались друг к другу. Так, я знал, что моя одноклассница Тамара - дочь сельского священника Фомы Игитханишвили - была влюблена в меня, что приводило меня в замешательство. Мне же нравилась другая девочка - прелестная Анна Майсурадзе с глазами газели и нежным изгибом тонких бровей. Когда я оглядывался на нее со своей парты и видел грациозный наклон ее головки, склонившейся над тетрадью, волна нежности перехватывала мне дыхание.

Но кому я мог сказать об этом?

Мать моя, боясь, что я окажусь жертвой сглаза или коварных

женских чар, заказала нашему молле молитву и зашила эту бумажку в бязевую тряпочку в виде треугольника (такие молитвы на все случаи жизни назывались у нас “нуха”). А вечером повесила ее мне на шею.

Я помню, как наклонив голову, терпеливо ждал, пока она завязывала узел на веревочке, наказывая: “Только смотри, держись подальше от этих развратниц.”

Я протестующе вспыхивал и вырывался: “Ну, мам...”

“Молчи, молчи... - она опять прижала меня к себе и обнажила мою шею. - Я знаю, что говорю. Как бы окончательно не заморочили тебе голову”.

Я знал, что речь идет о моих одноклассницах. А я ведь просто мечтал, чтобы эти красавицы “заморочили” мне голову!

Но потом я учился в Турции, отошел от своих привязанностей, и мои отношения с девушками так и не получили никакого развития, хотя я и думал об этом часто.

С одной стороны, во мне все восставало против традиционных мусульманских обычаев купли-продажи невесты, а также невозможности свободного общения с девушками.

С другой, я смутно представлял себе, что такое любовь и что бы я делал, имея эту свободу общения.

И вообще, в этом отношении я был крайне не развит.

Мы проспорили целый вечер. Больше всех задавала вопросы Зина Гигинеишвили. Очень взволнованно говорила эта коммунистка, поправляя непослушные волосы.

Так мы познакомились ближе, стали встречаться чаще, а потом полюбили друг друга. Как люди нового строя, мы не были подвержены суевериям, но все, кто узнавал о нашей любви ужасались: Зина - православная христианка, я - мусульманин-суннит. Какая может быть между нами любовь? Скорее всего, как у Асли и Керема - трагическая.

Родители тоже были против нашего брака, но мы все-таки поженились, через год у Зины родился мертвый мальчик.

В 1934 году мы закончили учебу и нас направили в разные места: Зину - в Боржомский горком партии, меня - в Адигенский

район, секретарем райкома комсомола. Нам тяжело было расставаться, но ничего нельзя было сделать.

Работа секретаря оказалась совсем не такой, как я себе представлял. Я был прикреплен к райкому партии и выполнял поручения первого секретаря. Эти поручения казались мне далекими от моей работы. В то время первым секретарем Адигенского РК КП(б)³¹ работал некий Азизбек Радихан, человек властный и неприятный. Как-то он вызвал меня и дал следующее поручение: в Бенаре уже несколько дней работал новый директор техникума Ахундов, направленный из Баку. Ранее он был комиссаром просвещения в Нахичеване. “Поедешь к Ахундову, - сказал мне Радихан, - выяснишь, как в техникуме взвешивают хлеб для учащихся - стандартными гириями или простыми камнями (стандартных гирь в то время было очень мало). Составишь акт. Вслед за тобой сразу же приедет следователь с милицией и заберет Ахундова”.

Я поехал в Бенару, проверил наличие стандартных гирь. Как и предполагали, их не оказалось. Я составил акт. Через час Ахундова должны были забрать. К счастью, в этом техникуме работал мой брат Баттал, и я намекнул ему о расправе, грозящей Ахундову. Когда директора хватились, его уже и след простыл. Без верхней одежды, без шапки он бежал, как я потом узнал, через горы в Боржомии, а потом - в Нахичевань.

В следующий раз Радихан поручил мне поехать в село Чихели: “Найдешь председателя колхоза. Составишь акт о нехватке в стаде 5-6 коров, подпишешь его у колхозников”. “А дальше?” - спросил я. “Дальше не твое дело,” - ответил он. Я, досадуя, запряг коня и поскакал в колхоз. Поговорил с колхозниками, которые в один голос утверждали, что в стаде поголовье не уменьшилось. Я проверил документацию, сосчитал коров, телят, быков. Потом встретился с председателем колхоза, с которым и составил акт, где утверждалось, что в колхозе количество крупного рогатого скота соответствует документации и нарушений не имеется. Колхозники с готовностью подписали этот акт, и я доставил его Радихану к большому его неудовольствию.

31. РК КП(б) - Районный комитет Коммунистической партии (больше-виков)

Боржомский климат не подошел Зине. Восемь месяцев она пролежала в больнице. Я рассчитался на работе и забрал больную жену, переехал в Поти, где до 1939 года работал учителем истории в школе.

В 1938 году я поступил на заочное отделение исторического факультета Кутаисского пединститута и проучился в нем до января 1942 года, а когда его закрыли, перевелся в Тбилисский государственный университет и в 1943 году закончил его.

1939 году меня приняли кандидатом в члены ВКП(б)³². Раньше мне дважды отказывали - шла чистка рядов партии. Весной того же года я заболел сухим плевритом и врачи посоветовали мне поменять климат. Мы с Зиной перебрались в Уде и начали работать в школе.

В январе 1941 года мне предложили стать разведчиком с последующей засылкой в Турцию. Я вспомнил свое увлечение революционной романтикой и, хотя не был подготовлен как разведчик, согласился. Меня включили в номенклатуру погранотряда. С этого момента началась жизнь, полная опасностей. Вылазки на турецкую территорию были достаточно серьезными и отнимали много сил. Никто в селе не знал, куда я исчезаю и откуда возвращаюсь. Когда началась война, мне выдали бронь "по состоянию здоровья". Я продолжал отправляться по заданию за кордон. Но эти переходы мало походили на те, прошлые, когда я отправлялся навестить родственников или поступать в очередную школу. Шла война, я был разведчиком одной из воюющих сторон и, хотя Турция не воевала, относилась она к нашей стране враждебно.

Напряжение было огромным. Надо было не только перейти границу, но и выполнить задание. Единственное, что помогало мне - знакомая до мелочей местность и хорошая ориентация. Хотя и она иногда подводила. Как-то всю ночь я кружил по лесу, а вернулся к тому же ручью, откуда начал путь. Днем я обычно отсыпался, а ночью шел, ориентируясь по звездам и надеясь на свою интуицию.

На мне была одежда, взятая у пленных турок: чоха, короткий

32. ВКП(б) - Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).

тулупчик, чарухи из буйволиной кожи, обвязанные кожаными бечевками. За пазухой - пистолет, бинокль, батумский “бэ-бут-ханчар” - обоюдоострый кинжал длиной около 40 сантиметров. На рукоятке имелась специальная трещина, чтобы палец, прижатый к торцу, защемился ею и не соскочил, когда кинжал вонзается в жертву. За плечами рюкзак из бараньей кожи, набитый мясными консервами и лавашом.

Особенно тяжело было пересекать горные перевалы. Джинтаг, Мутруджан-таг - эти названия ассоциируются у меня с пронзительным ветром, страшными обвалами и узкими тропами на головокружительной высоте - средний их уровень соответствовал 2500 метрам.

Первая моя вылазка окончилась неудачно. Тогда меня отправили не одного, а с незнакомцем, которого представили как участника финской войны, награжденного орденом Боевого Красного Знамени. Он назвал себя Рагимом, сказал, что он тоже кандидат в члены партии.

Мы вышли ночью, границу перешли благополучно. Я был так поглощен заданием, что не сразу понял, о чем говорил Рагим. А сказал он следующее: “Делать нам нечего - подвергать свою жизнь опасности. Я слышал, у тебя здесь есть родственники. Пойдем, сдадимся добровольно”.

Когда до меня дошел смысл сказанного, я растерялся. Стал лихорадочно соображать: то ли он действует по поручению, то ли в самом деле трусил. Я шепотом сказал ему: “Побойся Аллаха! У меня в Уде семья и родственники - они ведь пропадут. Не знаю, кто ты такой и трус ли на самом деле, но если тебе и правда страшно, давай вернемся”.

Мы вернулись поздно ночью и предстали перед полковником Растреевым - хороший был человек и коммунист. Мне было невероятно стыдно, и я, не поднимая головы, сказал: “На нас напали сторожевые собаки, а дальше идти мы побоялись. Задание ваше не выполнили”. Странно, но я не увидел презрения в глазах подполковника. Сейчас я думаю, что, наверное, это была предварительная проверка, тем более что Рагима я больше не видел.

Через некоторое время со мной в паре стал ходить Нияз - он прибыл раненый с фронта и после лечения в госпитале его направили в наш погранотряд. Он оказался нашим дальним родственником, и это как-то сблизило нас.

Оружие нам выдавали на заставе, и я как-то обнаружил, что пистолет у меня неисправный. Нияз сказал, что это сделано по приказу майора Анисонова. А еще сказал: “Анисонов велел мне пристрелить тебя, если ты вздумаешь сдать туркам”. Я усмехнулся: если бы я хотел остаться в Турции, я бы сделал это еще в 1925 году. Тем не менее я был благодарен Ниязу за откровенность. Вообще мне нравился этот высокий плечистый парень, обладающий завидным здоровьем, что было немаловажным в условиях постоянной опасности и изнурительных переходов. Я был достаточно вынослив, но как-то при крутом горном подъеме что-то цепкое схватило за сердце, и я внезапно ослаб. У меня едва хватило сил, чтобы прислониться к отвесной скале. Остановившись было опасно, разыгрывалась непогода. Тогда Нияз, не говоря ни слова, снял с меня рюкзак, перевесил себе на шею, а потом взвалил меня на спину и с легкостью продолжил путь. Так он и шел, нагруженный двумя рюкзаками и мной. Оставалось несколько сот шагов до спасительного укрытия, когда ко мне вернулись силы. Мне стало совестно, и я слез со спины, хотел взять рюкзак, но Нияз не отдал его и велел не отставать. До сих пор я с благодарностью вспоминаю этого человека, спасшего мне жизнь.

Как-то нужно было исследовать окрестности села Цурмали. Мы шли вверх по небольшому уклону и быстро дошли до вершины. Спуск открылся так внезапно, что от неожиданности мы чуть не полетели кубарем вниз. Хорошо, что удержались на вершине, потому что внизу, метрах в двухстах, расположился военный лагерь. Оживленная группа солдат окружила турник. В вечернем воздухе отчетливо раздавались голоса.

Мы вытащили бинокли, залегли в кустах и стали внимательно рассматривать орудия, пересчитали солдат. Закончив осмотр, мы обошли лагерь лесом. И тут нам встретился человек. Он спросил, куда мы держим путь, подозрительно оглядывая нас. “В Дигур,

добрый человек, - ответил я. - Успеем ли до заката?” “Если потопитесь,- ответил он. - Вот и я хочу успеть к вечернему намазу”.

Мы свернули налево, перешли речку - вода в ней оказалась выше колен и была обжигающе холодной. На другом берегу стояли высокие стога сена. Мы забрались в один, вскрыли консервы и, поев, устроились на ночлег. Утром выглянули из стогов - стоял густой молочный туман. Компасов у нас не было, и мы решили немного переждать. Через некоторое время показалась верхушка горы Мутруджан (а мы находились у ее подножия), и мы продолжили путь. В камнях у родника Союг-булаг мы припрятали оружие и направились в сторону Конка.

Кстати, папа с Тamarой были у этого родника на пикнике летом 1977 года, когда гостили у родственников в Турции. Они жарили шашлык на углях, ели его с лавашом и запивали вкуснейшей родниковой водой, от которой ломило зубы. Папа рассказывал там истории тридцатилетней давности.

С небольшого холма я навел бинокль на дядин дом и стал жадно его рассматривать. Все было прежним: двор, плетень, деревянные столбы, подпирающие сарай. Мне хотелось увидеть кого-нибудь, но двор был пустынным. Я не виделся с родственникам много лет - больше пятнадцати - а навестить их в то время было нельзя.

Когда мы подходили к селу, навстречу попались две арбы, запряженные буйволами. Я тотчас узнал одного из аробщиков. Когда я учился в Дигуре и навещал своих родственников, к их дочке сватался один хромой парень. Тогда он увидел во мне конкурента, и мы чуть не передрались из-за этого. Это был тот самый хромой. Он внимательно вглядывался в меня, сияясь, видимо, вспомнить, где мы встречались. “Ты не похож на здешнего”, - наконец, сказал он. “Да, я из Шавшети, - ответил я, - ищу двух быков, потерялись со вчерашнего вечера”. “Врешь ты все! - коротко бросил хромой, не сводя с меня подозрительного взгляда. - Я тебя знаю”. Я вспылil: “Слушай, я же не спрашиваю, кто ты такой и куда идешь!” Его спутник поддержал меня: “Оставь

человека в покое, он же нас не трогает”. Хромой сказал примирительно: “Не сердись, брат, нас заставляют приглядываться ко всем подозрительным”. “Иди своей дорогой, ради Аллаха!” - раздраженно ответил я, и мы пошли прочь от опасности, не оглядываясь. Арбы постояли немного, потом медленно, со скрипом, покатали дальше.

Пересекали мы с Ниязом труднейший Арсианский перевал. Иначе его называли Мертвым или даже Кровавым перевалом - зимой там разыгрывались такие бураны, что редко кому удавалось выбраться из них живыми. На турецкой стороне перевала проходила телефонная линия. Переодетые рабочими-монтерами, мы прослушивали важные переговоры.

Позже, когда возникла опасность проникновения фашистов на Кавказ, в погранотрядах начали подготавливать небольшие группы, которые должны были стать во главе партизанских отрядов. Группа должна была быть мобильной и уметь быстро принимать решения. Учения проходили в аджарских горах, были трудными, но за короткий срок удалось подготовить несколько боевых групп. В моей группе было пять теоретически грамотных и физически подготовленных человек, и я гордился ими.

Летом 1942 года меня вызвали в погранотряд и сказали, чтобы завтра утром я прибыл в район и ждал в определенном месте. Я привык не задавать лишних вопросов, но спросил, как мне одеться - идя на задание я всегда переодевался.

В назначенное время я ждал в будке. Подъехал грузовик, из кабины спрыгнул подполковник Растреев. “Извините за опоздание”, - сказал он. Я взглянул на часы - он опоздал всего на минуту. Мы забрались в кузов, и машина тут же тронулась. Растреев разделся до трусов и начал подставлять солнцу то спину, то грудь. Я молчал, хотя мне смешно было видеть военного человека раздетым.

Когда мы стали подъезжать к Боржоми, подполковник начал одеваться и сказал, что меня будут проверять в Тбилиси. “Сколько можно!” - досадливо вырвалось у меня.

На вокзале мы сели в общий вагон и утром были в столице. Там пересели в фаятон. Доехали до какого-то учреждения.

Растреев попрощался со мной и исчез. В гостиницу “Тбилиси” меня проводил незнакомец и оставил в двухкомнатном номере. Перед уходом он вынул пачку денег и предложил ее мне. Я отказался и спросил: “Какое меня ждет задание?” Незнакомец вдруг подмигнул: “Поднимись на фуникулер, развлекись, познакомься с девочками...” Я пожал плечами: если это была провокация, то слишком откровенная.

Я не выходил из номера, ожидая дальнейших указаний. Только на третий день меня навестили - опять незнакомые мне люди - и ушли, так ничего и не поручив.

Я аккуратно, как на службу, поднимался на фуникулер, прохаживался, вглядываясь в лица. На Мтацминде было по-прежнему хорошо, но на душе у меня было беспокойно. Через несколько дней ко мне подошел человек. Мы разговорились. Он представился бакинцем, сказал, что приехал по делам. Я отвечал односложно - разведка приучила меня говорить мало. Бакинец предложил выпить за знакомство. Мы выпили немного, поговорили.

Как-то днем я задремал в номере, мне приснилось, что я секретарь партийной организации и меня предупредили, что вот-вот должны нагрянуть турки, чтобы забрать меня и заполучить списки коммунистов. Я открыл сейф, достал списки и намеревался сжечь их, но в это время в дверь загрохотали и в кабинет ворвались вооруженные люди. Я проснулся в холодном поту. В дверь барабанили на самом деле. Я, ругаясь, открыл дверь. Двое незнакомцев удивились: в чем дело? Я рассказал им сон, они рассмеялись. “Хорошо, - сказал один по-русски, - ваше обучение закончено. Растрееву сообщите, что человек, который должен был заниматься вами, не явился. Вот ваш билет до Боржоми”.

Тогда же, после 8-го класса, знакомя меня с Тбилиси, папа вдруг остановился и крепко взял меня за локоть. “Смотри, - сказал он, указывая на фасад старинного желтого дома, - в сорок втором году меня проверяли здесь”.

Я смотрела на балконы с кариатидами и мне трудно было представить, что за этим окном папа жил в напряженном ожидании, и это было, когда шла война и когда меня еще не было на свете.

Я в большом недоумении вернулся в Уде и доложил обо всем Растрееву. Он почему-то улыбнулся. Моя жизнь пошла по обычному руслу: работа в школе, вылазки на турецкую сторону. Подполковник стал относиться ко мне еще лучше. Я однажды попросил его похлопотать о моем приеме в партию. За это время я несколько раз подавал заявление, но мне каждый раз отказывали, ссылаясь на чистку в партийных рядах.

“Если меня посылают на задание, - сказал я, - значит, доверяют. А если доверяют, то почему не принимают в партию?”

Растреев обещал помочь и вскоре вызвал меня. “Эфендим (мой господин), - обратился он ко мне по-турецки, а язык он знал превосходно, - на днях меня направляют на фронт. Вот твой новый начальник - подполковник Туманян. Но напоследок надо еще раз сходить на задание, уточнить кое-что. Клянусь партбилетом, ты будешь в партии - Туманян сделает это”. Мой новый начальник, молча слушавший Растреева, кивнул.

Туманян слово сдержал. После моего возвращения с очередного задания, он привел меня в Адигенский РК КП(б), вошел к секретарю, потом вызвал меня. “Извините, что игнорировали ваши заявления”, - сказал мне секретарь и виновато посмотрел на Туманяна. На следующем бюро райкома меня приняли в партию. Секретарь сказал: “Товарищи, мы допустили оплошность, которую немедленно нужно исправить. Мы не разглядели товарища Бараташвили и просим извинить нас за это. Товарищ достоин находиться в рядах партии. Кто за то, чтобы принять товарища Бараташвили в члены партии?” И первый поднял руку.

Таким образом с 1942 года я состою в рядах Коммунистической партии.

Мне кажется, что в этой части воспоминаний папа мало говорит о Зине - кроме знакомства с ней. Что она делала тогда, как относилась к папиной деятельности, трудно сказать. Там, где я читала о Зине, много исправлений и дополнений. Чувствуется, что воспоминания о Зине давались папе с трудом. Он несколько раз говорит о том, как трудно было им соединиться - мешали обстоятельства религиозного характера.

Кажется нелепым, что в советской Грузии существовали религиозные барьеры. Тем не менее, это так. Тем грузинам, чьи предки в XVII веке насильственно приняли ислам, грузины христиане не доверяли, называли их татарами - с легкой руки генерала Паскевича, который, отвоевав Ахалцихский пашалык у Турции, назвал так коренных жителей - чистокровных грузин. Поэтому грузины-мусульмане чувствовали свою обделенность. Это, в свою очередь, порождало их обособленность. И чтобы мусульманину решиться на брак с христианкой, требовалась определенная смелость.

Мне известна дальнейшая судьба Зины, и хотя этот рассказ нарушает хронологию, тем не менее, я хочу пересказать его своими словами.

После того, как в 1944 году грузин-мусульман выслали из Грузии в Среднюю Азию, папа с родственниками жил в совхозе Янгиарык Булунгурского района Самаркандской области под надзором. Жить под надзором означало, что переезд из одного места в другое не разрешался без ведома коменданта. В 1946 году Зина полулегально приехала навестить папу. Ее, как грузинку-христианку, не выслали. Когда она возвращалась в Грузию через Каспийское море, на пароходе у нее украли документы. По возвращении в Уде Зину вызвали в НКВД³³ и потребовали предъявить документы. Вначале шли просто допросы, угрозы, обвинения в шпионаже. Затем последовали избиения. Несмотря на это она еще в состоянии была писать папе.

“У меня холодело все внутри и тряслись руки, когда я читал эти письма, - пишет папа, - но я был бессилен ей помочь. Я не мог выехать даже на километр из своего проклятого совхоза”.

Через три месяца пришло сообщение о ее смерти.

В 1957 году, возвращаясь из Москвы, папа заехал к брату Зины - Бениа в район Абаши. Там он узнал подробности о ее смерти.

Оказывается, когда Зина вернулась от папы в Уде, учителя коммунисты всячески издевались над ней, откровенно швыряя ей в лицо оскорбления.

После допросов в НКВД ее вызвали на бюро райкома партии и учинили очередной допрос. “Кто был ваш муж на самом деле?”

33. НКВД - Народный комиссариат внутренних дел в 1917-1946 годах.

“Сколько вам платят за шпионаж?” “Почему вы были замужем за мусульманином?” На эти вопросы Зина отвечала с достоинством, хотя стоять ей было трудно и лицо заплыло от побоев.

Я так бесстрастно пишу об этом. Сейчас я перечитала и ужаснулась: о чем же я пишу? О средневековой инквизиции или фашистском гестапо?

Трудно поверить, что встречи и “беседы” с коммунистами в райкоме партии проходили в такой форме, что партийный работник с 16-летним стажем подвергалась таким гонениям только за то, что оказалась выше религиозных барьеров, о которых в среде коммунистов не могло быть и речи.

На очередном бюро райкома Зина вдруг пошатнулась и упала. В больнице определили кровоизлияние в мозг. Это повлекло за собой психическое расстройство. Бения забрал ее в Абашу, где Зина умерла через три месяца.

Сестра Зины рассказала папе, как ужасны были ее последние дни. Зина бегала по улицам, не поддаваясь ни на какие уговоры, выбегала на шоссе на дорогу, ожидая папу. Домой ее можно было увести, только запугав воронами. Она почему-то их страшно боялась. Но в минуты обострения болезни Зина была так неуправляема, что никто и не пытался успокоить ее. Злые люди показывали на нее пальцем, добрые горестно качали головой.

“У меня вдруг перехватило дыхание, так больно мне сделалось, - пишет папа. - Как будто в меня воткнули бебут-ханчар и с каждым словом поворачивали его. Я не мог даже плакать”.

О чем тогда думал папа? Может, он вспомнил о трагической любви Асли и Керем, а может родное лицо и маленькую родинку под правой бровью?

Не знаю.

Умирала Зина в ясном уме, знала, что умирает и папино имя было последним, что она произнесла.

Далее папа пишет: “Молоденькая учительница Рауса Гейдаровна, которую я встретил в Булунгуре, стала матерью моих четверых детей. До совершеннолетия детей я не рассказывал им о Зине”.

Да, это верно. Но в домашнем альбоме всегда хранилась фотография - папа с молодой красивой женщиной. Фотография была

старинная, овальной формы, наклеенная на плотный картон. Меня почему-то очень волнуют старинные фотографии. Я разглядываю костюмы, взглядываюсь в лица, стараясь в тех глазах отыскать предчувствие всех последующих событий. Они еще не знают войны, - думаю я, - и в глазах ясность, но что-то, все-таки, тревожит их. Может, это настроение того дня, когда делали снимок? А может, все-таки, предчувствие беды?

Маленькими мы подолгу разглядывали эту фотографию. Знали, что это папа. “А это кто?” - допытывались мы у взрослых. И неизменно слышали: “Это Зина”. Для нас она была просто Зина, знакомая нам с детства.

Мы разглядывали неузнаваемо молодого папу в вельветовой курточке и молодую женщину с приподнятыми бровями, как бы удивляющуюся, с ласковым спокойным взглядом. И всегда говорили важно: “Это папа и Зина”.

Фотография до сих пор лежит в домашнем альбоме. Правда, она пожелтела еще больше, и картон сломался, но по-прежнему с необъяснимым очарованием смотрят на меня молодой папа и молодая красивая женщина.

НОЯБРЬ 1944 ГОДА

Вот уже несколько дней в Уде объявлено особое положение.

В школе отменены занятия - там на постое стояли солдаты. Здание школы находилось напротив дома, в котором временно жили мы с Зиной. Я со дня на день ожидал вызова - много солдат, особое положение, наверное, вступаем в войну с Турцией. А перед военными действиями, думал я, в горы пойдет разведка.

Хозяйство наше было небольшим. Недавно у нас появился годовалый козленок. Я хотел повесить ему на шею жестяной колокольчик, но не нашел и обвязал шею красной ленточкой.

14 ноября под вечер почувствовал какое-то беспокойство. “Зина, - сказал я, - чувствую, мне не суждено увидеть этого козленка козлом. Давай-ка, зарежу его”. Зина не соглашалась, но я настоял на своем.

Пошел в угол двора. Крепко связал козленку ножки, стараясь не встречаться с его взглядом. Через полчаса я подвесил тушку над порогом и начал ее свежевать.

В школе напротив вдруг зашумели: солдаты стали выглядывать в окно, потом на заднюю половину дома прошли несколько военных, там жил хозяин дома, самогонщик.

Я разжег очаг. Когда огонь ослаб, я разгреб угли, нанизал мясо на вертел и стал покручивать его. Мясо розовело, раскаленные угли вспыхивали голубыми точками от стекающего жира, а я смотрел на ленивое дыхание углей и прислушивался к своей тревоге. Почему-то всплыло лицо Назима - нежное веснушчатое лицо моего двоюродного брата. Это была первая наша потеря в сорок первом году, и я до сих пор не могу с ней смириться.

От Баттала недавно пришла весточка - бодрое письмо, но пишет, что очень холодно, пальцы примерзают к стволу, и он недавно содрал кожу на ладони.

Когда розовая корочка покрыла кусок мяса, лицо у меня пылало от жара. Я прислонил вертел к стене, потер щеки. Потом сходил за чачей. Поднял Зину - она уже несколько дней лежала простуженная - и мы поужинали. Тревога не покидала меня.

Где-то в пять часов утра раздался резкий стук в дверь, потом в окно. Я вскочил и стал напряженно всматриваться в темноту.

Сердце бешено заколотилось. Вот оно! Только спокойно! Так. Перевел дыхание.

- Кто там?

Кто-то крикнул по-русски:

- Именем Советского правительства, откройте!

Я узнал голос вертлявого лейтенанта, который приходил за чачей к хозяину дома.

- Не знаю, кто вы такие, - резко ответил я, - и дверь я вам не открою!

- Откройте, иначе разобьем дверь!

- Ваше дело. Порядочные люди приходят днем или берут уполномоченных в сельсовете.

Тут послышалось по-грузински:

- Батоно Латифшах, вы не узнаете меня?

Я узнал. Это был голос моего десятиклассника Петре. Он был членом сельсовета.

- Откройте, пожалуйста, - странным голосом попросил он, - все равно уже ничего не поправить.

- Подождите минутку, только оденусь.

Стал торопливо одеваться. Сказал Зине, испуганно приподнявшейся с постели: "Ничего опасного, это из сельсовета".

Вошли лейтенант, двое рядовых и два моих ученика.

- Оружие есть?

Я покачал головой - оружие я сдавал в погранотряде сразу после задания. Солдаты обыскали дом, похлопали по карманам, вытащили перочинный ножик. Потребовали паспорта. Прочли в моем: "Азербайджанец". Офицер сказал: "Вас высылаем. Собирайтесь. Еды возьмите на три дня. На сборы - два часа". Зина протянула свой паспорт. Там было написано: "Грузинка". "Жена?" Зина кивнула. "Вы можете остаться. Вас не высылаем".

"Одеваться тепло?" - спросил я, все еще думая, что меня ждет переход через горы, и подумал: "Странный вызов!" Раньше я просто получал мобилизационный листок и являлся на погранзаставу. Что за конспирация? "Обыкновенно одеваться", - ответил лейтенант, и они вышли, хлопнув дверью. Я остался стоять у двери. Зина вопросительно смотрела на меня.

Зина снова стала накрывать на стол. Я достал стаканы. Жестом пригласил солдата к трапезе. Он потоптался, покосился на свое оружие, потом сел, положив его на колени. Я произнес тост. Потом еще. Когда мы все доели, Зина стала укладывать вещи, а я вышел во двор. И тут я все понял. Понял, что не я один буду вынужден покинуть Уде.

Село тревожно гудело. Мелькали огни, хлопали двери, ревела скотина. Я прошел вслед за военными к соседям.

Старуха с непокрытой головой сидела на матрасе и непонимающе, с ужасом смотрела на происходящее. Посредине комнаты среди разбросанных узлов стояла молодая женщина и все пыталась накрутить конец лечака³⁴. Руки у нее тряслись. Неделю назад она получила похоронку на мужа, и я вспомнил, что она также не могла поправить сползающий конец платка.

Солдаты торопливо перебирали матрасы, рылись в сундуке. Посыпалась крупная кукуруза. Один для чего-то поковырял в камине и хватил по треножнику.

Пятилетняя девочка с красивыми круглыми бровями обхватила мать за колени и истошно ревела, от чего брови ее еще больше округлились. Две стриженные головы свешивались сверху.

Солдаты потребовали, чтобы я объяснил женщине, что к чему: русская речь была ей непонятна.

Я оторвал девочку от матери и взял на руки. Не переставая реветь, она судорожно вцепилась в меня. Как можно спокойнее я сказал вдове: “Собери все ценное и теплое. Еды побольше. Только побыстрее. И не бойся”. Потом подошел к старухе и громко сказал: “Оденьте детей, они замерзнут”, - и спустил девочку с рук.

В каждом доме происходило подобное, с солдатами уже ходили переводчики - односельчане-католики. Паспортов на селе почти ни у кого не было. Поэтому переводчики формально спрашивали: “Мусульманин?”. Старухи кивали: “Да, сынок, да! Спроси, чего они хотят?” Следовал краткий ответ: “Вас высылают!” И люди столбенели от таких слов.

Я обошел много домов. “Кто такой?” - спрашивали у меня, я отвечал по-грузински. Переводчики молчали. Поэтому я беспре-

34. Лечак - женский головной платок (груз. - лечаки).

пятственно входил и выходил. Успевал успокаивать, советовать. “Ценное по стоимости, легкое по весу”, - говорил я всем, кто спрашивал, что брать. “Что делать?” - вцепилась мне в рукав старушка. Я знал, что у нее ничего нет. Посоветовал: “Возьми яблок побольше”. Она проковыляла в подвал, зачерпнула корзиной полосатые шафраны, потом разложила платок, сгребла крепкие конусообразные синапы и связала в узел. После этого вышла к солдатам, как на расстрел.

- Куда идти?

- К гумну, - ответили те.

Надо было подумать и о себе. В общей суматохе я дошел до отцовского дома. Там была младшая сестра Нафия с мужем - азербайджанцем Мадатом. Они приехали из Дманиси погостить к отцу и попали в переplet. Мадат пытался отговориться - я, мол, не из этих. Но слушать его никто не стал.

Отца дома не было - он ушел в соседнее село Плате. Сестра Фатима была в селе Самкуре у родственников. Брат Баттал - на фронте. Дома оставался один младший брат - восьмиклассник Фахо.

Зина уже была там с моим узлом. В него она сложила нижнее белье, шесть лепешек мчади и сыр. Я зашел в дом, отобрал несколько книг, и среди них самые ценные: двухтомник русско-турецкого словаря - первое бакинское издание, несколько работ Ленина, брошюры Сталина и среди них “Марксизм и национальный вопрос,” которую я знал почти наизусть. Сталин написал эту работу в 1913 году и Ленин сказал о ней, что это “замечательная книга”. Книги я завернул в кусок ткани и сунул в узел.

Собрались коллеги. Зина подала мне мое поношенное пальто и заплакала. Учителя вручили мне собранные наспех 700 рублей. Я обнялся со своими товарищами. Захотелось попрощаться со всеми. Были и такие, кто уклонился от проводов, хотя в 1928 году я работал в кресткоме и немало сделал для своих односельчан.

В большом доме Зина оставалась одна - всех нас выслали. Дом, построенный Зурабом Бараташвили в 1700 году и переживший семь поколений, впервые оставался пустым. Все сельские дома тут же опечатывали и они переходили в собственность кол-

хоза. Я поручил Зине не выезжать из дома. Прощаясь я говорил: “Мы вернемся, не сомневайтесь!”

Часам к семи народ стали сгонять вниз, к гумну. Утро занималось с трудом. На востоке, нехотя цепляясь за вершины гор, расходились тучи.

Люди долго стояли на гумне с узлами. Гумно оцепили солдаты и никого не выпускали. Были тут старики и старухи, дети и подростки, женщины и больные. Мельком я увидел и полусумасшедшую старуху Аншу. Дочери держали ее под руки. Уже полгода, как пришла похоронка на ее мужа и двух сыновей. Один из них - Мамед Кикнадзе - был моим сверстником. С того дня старуха обезумела. Она целыми днями сидела у верхнего родника и плакала.

К вечеру послышался ровный гул, и мы увидели странное зрелище. Дело в том, что Адигенский район напоминает ложбину, образованную как бы двумя ладонями. С южной стороны район огражден Арсианским, а с северной - Месхетским хребтом. Высота этих хребтов соответствует 2025 и 2180 метрам. По ложбине течет река Кваблиани, впадающая в Поцхови и далее - в Куру. Вдоль этих рек идет основная шоссейная дорога, ее уровень приблизительно равен 1100 метрам. Уде находится на южной стороне, на уровне 1300 метров. Из Уде видны и шоссейная дорога внизу, и река Кваблиани. Кроме того, просматриваются все села, лежащие на противоположной северной стороне: Бенаара, Вархани, Шулавери, Унца, Сабузара, Хевашени, Верхний и Нижний Энтели, Накурдеви, Пхеро... В безветренную погоду до Уде долетают даже отдельные слова из противоположных сел. По шоссейной дороге, вдоль реки, медленно двигалась колонна грузовых автомобилей. Длинная цепь причудливо извивалась, и конца ее не было видно. Я узнал эти грузовики защитного цвета. Это были “студебеккеры”, полученные недавно по ленд-лизу³⁵ от американцев.

Вскоре ровный гул сбился, цепь стала на глазах рассыпаться на отдельные звенья. Эти звенья поползли по дорогам, ведущим

35. Ленд-лиз (англ.) - государственная программа, по которой США в период Второй мировой войны поставляла вооружение, боеприпасы, продовольствие и т. п. союзникам, в частности СССР.

в верхние села. Теперь вместо ровного гула слышалось надсадное урчание вразнобой. Я стал считать машины, дошел до ста, потом сбился, начал опять, но в глазах зарыбило.

Старик рядом тяжело опустился на узел, вытер тыльной стороной ладони слезящиеся глаза и спросил, ни к кому не обращаясь: “Что они хотят от нас?”

Сержант оцепления ухмыльнулся: “Не бойтесь, вы поедете в цивилизованные места”. Потом он добавил охрипшим голосом: “Джамбул будет петь вам песенки, а вы будете кейфовать”, - и выжидательно уставился на меня.

Внутри у меня все похолодело. Я посмотрел в красные от бессонницы глаза сержанта и как можно спокойнее сказал: “Вы знаете, я педагог и хорошо осведомлен об уровне цивилизации”. “Тем лучше для вас”, - раздраженно буркнул сержант и отвернулся.

К вечеру стало холодно. Подул ветер. Солдаты в оцеплении сменились уже несколько раз. Наш сержант по-прежнему стоял рядом со мной, но в разговор не вступал. Люди стали устраиваться поудобнее, разожгли костры, готовились ко сну. Глубокой ночью все были разбужены какими-то странными звуками. Напротив в селе Шулавери горели костры. Страшные крики безысходности и отчаяния доносились оттуда. Взревели моторы “студебеккеров,” и этот смешанный вой разом усилился. Яркие пятна костров один за другим исчезали в темноте, как будто их кто-то стирал ластиком.

По гудению “студебеккеров” можно было определить, что колонна спускается к Адигенской долине. Через час на том же месте, где когда-то было село Шулавери, догорали последние костры.

Душераздирающе выли в темноте собаки.

Оцепеневшие, мы молча всматривались, как один за другим, догорали костры в селах на противоположной стороне: Бенара, Хевашени, Сабузара, Вархани, Накурдеви, Пхеро. Той ночью никто уже не спал. А утром в Уде вползли 15 “студебеккеров”, и к обеду в селе стоял такой же леденящий душу вой.

Я вертел головой, пытаюсь увидеть Зину, ободрав ногти о борт машины, что-то кричал сам, оглушенный происходящим. Через

час грузовики, натужно кряхтя, выехали на шоссейную дорогу. Поддерживая чьи-то узлы, я трясся в такт ухабам и напряженно думал. Разные мысли роились в голове: “Куда? Зачем? Может, с Турцией будем воевать, и Сталин хочет оградить от войны мирное население”. Я вспомнил его многочисленные портреты - они всегда вызывали во мне чувство досады - портреты были слишком парадны, а я любил его простую аскетичную жизнь, во всем стремился подражать ему. Только курить не стал - запах табака вызывал у меня отвращение. Но я помнил свои последние вылазки в Турцию: ничего опасного мои донесения не предвещали. Мысли кружили и возвращались к вопросу: “Куда? Зачем?”

К полудню грузовики достигли районного центра Ахалцихе. Нас высадили на железнодорожной станции. Я наказал нашим держаться вместе и пошел выяснять обстановку.

На станции творилось нечто невообразимое. Товарняков было так много, что я даже не стал их считать. Даже на тбилисском Шайтан-базаре я не видел такой толчеи. Меня били по ногам узлами, я ударялся об углы каких-то ящиков. Несколько раз меня стегнули по лицу брезентом. В этой неразберихе мне все же бросилась в глаза группа людей. Женщины, сидя на лоскутных одеялах, вопили, как над покойником, покачиваясь в такт своим воплям. Я пробрался к ним. Оказалось, что они оплакивали своих родственников, которые ехали на грузовике впереди них. Переезжая мост через реку Кваблиани у Адигени, “студебеккер” накренился и опрокинулся в реку. На глазах у этих людей погибли все их родственники.

На станции были люди из Шулавери, Плате, из Занави, Зарзмы, Капараули - это только нашего Адигенского района. Встретил я знакомых и незнакомых и из соседних районов - Ахалцихского и Аспиндзского.

Я терялся в догадках. И странное дело: не встретил ни одного католика из наших районов. Вокруг были только грузины-мусульмане. Выяснить мне ничего не удалось. Я еще больше был сбит с толку. Крики, детский плач, вопли и толчея - все это вызывало у меня только головную боль.

Кто-то потянул меня за рукав. Я оглянулся - это был мой брат Фахо (Фахреддин). Его послали за мной: там начиналась посадка, и к тому же объявилась Фатима - каким-то образом сестра нашла нас.

Среди многотысячной беспорядочной толпы вдруг началось какое-то организованное движение. Сначала нас оттеснили вправо. Затем, маневрируя, солдаты оцепили несколько десятков человек. Потом замкнули цепь и впустили еще несколько десятков, уже незнакомых нам людей. Через полчаса мы оказались у дверей товарного вагона. К двери подскочили двое солдат. Один быстро сбил засов, другой начал толкать дверь вправо. Дверь под напором с грохотом сдвинулась, и нас, прямо из оцепления, стали загружать в темный вагон.

Внутри было холодно. Вагон оказался двухъярусным. У нас было сравнительно мало вещей - только узлы, и поэтому мы всей семьей устроились наверху. Внизу стали размещаться с кадучками и сундуками. Я свесился вниз и поймал себя на мысли, что постоянно все считаю: в вагоне нас было 32 человека.

Потом появился озабоченный лейтенант. Он заглянул в вагон и громко осведомился, кто тут знает русский язык. Я спросил, что ему надо. Он проверил мои документы и сказал: "Назначешься старшим по вагону". Я попытался выяснить у него наш маршрут. Лейтенант не отвечал, записал мою фамилию и исчез. Посадка заканчивалась. Между эшелонами стояла длинная цепь солдат. Через несколько минут кто-то стал выкрикивать мою фамилию. Я спрыгнул с верхней полки и высунулся. У вагона стоял пожилой человек в форме рядового.

- Вы учитель? - спросил он. Я кивнул.

- Вот, возьмите ее с собой, - и солдат потянул кого-то за руку. Из-за его спины показалась чумазая девочка лет шести, закутанная в рваный платок.

- Она из Хоны, - сказал солдат, - круглая сирота. Отец погиб на фронте, а мать, говорят, с неделю как умерла. Возьмите ее с собой. У нее никого нет, а вы как-никак учитель.

Солдат подхватил ее под мышки и приподнял. Я принял девочку, удивляясь ее невесомости.

- Как тебя зовут? - спросил я, развязывая платок.

- Махбула, - шепотом ответила девочка, не поднимая глаз.

Я отвел ее наверх, порылся в узелках, нашел мчади и головку лука. Девочка молча стала есть. Когда она подняла глаза, я удивился странному взгляду. Потом понял: взгляд был странный, потому что крупные глаза ее чуть косили. Девочка, увидев, что ее разглядывают, перестала есть. Лицо ее вдруг жалобно сморщилось, и по грязным щекам побежали слезы. Нафия погладила девочку по спине, отчего та заплакала еще горше, не выпуская из рук еды. Успокаивать ее не было времени - паровозы вдруг разом тревожно засвистели и эшелоны дернулись. Из всех вагонов заголосили. И этот крик был так же страшен, как и вчерашний.

Свесив ноги, я чувствовал, что немею от страха, который вместе с криком вползал в мою душу. За что все это? За что мучают людей, которым нечем защититься, кроме как этим первобытным криком отчаяния и беспомощности?

Состав быстро набирал скорость. Железная дорога, построенная с 1940 по 1944 год выселяемыми ныне людьми, вела нас в Боржоми. Его мы достигли к 7 часам вечера. В дороге я написал письмо брату Зины. "Бения! - писал я. - Нас высылают. Куда, не знаю. Зина осталась в нашем доме одна. Помогите ей и присмотрите за домом".

Сложил бумагу треугольником, надписал адрес: район Абаша, село Гулухети.

В Боржоми двери не открыли. Из маленького оконца я увидел, как бежала куда-то стайка школьников. Я окликнул мальчишек, высунул руку и попросил опустить письмо в почтовый ящик. Они подхватили бумажный треугольник, закричали: "Опустим, опустим!" - и убежали.

Мимо Тбилиси мы промчались ночью.

Днем мы проносились мимо всех станций и полустанков. Составы мчались уже целые сутки не останавливаясь. Тридцать два обитателя вагона лежали на узлах вповалку и в основном молчали. В вагоне кисло запахло человеческими испражнениями. Справлять нужду приходилось прямо в посуду, которую накрывали крышками или тарелками.

Я отворачивался от этого зрелища, и внутри у меня все клотало. Никто не имеет права ставить человека в такие унижительные условия, в которых он вынужден забывать стыд. “Это все солдаты и машинисты! - задыхаясь от гнева, думал я. - Они не имеют права!”

Тем временем, как сумасшедшие, пронеслись будки полустанков и железнодорожники с желтыми флажками. По ландшафту я видел, что это уже Азербайджан. Унылые степи – наверно, Ширакская или Караязская. Дорога, несомненно, вела в Баку.

Глубокой ночью состав остановился. Я прикинул: километров 800 мы ехали без остановок. Двери с грохотом открылись, и в лицо ударила струя холодного воздуха, смешанного с гарью. Я спрыгнул в темноту и глубоко вдохнул. Под вагонами заматались длинные прутья желтого света от ручных фонарей. Я прошел вдоль состава. “Это Баку?” - спросил я у железнодорожника, вылезавшего из-под вагона.

“Тебе-то какая разница, несчастный? - отвечал он, постукивая по чугунным колесам вагона. - Все равно погонят дальше”.

Чуть поодаль, у параллельного состава, толпилась милиция. Было темно, но чувствовалось, что там что-то происходит. Я подошел ближе. Из разговоров я понял, что в этом вагоне умер человек. Милиционеры по-русски выговаривали старику, который стоял у вагона, покачиваясь и закрывая лицо руками.

- Что случилось? - спросил я старика по-турецки.

Он отнял руки от лица.

- У тебя дела нет что ли? - запальчиво крикнул он. - Иди своей дорогой!

Потом, видя, что я не ухожу, старик опять закричал:

- Эти люди и наших мертвых хотят у нас отнять!

Я всмотрелся в него: глаза воспалены, в них какой-то безумный блеск. Старик качнулся и чуть не упал. Потом, закинув лицо к небу, хрипло закричал: “Аллах! Оставь нас, если не можешь защитить!”

Все как-то сместилось и происходящее вдруг стало казаться мне сценой из классической трагедии - я их много пересмотрел на тбилисской сцене. Все во мне сжалось, и я бессознательно ждал развязки.

В это время появился милиционер, старший, судя по погонам. - Вы из этих? - спросил он меня. - Помогите мне уговорить их. Женщины не отдадут тело. В вагоне может вспыхнуть эпидемия.

Мы забрались в вагон. По силуэтам в темноте я догадался, что женщины сидят вокруг покойника. Спины их мерно покачивались в разные стороны. Тихие голоса причитали. На нас никто не обратил внимания.

Спотыкаясь о лежащих, я громко спросил, кто родственники умершего. В ответ заголосила одна старуха, я узнал, что это жена покойного моллы Мурада из горного села Шока. С большим трудом мне удалось убедить ее отдать тело. Я сказал, что умереть на мусульманской земле в Баку - это счастье для каждого правоверного. Поэтому тело надо немедленно отдать на погребение.

Женщины стали благодарно кивать, покорно расступились, и тело беспрепятственно унесли. Старший удивленно посмотрел на меня и спросил: "Вы что, молла?". "Нет, - ответил я, - просто учитель".

В это время паровозы засвистели. Я побежал к своему вагону. Состав дернулся, и в окошке замелькали фонарные столбы. Но почему-то в обратном направлении. Я ничего не понял. Тогда я еще не знал, что железная дорога, ведущая в Баку, огибает его с запада и идет по кольцу, окаймляющему город.

Как? Обратно? Неужели на юг? Я прикинул: из Тбилиси мы ехали в Баку на восток. Отсюда две железнодорожные линии - северная и южная. Северная ведет в глубь страны. Южная - через Ленкорань - за кордон. Так! Значит в Иран! Внутри у меня все похолодело. Я знал, какие иранцы фанатики, а я ведь коммунист. Почему-то вспомнилось, как ужасна была гибель Грибоедова - русского посла в Иране. Фанатичная толпа разорвала его в клочья и несколько дней в религиозном экстазе гоняла отрубленную голову по улицам Тегерана.

Я вспомнил его могилу на горе Мтацминда. Когда я учился в партшколе, я часто приходил заниматься туда. Конспекты раскладывал на большом камне напротив склепа, увитого плющом. В склепе было сумрачно и таинственно. Я смотрел сквозь чугунную решетку на холодную плиту и каждый раз, как бы заново,

прочитывал печальную надпись на ней. Какой нелепый конец блестящей судьбы...

Иран... Значит Иран! И почему в Иран?

Окошко в вагоне было на нашей стороне, по левую сторону движения. Изогнувшись, я прильнул к нему и стал всматриваться в небо. Оно было чистым и звезды влажно блестели, прямо в окошко глядел вертикально висевший на небосклоне звездный ковш. Хотелось снять его и зачерпнуть воду из муслуха - полтораметрового выдолбленного соснового бревна. В таких бревнах хранится у нас питьевая вода. Потом взять в руки звездный ковш и пить до бесконечности эту воду, пахнущую сосной и горными льдами.

Я проглотил слюну и оглянулся. Наши спали с тревожными лицами, как бы прислушиваясь к чему-то. Девочка вдруг открыла глаза, бессмысленно посмотрела перед собой и тут же опустила веки. Я поправил на ней сползающее пальто и снова повернулся к зарешеченному окну.

От правого края ковша я стал отсчитывать отрезки, равные глубине ковша. Пять отрезков насчитать не удавалось - линия уходила за состав. Но, когда на стрелке состав шархнулся вправо, я успел проложить последний отрезок, и прямая линия уперлась в размытую светящуюся точку.

Состав мчался прямо на Полярную звезду. На север!

У меня отлегло от сердца. Значит, Урал! Или Сибирь. Ну что ж, по крайней мере, своя страна. Не пропадем. "Не пропадем!" - сказал я вслух. Но ответа не последовало. Я скинул с себя пиджак, накрылся им, поудобнее устроился на досках и стал засыпать...

Эту часть воспоминаний я писала со слов папы. Для меня она оказалась самой трудной.

С одной стороны, я боялась, как бы не было ощущения вторичности - все-таки это пересказ событий, в которых я не принимала участия. Именно поэтому мне были интересны все подробности.

Разумеется, рассказ я все время перебивала вопросами. Каждое уточнение выливалось в целое повествование, которое я слушала с упоением. К нему примешивалась досада от невозможности передать все это на бумаге также захватывающе.

- Как? - прервала я рассказ в том месте, где говорилось о национальности "азербайджанец" в паспорте.

Папа, наклонив голову, сосредоточенно щурился, и начинался новый рассказ.

- Когда в 1930 году мы приехали учиться в Тбилиси, паспортов у нас не было. Были только справки из сельсовета и направление на учебу.

Нас встретили, собрали справки, направления. Потом нам принесли какие-то бумажки и объявили, что в обмен на них выдадут паспорта.

Я прочел в своем документе фамилию, имя, отчество, год рождения. Национальность - азербайджанец.

- Но почему же ты не воспротивился этой записи? - закричала я. - Ты же грузин, только мусульманской веры. Какой Бараташвили азербайджанец?

- Вера не имела для меня значения, ведь я связал свою жизнь с марксизмом. Да и о национальности большевики тогда не думали - ведь мы говорили о единении всех народов.

Но почему же в папиных документах оказалось записано, что он азербайджанец?

Грузинское население северной части Месхети, отвоеванной Россией в 1828-1829 гг., было записано царскими чиновниками как "грузины-сунниты". Об этом говорится в "Сборнике материалов для описания населения Тифлисской губернии за 1870 год". Это подтверждено и в "Своде статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года" (издано в Тифлисе в 1893 году). Во всех этих списках Бараташвили указаны как жители села Уде и их родным языком является грузинский.

Мусульманское население Месхети по данным этих списков состояло из грузин-суннитов, терекеминцев и курдов. Этнических турок в Месхети практически не существовало. Терекеминцы малочисленными группами осели в Месхети в XVIII веке. То же самое можно сказать и о курдах. Терекеминцы принадлежат к тюркским племенам, и мы, месхи, по сегодняшний день четко отличаем их от себя, как и курдов.

Согласно вышеупомянутым спискам, в Месхети было около 200 мусульманских сел. Терекеминцы и курды проживали лишь в 20 из них, с наиболее малочисленным населением. В 1944 году из 125 тысяч выселенных жителей Месхети было около 7 тысяч терекеминцев и 3 тысячи курдов. Остальные 115 тысяч так называемых турок в действительности являются грузинами-мусульманами из племени месхов.

В посемейных списках, хранящихся в исторических архивах Тбилиси, указаны фамилии месхов-мусульман, и подавляющее их большинство - грузинские. Я не имею возможности привести эти списки - это заняло бы слишком много места (их следует издать отдельно), но любой месх, который знает из какого села он родом, легко обнаружит в них свою подлинную грузинскую фамилию.

То, что месхи-мусульмане по происхождению грузины, а не турки, отчетливо прослеживается и в том диалекте турецкого языка, на котором они говорят. Это восточно-анатолийский диалект с принесенными в него месхами фонетическими особенностями, специфическими лишь для грузинского языка. Кроме того, в лексике наличествуют целые пласты грузинской сельскохозяйственной и бытовой терминологии.

Грузинское самосознание у месхов-мусульман прослеживается и в начале XX века. Примечателен следующий факт: на католической церкви, построенной в Уде в начале XX века, сохранилась надпись: “უდეს არის კათოლიკეები 2120 სული მამულები ამ საყდრისა, ძაძადაიხები 520 სული. თრის ტომით ქართველები: ღვთისმშობელი მუბ გწირადთ ჩვენ მრამდას“. Что в переводе на русский язык означает: “В Уде строителей храма 2120 душ католиков и 520 душ мусульман. Оба племени - грузины: Мать Божия, прими наш труд”.

С начала XX века царское правительство, проводя политику раздробления грузинской нации, открывает в Месхети турецкие школы. Однако, несмотря на это, месхи не причисляли себя к туркам. “Грузин” стал для них синонимом православного грузина, “ференг” (француз) - стал для них синонимом грузина-католика. Себя месхи-мусульмане турками не считали, но и грузинами не называли. Их самосознание было “ерли” - то есть местный, коренной.

Многие в высылке месхов обвиняют Сталина. Это, несомненно, так, однако идея их высылки и заселения Месхети малоземельны-

ми крестьянами из западной Грузии принадлежит еще царским чиновникам, и Сталин лишь осуществил ее.

В 1914 году началась первая мировая война, и русские войска выступили против Турции со стороны Месхети. Командование русской армии предложило грузинскому дворянству создать вооруженные дружины и изгнать месхов - как турок - в Турцию, а опустевшие земли обещало заселить малоземельным крестьянством из западной Грузии.

Грузинская общественность не поддавалась на это и выступала в защиту месхов. И, если в 1830-1831 годах под давлением правительства Николая I часть месхов вынуждена была переселиться в Турцию, на этот раз месхам удалось избежать горькой участи.

Исламизация месхов, разумеется, не проходила бесследно: в 1916 году из шестидесятитысячного населения Месхети треть утратила родной грузинский язык. Вторая треть была двуязычной (грузинский и турецкий), а остальные знали только грузинский язык.

Самый сильный удар по национальному самосознанию месхов нанесен был в 1923 году, когда месхов записали азербайджанцами.

Интересы СССР на ближнем востоке заставляли идти на уступки Турции в ущерб грузинским национальным интересам. Турки, как известно, покровительствовали азербайджанцам.

В результате решением Кавбюро ЦК ВКП(б)³⁶ от 1923 года месхи, не имевшие ничего общего с азербайджанцами ни территориально, ни этнически, ни тем более антропологически, были причислены к азербайджанской национальности.

С того же времени грузинские фамилии начали массово изменять на азербайджанские. Весь партийно-административный аппарат и педагогические кадры Месхети комплектовались в Азербайджане. Все делопроизводство, преподавание в школах и техникумах велось на азербайджанском языке. В Ахалцихе выходила газета на азербайджанском языке и был организован азербайджанский театр.

Вот откуда у папы в паспорте в графе “национальность” оказалась запись “азербайджанец”.

36. Кавбюро ЦК ВКП(б) - Кавказское Бюро Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

- Турецкий язык я знал отменно, - продолжает папа. - Позже, на семинарах, я приводил в восхищение преподавателей своими молниеносными переводами с грузинского на турецкий и наоборот. В коридорах меня часто останавливали седовласые профессора-филологи. Они уточняли какие-то синонимы, спрашивали отдельные слова, обороты, были очень вежливы со мной, и я чрезвычайно гордился этим.

Как-то к нам пришел Миха Цхакая. Ему в ту пору было почти 70 лет и ходил он уже по-стариковски шаркая. Но на трибуне он преображался. Глядя в зал несколько исподлобья сквозь круглые стекляшки очков, Цхакая убедительно и очень доходчиво объяснил задачи партии.

“Представьте, что мы стоим перед большой рекой, - говорил он, - которую надо перейти. Так вот, правые говорят: пойдёмте направо, поищем мостик, левые же тянут налево. А партия говорит: нельзя терять время, надо перейти эту реку во что бы то ни стало вброд там, где стоим”.

Я стоял сзади и делал пометки для перевода. Волновался очень. Еще бы! Миха Цхакая уже тогда был для нас живой легендой. Профессиональный революционер! - а мы все бредили революцией – делегат III и IV съездов РСДРП³⁷, был в эмиграции в Женеве, откуда вернулся с Лениным, член ЦК КП(б)³⁸ Грузии.

Конечно, я волновался. Когда Цхакая закончил, я выступил вперед, заглядывая в свои записи, стал быстро переводить и в конце от себя добавил: “Долой троцкизм! Да здравствует коллективизация!” Все захлопали.

- А кто еще приходил к вам? - прерываю я опять.

- Многие, - отвечает папа. - Филипе Махарадзе, например. А знаешь, как его звали в народе? - оживает папа.

- “Филмах” - по тогдашней привычке все сокращать. Даже анекдот ходил. Время нэпа³⁹. А Махарадзе - предревком⁴⁰ Грузии. Прихо-

37. РСДРП - Российская социал-демократическая рабочая партия.

38. ЦК КП(б) - Центральный комитет Коммунистической партии (большеви́ков).

39. НЭП - новая экономическая политика, проводившаяся в 1920-е годы в Советской России и СССР.

40. Предревком - председатель революционного комитета.

дит к нему один мелкий торговец и жалуется: “Товарищ Филмах, твой начмил, то есть начальник милиции, мой виртач отобрал. Скажи, пусть обратно отдаст”.

- А виртач что такое?

- Вири - осел, тач - тачка.

Мы оба смеемся.

Я слушаю папу и верчу в руках выцветшую книжку, обтянутую красной тканью. Ткань порыжелела в некоторых местах, и само удостоверение выглядит музейным экспонатом. Оно на самом деле музейное. Наивным каким-то шрифтом выписано (может, он не столько наивный, сколько милый своей стариной), что удостоверение выдано папе по окончании двухгодичного курса Центральной партийной школы при Коммунистическом университете им. Сталина по тюркскому сектору. Я обратила внимание, что удостоверение помечено первым номером.

- Да, - говорит папа, - так решили при выдаче документов. Учился я хорошо, с удовольствием, даже с жадностью, предвкушая ту работу, которую себе наметил.

- Что за работа?

- Мы с однокурсниками решили после окончания учебы проситься в Турцию - делать революцию, дали друг другу клятву отдать все силы делу мировой революции. Убеждали декана, просто требовали, чтобы нас послали за границу. Но не вышло. В Турции же я бывал с заданиями позже, во время войны, вплоть до 1944-го года.

Возвращаясь к ноябрьским событиям 1944 года, хочу еще поразмышлять. Хотелось описать события так, будто все это происходило со мной.

Но я долго не могла уяснить для себя папин взгляд на происходившее. Сегодняшняя его позиция мне хорошо известна - почти вся борьба за возвращение на родину протекала на моих глазах, мы выросли в атмосфере этой борьбы. Всевозможные собрания, долгие разговоры, папины отъезды, обращения, письма, воззвания - их бесконечные варианты писались и нашими неустоявшимися почерками - все это я знала с детства и знала, что это важное и справедливое дело.

Знала я и то, что операция по выселению месхов была осуществлена одновременно в примерно 200 селах районов Ахалцихе,

Адигени, Аспиндзы, Ахалкалаки и Богдановки, и эту операцию осуществляли войска НКВД, подчиняющиеся непосредственно Берия.

В папином рассказе был один эпизод, который я не вставила, поскольку он узнал о нем позже. 14 ноября в Уде состоялось колхозное собрание. А за несколько дней до выселения странно повели себя односельчане-католики: они стали скупать в селах ценные вещи и скот по дешевке. Так вот, на собрание пришли все - от мала до велика. Но, странное дело! - у входа стоял член сельсовета и пропускал на собрание только католиков. Повестка дня собрания была об устройстве дорог Адигенского района.

Папа в тот вечер встретил Ибрагима, передового на селе бригадира. Он шел и яростно ругался: "Смотри, и на собрание нас не пустили, сукины дети! Какую-то несчастную дорогу не доверяют нам".

А дело было вовсе не в дороге. Оказывается, односельчанам-католикам было объявлено о завтрашнем выселении. В Адигенском районе было 70 сел и только в двух из них - Уде и Арали - часть населения была католической. Остальную часть составляли мусульмане. Разумеется, все 70 сел завтра будут выселены, и оставленное добро может пропасть. Так вот, чтобы этого не произошло, на собрании стали делить села между присутствующими. А добра оставалось много. "Осень просто завалила нас урожаем, - вспоминал папа, - на один трудодень выходило 18 кг кукурузы. Это, не считая пшеницы и фруктов. А мед бочками оставался". Колхозное собрание фактически дало официальную санкцию на мародерство. Ночью собравшиеся, не расходясь по домам, отправились в назначенные села - ожидать обещанное.

Но важнее всего для меня было то, какое чувство все происходившее вызывало в папе тогда, в 1944-м. Какими глазами он смотрел на опрокинутые сундуки и девочку-сироту, как отзывался в его душе жалобный вой привязанных собак и что творилось с ним, когда он видел гаснущие на его глазах села.

Поэтому я долго думала о тех днях, восстанавливая их во всех мелочах. Что делал папа в те дни, я знала почти наизусть, но в голове все-таки не укладывалась ясная картина.

Я думала: ведь папа, свидетель, непосредственный участник этих событий, не был романтично настроенным юнцом. Этот че-

человек вырос в многодетной семье и знал все тяготы крестьянской жизни, сознательно отрекся от религии, вступил в комсомол. За его плечами были активная комсомольская работа, учеба в партийной школе, в университете, разведка...

И вот этот человек, видя явное насилие и несправедливость, ходит, подбадривает людей, невольно помогая организаторам насилия. Почему? Почему он сдержался в разговоре с сержантом, который издевался над ними? Я знаю, как папа вспыльчив, но справедлив. Разве он плохо разбирался в обстановке - он, чьей работой гордились на погранзаставе? Пришлось все-таки задать этот вопрос. Папа удивился:

- Почему я должен был сомневаться в правоте действий наших властей? Да, я многого не понимал в те дни, но приписывал это своему неумению мыслить по государственному. Верил, что так надо.

- Но это же похоже на религиозный фанатизм! - сказала я. - От чего ты ушел, к тому и вернулся.

- Какой, к черту, религиозный фанатизм! - вспылил папа. - Я ненавижу религию, она делает человека слепым. Да и какая вера могла сравниться с моей верой! С верой в революцию и коммунизм! Непоколебимая была уверенность, понимаешь, непоколебимая!

Я ничего не понимала. Тебя выгоняют из дома, отнимают навсегда самое дорогое: землю, на которой родились твои предки, ты сам, где растут твои сады и сияют вечными снегами твои горы, где ручей напевает незатейливую песенку и с грохотом срываются водопады, где гулко крутится мельничный жернов и далеко разносится нежный запах свежесмолотой кукурузной муки...

Для меня все эти понятия носят абстрактный характер. Я никогда не была там, ничего этого не видела. А для папы все это было реальностью. Тебя лишают этой реальности, а ты веришь, что это справедливо. Поразительна эта непоколебимая вера!

Но вопрос в том, хорошо ли это? Странно, думала я, что человек в общем-то уже сложившийся, был абсолютно лишен критического взгляда на вещи. Как я ни знала папу, но это оказалось для меня новостью.

Думаю, что не выяснив ее природы, я бы не сумела описать трагедию тех ноябрьских дней 1944 года.

Суровая и трагическая судьба выпала на долю месхов. Так сложилось, что с незапамятных времен месхи проливали кровь на поле брани.

Грузия всегда была лакомым кусочком для окружающих ее могущественных и агрессивных держав. Благодаря своему географическому положению Месхети служила своеобразным щитом, прикрывающим всю остальную Грузию от иноземных захватчиков.

В XVI веке Турция, пользуясь слабостью Грузии, погрязшей в княжеских междоусобицах, отторгнула Месхети и установила над ее народом жесточайший гнет.

С 1578 по 1829 год, два с половиной века, месхи находились под турецким игом. Все это время среди месхов насильственно насаждался мусульманский образ жизни.

ЧТО ПРОИЗОШЛО С МЕСХАМИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИНЯТИЯ МУСУЛЬМАНСТВА

Прежде всего насильственно был введен незнакомый, чуждый месхам турецкий язык. Если изучить этот язык было сравнительно легко, то изучить арабскую письменность, на которой основывалась турецкая, представлялось почти невозможным. Поэтому часть месхов, принявших мусульманство, изучила разговорный турецкий язык, но оставалась безграмотной. И еще долгие годы турецкие тексты писались месхами грузинским алфавитом.

Ислам учит, что мусульманство есть единство веры и национальности. Поэтому в документах, удостоверяющих личность в графе “национальность” месхи часто писали “мусульманин”.

Турки, позаимствовав в древние времена у арабов их культуру и веру и сделав ее своей, насадили ее и среди наших предков. Элементы христианской культуры, которые еще сохранились у населения, считались богохульством. Например, нельзя было играть на музыкальных инструментах, танцевать, рисовать, носить христианскую (грузинскую национальную) одежду, женщине нельзя было открывать лицо перед посторонним мужчиной.

До завоевания турками жители Месхети занимались, кроме всего прочего, виноградарством, которое было солидным источником дохода крестьян. Месхам было запрещено выращивать виноград, так как из него делалось вино, запрещенное исламом. По той же причине такая же участь постигла и другую отрасль сельского хозяйства - свиноводство.

Из-за религиозного фанатизма турок месхи терпели экономическое бедствие и впали таким образом в нужду.

Люди переносили все эти тяготы и лишения. Переносили лишь благодаря тому, что у них оставалось самое главное - земля предков, на которой они жили.

Но никто не знал, что страшная трагедия еще впереди: месхов лишат родной земли. И тоже насильственно.

ГЕНЕАЛОГИЯ РОДА БАРАТАШВИЛИ

Работа над генеалогией шла многие годы и окончательно оформилась в 1942 году. Кроме своей генеалогии я изучил происхождение фамилий моих односельчан и составил несколько десятков генеалогических таблиц. Они и сейчас хранятся у меня в архиве.

Генеалогические таблицы составлены мною для того, чтобы наши потомки знали о своем подлинном происхождении, знали бы свои корни, свой род, где бы они ни жили и какие бы фамилии ни носили сейчас.

Сохранение фамилии из поколения в поколение - древнейшая традиция. Благодаря фамилии историки могут восстановить всю родословную человека.

Фамилия Бараташвили существует давно и, принятая однажды, не изменялась на протяжении веков.

В 1578 году Мустафа-Лала паша захватил Месхети. Чтобы утвердиться на захваченной территории, паша завел книгу переписи населения. Книга эта называлась "Пространный реестр Гюрджистанского вилайета". На 51-й странице реестра главой одной из семей Уде назван "Барата Мурад".

Таким образом, началом нашей фамилии Бараташвили ("швили" по-грузински означает "сын") условно считается 1578 год, когда население Месхети еще было христианским.

Позже, спустя примерно 147 лет, христианин Бежана Бараташвили принял мусульманство. В новой вере он получил новое имя - Магомед. Мы потомки Бежана-Магомеда.

В Кутаисском историческом музее хранятся документы Имеретинского царства, а также Гурийского и Одишского княжеств (так называлась Мегрелия). В разделе, охватывающем 1466-1770 годы, я вычитал следующее: "Затем этот Магомед, звавшийся ранее Бежана, сын Зураба Бараташвили, по случаю мусульманства имеет право на обладание всем имуществом и поместьями, ранее принадлежавшими его отцу, деду и прадеду". Наша генеалогия начинается с этих лиц⁴¹.

Выяснилось также, что Бежана был богатым человеком и оставил своему наследнику обширные владения: село Цисе, поля

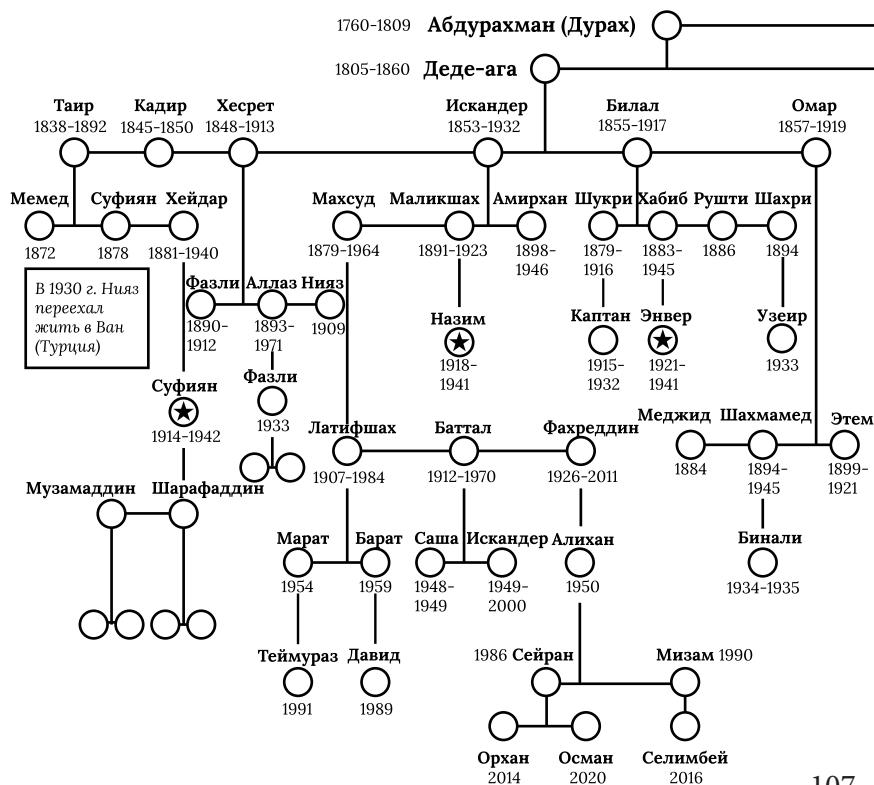
Генеалогия

коренных жителей села Уде

Экземпляр данной таблицы сдан в архив Академии наук Грузии
25 мая 1968 года.

В работе проф. С. Джикия "Пространный реестр
Горджистанского вилайета подтверждается, что в XVI веке
в селе Уде Ахалцихского пашалыка существовал
род Бараташвили (т.1, стр. 51).

Наличие рода Бараташвили в селе Уде подтверждается записью
в "Посемейных списках Ахалцихского уезда Тифлисской губернии"
за 1886 г. (Тифльская Казенная Палата, фонд 254, опись 3,
архивный №1852).

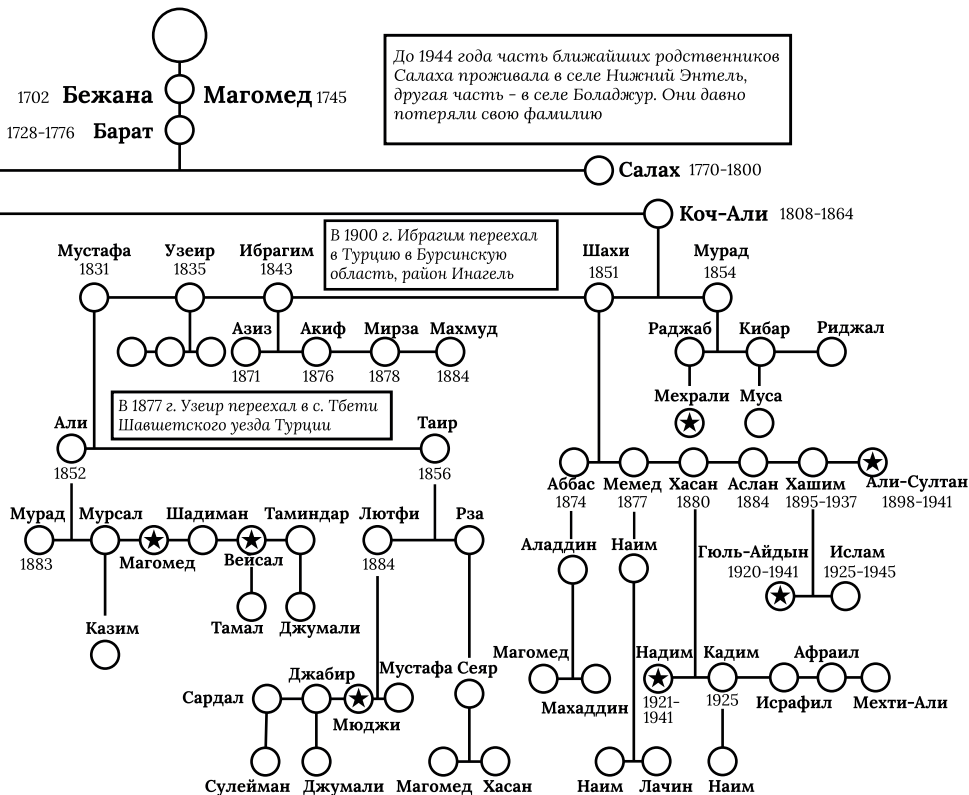


Бараташвили

Адигенского района Грузии

(Составлена в 1942 г.)

Зураб Бараташвили



★ Погибли в Великую
Отечественную войну 1941-1945гг.

Арали, сады Кёпри-баши, Чокавурские мельницы и др.

В 1764-1765 годах сын Бежаны отправился в далекий Стамбул, взяв с собой в попутчики некоего Араб-оглы из соседнего села Пхеро. Это путешествие было предпринято с целью испросить духовное разрешение у султана на постройку мечетей в своих селах. Путешественники были приняты султаном и высочайшее разрешение было дано. Сын Бежаны вернулся домой с верительной грамотой, в которой разрешалась постройка мечетей в селах Уде, Пхеро, Леловани и Чечла.

В те времена подобная поездка считалась рискованной. А так как наш предок привез важную бумагу, то ему было дано имя “Барат” (это слово означает “сообщение”, “документ”).

В Уде мусульмане носили грузинские фамилии, но в некоторых селах почти никто уже не сохранил свои исконные грузинские фамилии, создавались новые фамилии по именам отцов.

Наша фамилия встречается и в других районах Грузии - Багдадском, Душетском, Тердждольском.

Редактор журнала “Сакартвелос кали” (“Женщина Грузии”) Марика Бараташвили рассказывала мне, что ее предки тоже родом из Месхети, но бежали оттуда в Чиатурский район в страхе быть обращенными в мусульманскую веру.

В книге Х. Ахвледиани “Краткая история Аджарии” можно найти следующую цитату:

“... Шейхов из грузинских мусульман было очень мало. Только в 1780 году им стал Херхеулидзе из Ардагана, в 1830 году - Хаджи Ломан-эфенди из Зендара, в 1805 году Гейдар-ходжа Бараташвили” (Том 1, стр. 11, Батуми, 1944 г.).

Наличие в селе Уде Ахалцихского уезда грузин-мусульман Бараташвили подтверждается в статье Захария Чичинадзе “Письмо из Кваблиани” (газета “Иверия”⁴² № 125, 12 июня 1901 г.). Там говорится: “В Уде есть министерская школа, в которой учатся 80 школьников. Среди них единственный мусульманский мальчик по фамилии Бараташвили”. Речь идет о моем дяде Маликшахе.

42. Газета “Иверия” выходила на грузинском языке с 1877 по 1906 год, основана Ильёй Чавчавадзе. Финансовую поддержку газете оказывали известные меценаты Зубалашвили.

В 1913 году Маликшах окончил Ахалцихскую гимназию, после чего стал незаменимым человеком в канцелярии Кваблианского пристава Иса-бека Химшиашвили.

Во время правительства меньшевиков (1917-1921 гг.) Маликшах работал в Аджарии секретарем местной власти сёл Гонио и Сарпи. После советизации Кваблиани его назначили предревкомом Удинской общины, затем предревкомом села Вархани, а в 1923 году – предревкомом Ацкури. Поступали сигналы о том, что тогдашний начальник милиции Ацкури занимался вымогательством. Маликшах собирался разоблачить его, но не успел. Ночью 19 ноября 1923 года его убили выстрелом в спину.

У Бежана-Магомеда было два сына - Дурах и Салах. У Дураха тоже было два сына - Деде и Коч-али. Деде имел 5 сыновей, средним сыном был Искандер - мой дед.

Дед Искандер был человеком вспыльчивым, крутым. Но это не мешало ему любить садоводство, с нежностью относиться к деревьям, любить их, как живые существа. Он обладал такой интуицией в садоводческом деле, что ему достаточно было одного взгляда на дерево, чтобы определить - выживет оно или погибнет, будет плодоносить или нет.

И вот еще удивительный факт. Ранней весной к моему деду приезжали закупщики фруктов со всей Грузии. Деревья только начинали зацветать, а оптовые скупщики торопились в Уде. И начиналось знаменитое шествие по Ахалцихским садам. Искандер ага, заломив папаху, шел впереди, а за ним, на почтительном расстоянии, шли богатейшие люди и торопливо записывали отрывистые реплики деда. По цветам на деревьях дед определял, какой будет урожай. “Пишите, - приказывал дед, - этот сад даст 200 пудов яблок и 60 пудов груш”. “А слив?” - спрашивали скупщики. Дед отмахивался: “Не стоит закупать. Слива почти вся погибнет”. И интуиция не подводила его. Скупщики тут же договаривались с хозяином садов о цене. Дед тоже получал солидное вознаграждение и, не считая, запихивал ассигнации в карманы брюк.

У Искандера было три сына - мой отец Махсуд и мои дяди - Маликшах и Амирхан.

Мой отец Махсуд или, как его уважительно называли, молла Махсуд был крестьянином среднего достатка, трудился всю свою жизнь. В 1905 году, когда из России пришли вести о революции, и когда по призыву социал-демократической партии грузинский народ поддержал ее, отец тайно перевозил оружие в Ахалцихе. Оружие это собирали по всему селу, а старые, еще османские, ружья ремонтировали местные кузнецы.

У моего отца было три сына: я и мои братья - Баттал и Фахреддин⁴³. У нас тоже появились дети.

Таким образом род Бараташвили из села Уде, начиная от Зураба, родившегося в XVIII веке, до Марата, родившегося в 1954 году, пережил 9 поколений, то есть каждые 28 лет в нашем роду меняется одно поколение.

Древнегреческий историк Геродот считал, что в человеческом роду примерно каждые тридцать лет меняется одно поколение.

Потомков нашего прямого предка Деде называли “дедейцами”, а потомков Коч-Али - “кочалийцами”. Потомки Салаха проживали в разных селах и потеряли свою фамилию. Впоследствии они записывались как “джурийцы”.

Генеалогия и собранные документы наглядно подтверждают коренное происхождение нашего рода.

Мы не пришельцы и тем более никакие не турки.

Мы - грузины-месхи, принявшие мусульманство на определенном историческом этапе.

В период мусульманизации представители Ватикана (контактирующего в тот период с Турцией) выпросили себе право обратить часть населения в католичество. Православных христиан в Месхети практически не было. Были только мусульмане и католики.

Напрашивается вопрос: почему в ноябре 1944 года из Месхети были высланы только грузины-мусульмане? Ведь, если следовать пресловутому ярлыку, который был навешен нам давно (“Вы продали веру!”), то и католики изменили вере - были пра-

43. Читая эту запись, может создаться впечатление, что в роду Бараташвили не было женщин. Дело в том, что папа прослеживает мужскую линию рода, поскольку она продолжает фамилию.

вославными, а стали католиками!

Тем не менее, в ноябре 1944 года по неизвестным нам причинам люди были разделены по религиозному признаку.

Одних назвали “врагами народа” и сослали в ссылку. “Врагами народа” оказались грузины, принявшие мусульманство. Другие оказались “верными” - это были грузины, принявшие католичество.

Кто знал, что вопрос религии окажется роковым при Советской власти!

Кто знал, кто знал...

Таким образом род Бараташвили разбросан по свету. Потомки Узеира и Ибрагима в Турции. Потомки Салаха потерялись из виду из-за измененной фамилии. Остальные Бараташвили волею культа личности рассеяны по республикам Средней Азии, Азербайджану и России. Перед смертью мой отец Махсуд обратился к правительству Грузии с просьбой быть похороненным на родной земле, но ему было отказано.

Таким образом, до сегодняшнего дня не все Бараташвили имеют возможность жить и умереть на своей родине.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МАТЕРИ

Маму звали Гюлендем. Ее девичья фамилия - Атадзе. Фамилия эта знатного происхождения и корнями уходит во времена царствования Тамар.

В то время у царицы служил один военачальник - выходец из села Джакисмани. Этот джакисманец был преданным и храбрым воином. Под его руководством была одержана не одна победа. Царица щедро наградила его: пожаловала ему два крупных поселения - Поцхови и Кваблиани. Кроме этого, джакисманец был удостоен высшей милости - был назначен воспитателем царского сына Лаши. Воспитателям царских детей в то время присваивался титул "атабек", который давал большую власть и богатство. Вся семья и род военачальника получили в XIII веке фамилию Атабеков (впоследствии - Атадзе) и высокое положение при дворе.

После завоевания Месхети Турцией Атабеки приняли мусульманство, выстроили в своих селах мечети, и вокруг них было выделено место под кладбище.

До XIX века они безраздельно владели Поцхови и Кваблиани, этим щедрым подарком царицы. Последней резиденцией Атабеков было село Харджами, где последний отпрыск Атабеков Сарвар-бек, сосредоточив все богатства в своих руках, безжалостно разорил родственников. В предварительном свадебном договоре за мамой давали несколько мельниц и одну гору с полезными ископаемыми. Но к моменту свадьбы семья была разорена, и мама выходила замуж практически нищей. Мой дед Искандер уже в доме невесты почуял неладное и стал требовать векселя. Невеста сидела на лошади ни жива ни мертва. Дед схватил поводья, не давая ей трогаться. Только благодаря бабушкиному красноречию удалось передать невесту в руки жениха.

"Единственным богатством из приданого мамы, - рассказывает мне Нафия-биби⁴⁴, - были длинные, в 4 нити махмудии". И поясняет: "Махмудия - это золотая монета с изображением султана Махмуда".

Когда мама надевала их, мы не отрывали глаз от украшения и восхищенно слушали нежное позвякивание золотых монет. Часть этого золота пошла на обучение дяди Маликишаха в гимназии, а часть бесследно пропала. Правда, несколько монет я случайно увидела у соседней, ведь мы знали наизусть каждую монетку. Тогда я, помню, закричала: “Это махмудии нашей мамы!..” Но я была ребенком, мне никто не поверил.

Когда мама умирала - в три дня угасла женщина! - я сидела рядом, держа ее за руку.

- А от чего она умерла? - спрашиваю я.

- От легкого воспаления, - отвечает биби.

- От воспаления легких? - уточняю я.

- Да, от него, - кивает биби в задумчивости. Улыбка трогает ее губы.

- Красавица была наша мама. А трудолюбивая... В руках у нее все так и горело. Представь, за одну ночь мама могла расчесать шерсть, спрясть нитки и связать из них пару носков.

Биби умолкает, думает о чем-то. Потом продолжает:

- Святая женщина была наша мама. Когда ее оплакивали, у изголовья вдруг появилась птичка, и хвостик у нее такой - веером. Она неподвижно стояла, потом спрыгнула на пол и не торопясь направилась к выходу. Прошла через все раскрытые двери, спрыгнула со ступенек, вспорхнула на корову, перепрыгнула на лошадь и исчезла на глазах у всех.

- Что это могло означать? - спрашиваю я.

- То, что я и говорю - святая была женщина. Это душа ее была. Благословила дом и вознеслась на небо.

- А как папа перенес ее смерть? - спрашиваю я.

- О-о-о..., сколько я живу на свете - не видела, чтобы мужчина так убивался. Твой отец в Потти тогда жил с Зиной. Телеграмма его не застала - он ездил по районам с проверкой. Когда поздно ночью вернулся, включил настольную лампу, а под ней - три телеграммы. Одна: “Приезжай, мама заболела”, вторая: “Срочно приезжай” и третья - “Мама умерла”.

В ту же ночь отец вышел в дорогу и только к вечеру был дома. Когда я увидела его лицо, испугалась - так оно было перекошено.

Маму уже похоронили. Отец твой как закричит: “Аба-джан⁴⁵, вай, аба-джан!..” и как бросится с размаху на камень прямо грудью... Ревел, как раненый бык: “Нет, пойду, разрою могилу матери - почему без меня похоронили...” Народ окружил его, стали уговаривать - туда-сюда, нельзя, мол, так мужчине убиваться..., а он: “Аба-джан, почему я не умер вместо тебя! Пустите меня к ней...”

Биби опять умоляет.

- И правда, как аба любила твоего отца, так ни одна мать свое дитя не любила. Она и нас всех любила. Но не так. Когда отец твой был ребенком, дед Искандер высек его розгами. Длинная это история...

Началось с того, что отец твой семилетним мальчишкой удрал в Поцхови. А удрал он потому, что до нас дошли слухи, будто нашего отца засадили там в тюрьму. Но и на правах старшего, а ему было всего лишь семь лет, мой брат пошел спасать отца. Никому слова не сказал. Засунул за пазуху теплую лепешку мчади - для отца, и был таков. Его хватились к вечеру. Нет нигде. Дядья наши снарядились и отправились искать его. Дед Искандер крутой был мужчина, сказал: “Если этот паршивец найдется, клянусь, высеку его розгами!”

Отец твой разыскал в Поцхови тюрьму, вынул из-за пазухи мчади и стал звать отца. Кричал, кричал, слышит - ему отвечают: “Нет такого, похоже, его выпустили”. Короче, оба они встретились у нашей бабки, в Поцхови. Ну, дядья-то знали, что отца твоего ждет порка. Отец твой сказал: “Сбегу”. Дядья стали уговаривать племянника: уважь деда, если он тебя не высечет, его клятва повиснет в воздухе. Пришлось покориться.

Но что было с мамой... Она бросилась в ноги деду - своему свекру, когда же дверь заперли, стала биться в нее, рвала волосы на себе, чтобы только не трогали ее первенца. Но дед был неумолим. И что же ты думаешь? Аба до самой смерти не разговаривала с дедом - не могла простить той порки.

А когда твой отец в Турции учился, аба вынимала из сундука его вещи, прижимала к лицу, дыша ими: “Латифшахом пахнет...”

45. Аба - так месхи называют свою мать. Аба-джан - мамочка.

- А где ее похоронили? - спрашиваю я.

- Аба всегда говорила: хоть бы меня похоронили так, чтобы в изголовье протекал ручей или просто рядом с водой. Так ее и похоронили на нашем кладбище, у ручья.

Я слушаю Нафию-биби, поглядывая, как крутится кассета магнитофона, записывающего весь этот рассказ.

Потом я прослушиваю запись, вслушиваясь в тетин голос, который в конце рассказа от усталости отдает хрипотцой.

Много говорит тетя о красоте бабушки. Да этого она могла бы и не говорить, ее собственная красота тому подтверждение.

Папа похож на дедушку. Только, сравнивая фотографии, видишь, что жесткие черты смягчены, а вместо твердого, как у дедушки, взгляда большие глубокие глаза папы светятся задумчивостью и благородством, унаследованным от матери.

- А с каким достоинством аба всегда держалась! - продолжает биби. - Фамилия Атадзе обязывала ее гордиться своим происхождением. Это происхождение было завоевано ее предками. И не подострастием, а оружием в руках на поле битвы за родную Грузию. И мы всегда помним, что кроме того, что мы Бараташвили, в нас течет и кровь славных Атабеков.

Я слушаю и думаю. Думаю о том, что и мне всегда надо помнить об этом.

ПУТЬ НА ВОСТОК

Теперь маршрут был относительно известен. Сначала Дербент, затем Махачкала, далее будут Грозный, Астрахань, а там... там будет видно.

Дербент запомнился тем, что на станции стояли изуродованные эшелоны. У нас как раз кончились дрова, и мы, вскочив на платформу, начали выламывать двери одного из вагонов. Не успели мы втащить дверной щит в вагон, как состав двинулся. Мы, возбужденные удачей, разожгли нашу ветхую жестяную печь и долго радовались теплу.

В Махачкале я вышел, огляделся и стал пробираться по путям, не выпуская из виду свой состав. Вскоре я вышел к обширному зданию с надписью “Рыбзавод”. Вошел в темный двор, походил. Никого не было, повернул назад, и тут меня окликнули. Подошло несколько человек. Я вежливо поздоровался, чуть прислушиваясь к паровозным гудкам.

Меня стали спрашивать, кто я, откуда и сколько нас едет.

- Э-эх.. - сказал один из них, - не вы первые. Крымских татар прогнали еще в июле. Там так убивалась одна девушка, - продолжал старик. - До сих пор перед глазами стоит - косы до пят, а глаза как звездочки. Она набирала воду из водокачки и вдруг как закричит в голос: “Вай, мама, вай, мама!” И как начнет биться головой об железку...

Все вокруг сочувственно зацокали. У меня сжалось сердце - не мы первые... А последние ли?

Я стал прощаться. Мне пожали руку и стали совать что-то в карман. Придя в вагон, я, к большой радости всех наших, вытащил несколько банок с рыбными консервами.

Теперь мы ехали по новой железной дороге по направлению к Астрахани.

В Астрахани нам выдали еду - кашу в цинковых ведрах со свиным салом и хлеб. Я получил продукцию на весь вагон. Махбула помогала мне перетаскивать цинковые ведра с кашей, резала хлеб. Она оживилась, путешествие казалось ей веселой прогулкой, где все было интересным и никто ее не обижал.

Вдруг Махбула исчезла с пустым ведром. Я пошел искать ее. Девочка стояла у локомотива и набирала в ведро отработанную

паровозом воду. Возле струи с паром столпились женщины и торопливо набирали перемешанную с маслом горячую воду. Машинист с перекошенным лицом кричал сверху: “Нельзя, нельзя, уходите!” Женщины виновато улыбались, но не уходили.

Кстати, печь наша расползлась на глазах, и мы со страхом думали, что же с нами будет без тепла. Как-то на очередной стоянке я увидел товарняк - платформы, груженные жестью. Я стоял, смотрел и вдруг услышал рядом: “Дали бы мне хоть один лист, такую бы я печь соорудил...” Я оглянулся: это был Бинали из соседнего вагона. “А если два листа?” - спросил я. “Тогда две печки”, - последовал ответ. И не сговариваясь, мы перебрались через пути. Я влез на платформу, стащил один лист, и тот с грохотом упал на рельсы. Где-то пронзительно засвистели. Обламывая ногти, я потащил второй лист. Он накрыл меня с головой и, не удержавшись, я упал вместе с ним. Свистели уже совсем близко. Мы бежали, волоча грохочущие листы. На счастье, наш состав дернулся, и мы на ходу, впихивая листы, прыгнули в вагон.

Ноги противно дрожали, пальцы с обломанными ногтями кровоточили. С досады я бросился на топчан и ударил по стенке кулаком. Неужели я докатился до воровства?

На другой день огонь весело гудел в новой печи.

А жизнь шла своим чередом. Мы жили в своем вагончике, готовили еду, рассказывали разные истории. Я начертил карту и отмечал на ней передвижение нашего состава. О каждом городе, который мы проезжали, подробно рассказывал, показывая его на самодельной карте. Старушки внимательно слушали меня. Одна из них спросила: “Ты, случайно, не пророк? Тебя что ни спроси, все знаешь”.

У молодой женщины внизу родилась девочка. Ее единодушно назвали Фиргат⁴⁶.

Почти на каждой стоянке выносили умерших, завернутых в саваны. Завывал ветер. Люди торопливо закапывали трупы в снег и догоняли уходящий состав.

И еще одно несчастье постигло нас: мы все разом завшивели. Как-то утром я посмотрел вниз и содрогнулся. Черная шаль, по-

46. Фиргат - разлука (араб.)

крывающая старуху, вдруг стала серой и страшно колыхалась. Я пригляделся - по платку серой массой ползли вши.

Я сел и стал соображать. Это уже надолго. Но уменьшить эту опасность все же надо было.

Я велел всем раздеться и не вылезать из постели. Потом собрал всю одежду и, связав в узел, выбросил на веревке в окошко. Огромный узел висел на 25 градусном морозе за окном целый день. Вечером мы дружно вытряхивали из одереженевшей связки замороженных вшей.

Также поступили и с постелью.

Ташкента мы достигли на 22-й день, то есть 9 декабря. Все это время я был оторван от мира. Как шли дела на фронте - вот основное, что меня беспокоило. И хотя на остановках я напряженно вслушивался в хриплый голос, идущий из репродукторов, ясности для меня не было.

В Ташкенте поезд должен был стоять полчаса. Я выскочил - может, найду газеты. За мной увязалась Нафия - она была беременна, а за ней Шуша, дочка Абуладзе.

Газет не было, зато рядом со станцией оказался громадный восточный базар. У нас еще было время и, перепрыгивая через пути, мы устремились туда. Базар ошеломил нас. Гроздьями висел осенний виноград, черными горками рассыпался на прилавках кишмиш, лакированно блестели столбики свежеиспеченных лепешек, и в горле запершило от запаха жареного на углях мяса...

Над одним прилавком висел кусок чего-то янтарного, сплетенного жгутами. Я неуверенно тронул один из них. Хозяин с готовностью оторвал липкий кусочек, дал попробовать. Приятная сладость обожгла язык. "Что это?" - удивился я. "Сушеная дыня, - отозвался узбек, - купи, не пожалеешь!" "Слава богу! - подумал я. - Народ не умрет с голоду при таком изобилии".

А вокруг все носилось, гремело, кричало. Верблюды лежали рядами вдоль прилавков и равнодушно жевали, поводя глазами. Было холодно и хотелось зарыться в верблюжьи горбы.

Под ногами, в отрепьях сидела нищенка с протянутой рукой и, раскачиваясь из стороны в сторону, что-то говорила. Я прислушался и неожиданно уловил рифму в ее напевах. "Поистине это чудесная страна, если и нищие здесь - поэты," - подумал я.

В кармане у меня была мелочь и, купив два кулечка черного кишмиша, я поторопил женщин. Мы вышли на перрон. Наш поезд вдруг тронулся. Его еще можно было догнать, но для беременной Нафии это было бы опасно. Поезд на глазах медленно удалялся. Мы оставались в чужом городе без верхней одежды, без денег, без документов. Только во внутреннем кармане у меня лежал партбилет. Женщины заголосили. Я прикрикнул на них и огляделся.

По перрону прохаживался милиционер. Я подошел к нему, объяснил ситуацию и попросил совета. Он молча указал мне на дверь с надписью “Политотдел”. Я вошел. За массивным столом сидел человек в военном френче, склонив голову так, что мне был виден только его бритый затылок. Справа на столе стояла причудливо расписанная пиала с жидкостью на доньшке. Над столом висел парадный портрет Сталина. Я поморщился: если бы Сталин знал, сколько написано его бездарных портретов, он наверняка потребовал бы уничтожить половину из них...

Я вежливо поздоровался. Затылок не шелохнулся. Я начал говорить: по заданию партии нас выселяют из Грузии. Я и двое женщин отстали от поезда, одна из них беременная, хорошо, если вы поможете...

Затылок стал медленно подниматься и на меня уставились две узенькие щелочки глаз - все остальное лицо выражало откровенную брезгливость.

“Что? - переспросил он с сильным акцентом неожиданно тонким голосом. - Партия вас высылает, а вы чем занимаетесь?” “Чем?” - спросил я, с трудом понимая его русскую речь и видя, как он разглядывает мою потрепанную одежду. “Провокация! - кричал френч. - Вы специально отстали, чтобы сорвать планы партии!”

Он грузно поднялся. Я слышал все менее понятную речь, переводя взгляд с френча на нарядную пиалу, которая стала вдруг совсем крошечной, и было непонятно, как она попала на этот стол.

Мне надоело слушать. Я остановил его рукой, неожиданно для себя грубо выматерился и, не ожидая реакции, быстро вышел.

Меня могли схватить каждую минуту, поэтому я решительно направился к милиционеру. Задыхаясь от волнения, я сказал, что начальник политотдела велел передать, чтобы вы посадили нас на поезд, стоящий на (я оглянулся) первой платформе. Если вы мне не верите, - добавил я, - можете сами спросить, но поезд в это время может уйти.

Милиционер устало кивнул и повел нас к поезду. Обменявшись с проводником несколькими словами (я силясь разобрать узбекскую речь, но кроме слов “поезд”, “станция” ничего не понял), он подсадил нас. К счастью, поезд тут же тронулся. Я озираясь, но перрон был по-прежнему пуст. Милиционер помахал нам, а я неотрывно смотрел на него и лишь благодарно улыбался.

Поезд шел на Красноводск⁴⁷. Люди в вагоне сидели, стояли, висели и, показывая на нас пальцами, оживленно галдели: серая масса вшей ползала по нашей одежде. Женщины жались ко мне, со страхом разглядывая незнакомых людей: стариков в тюрбанах и ватных халатах с задубевшими коричневыми лицами, женщин, у которых на лице была черная непроницаемая сетка из конского волоса. Но и сквозь нее угадывались любопытные насурьмленные глаза. Пестрые шаровары оканчивались бахромой, а из-под расшитых тюбетеек черными змейками маслянисто извивались полсотни косичек, издавая металлический звон - в косички были вплетены серебряные монетки.

Вдруг я заметил, что в нашу сторону пробирается высокий плечистый капитан. Я весь напрягся. Галдеж вокруг нас усилился - похоже, что жаловались на нас.

“Кто такие?” - несколько свысока спросил он по-русски. По акценту я понял, что он армянин. Я наскоро все объяснил. Он скептически выслушал меня, потом перебил: “Да не врите вы! Я только что отвез эшелон таких же и знаю ваше настроение. Скажите, что намеренно отстали от поезда”. Я вспыхнул: “Молодой человек! - и, взяв себя в руки, медленно сказал: - Я член партии и педагог. Таких, как вы, через мои руки прошли сотни, и прежде всего я старался прививать им уважение к старшим”. С этими

47. Красноводск - город в Туркмении, на восточном побережье Каспийского моря. Ныне Туркменбаши.

словами я вынул партбилет и резко протянул молодому капитану. Рука у меня дрожала.

Капитан как будто был сконфужен. Он изучил мой партбилет, стряхивая с него вшей, затем извинился и, потеснив сидящих, посадил моих женщин. Нафия меланхолично грызла кишмиш, Шуша дергала меня за рукав и шепотом спрашивала: “Что он сказал? Он нас не высадит?”

Мы разговорились с капитаном. “И все-таки я не понимаю, - сказал он, - почему вас высылают?”

“Политика партии, - односложно ответил я, - значит, так надо”.

Через некоторое время в вагоне появились контролеры. Перешагивая через мешки и людей, они смешно задирали ноги в глянцевого галошах с загнутыми носками. На вопрос о билетах мы промолчали. Контролеры закричали разом, размахивая руками, но вмешался капитан и они утихли.

На станции Красногвардейская мы сошли, поскольку еще в Казахстане я узнал, что это конечный пункт, где нас должны были высадить.

Туда мы приехали раньше нашего состава - днем. Я знал, что, наверняка, придется заночевать здесь, поэтому обошел все вокруг. Рядом стоял опустевший клуб. Я подумал: кому он нужен на станции, и влез в окно. Двери были крепкие, двустворчатые. Мы забрались в помещение, дрожа от холода. Было 13 декабря 1944 года, снег лежал по колени, дул холодный, пронизывающий ветер.

К вечеру мы встречали свой состав. Нас считали уже пропавшими как многих, отставших по дороге.

Запылали костры, туда полетели ветки сухих акаций, обрубки бревен, даже двери с петель. Я ходил между кострами, вглядываясь в лица, освещенные огнем, под ногами хлюпал растаявший снег. У меня на глазах стали взламывать какой-то подвал и торопливо выносить оттуда свеклу. Дети жадно хватили грязные клубни, вгрызались в гнилую мякоть. Через минуту лица детей были изукрашены грязно-малиновыми полосами. Я нерешительно сказал: “Женщины! Это же грабеж народного добра! Ведь Советская власть...” - и осекся под ненавидящими взглядами

женщин. Потом подумал: причем здесь Советская власть, и начал помогать вытаскивать корзины со свеклой.

Утром приехали представители колхозов и совхозов, начался оживленный торг - кого куда. Дошла очередь и до меня. Списки составлял хилый еврей в очках. Я сказал, что я учитель. Еврей устало посмотрел на меня: "Нам нужны не учителя, а рабочая сила". "Я все умею делать", - торопливо сказал я. Меня с семейством записали в совхоз Янгиарык. Только к вечеру мы погрузились на скрипучие арбы и вскоре были в совхозе. Он оказался наполовину опустевшим. Нам выделили разрушенный дом, куда мы втащили свои узлы и двери, снятые с петель в станционном клубе. Года три потом они служили нам кроватью.

Первым делом мы разожгли нашу вагонную печь и уселись вокруг нее. Вода в чайнике закипела. Горела коптилка, язычок ее уклонялся от сквозняка то вправо, то влево. Снег за окном шел не переставая. Все ели молча. Греть руки о кружку, я думал о том, что ждет нас впереди. Где отец? Жив ли Баттал? Что будет с Зиной? Что будет с людьми, рассеянными по чужой земле? И вообще, как жить дальше?

* * *

Наутро по снегу, доходящему мне до пояса, я направился к акациям и решительно стал рубить их. Я понимал, что это варварство. "Но если я не сделаю это, мы замерзнем", - возразил я себе, с силой всаживая наждак в черный ствол.

Надо было как-то устраиваться. Мы собрали камни, кирпичи из разрушенных домов, и я начал выкладывать печь. Никогда в жизни ничего подобного я не делал - работал вслепую. Приходили узбеки, цокали, простодушно спрашивали: "Кяпкяз - усто?" ("Кавказец - мастер?"). Я кивал: "Да, усто, еще какой!" Меня начали приглашать в дома. Постепенно я научился класть печи, тем более что за работу хорошо платили: за одну печь давали пуд пшеницы. А дороговизна в тот год была ужасная: буханка хлеба на базаре стоила сто рублей, а в семье кроме меня никто не работал.

Я перебиваю папу:

- А где же ты работал?

- Сначала нигде, - отвечает папа, - потом получил разрешение съездить в райком партии, чтобы встать на учет. Зашел к первому секретарю, представился, попросил помочь с работой. Он же, не слушая, направил к третьему секретарю. Там я был напористой - сказал, что я от первого секретаря и что тот велел подыскать мне работу. Так я был направлен в районный отдел народного образования. Заведующей районо оказалась Арутюнова Евгения Абрамовна - карабахская армянка, а муж ее был азербайджанцем, тоже из Карабаха - Халилов Мухтар Аббасович. Эти чужие люди стали потом для меня очень близкими и дорогими, сколько участия они проявили ко мне. Кстати, и вы выросли у них на глазах. Сколько хорошего связано у меня с этими людьми, сколько вместе пережито, преодолено, а сколько было застолий, душевных бесед ночи напролет... - папа улыбается, качает головой, - всего не рассказать.

Меня назначили инспектором районо. Так началась моя тяжелая работа. В моем ведении оказалось шестьдесят две школы. Я пешком отправлялся в кишлаки, преодолевая многие километры. Иногда мне предлагали ехать на ишаках - они всегда были серыми от пыли; иногда подворачивалась машина, но в основном весь Булунгурский район исхожен мной пешком до последнего кишлака.

Потом, в 1947 году пришло сообщение о смерти Зины - я уже рассказывал об этом. Таким образом, в 40 лет я остался вдовцом и без детей. Нужно было как-то подумать о своем будущем.

Жили мы по-прежнему в заброшенном доме совхоза Янгиарык. Все мы состояли на учете и без разрешения комендатуры не могли никуда выезжать. Я был главой семьи из десяти человек. Отец нашел нас в Янгиарыке через полгода. Баттал добрался до нас только в 1946 году. При высылке мы потеряли его жену с трехлетней дочкой, позже мы узнали, что они умерли от голода в Казахстане.

Сначала мы все надеялись, что наш вопрос вот-вот положительно разрешится, и мы, наконец, вернемся на свою родину.

После 1946 года люди поняли, что надежд мало и начали обжигаться. Глядя на других, я тоже начал строиться. К тому времени я женился, и нам разрешили строить дом в районном центре, Бунлунгуре, где позже родились трое моих детей.

* * *

Знойным летом 1948 года мы строили дом. Но прежде нам пришлось отформовать не меньше 1000 глиняных кирпичей. Фахреддин с отцом мешали раствор. Баттал подавал его, а мы с женой Раисой клали кирпичи.

Стало припекать. Подоспело время обеда. Мы умылись, поливая друг-другу, и уселись за наспех сколоченный стол.

В это время во дворе появился Халил Умаров⁴⁸ - мой давнишний друг. Мы обрадовались гостю, пригласили его к столу. Для этого пыльного места он был изысканно одет и держал в руках большой портфель.

- Я услышал, что вы начали строиться, приехал разузнать, - сказал он, присаживаясь. - У нас тоже начали оседать, да и мы построили домик.

Немного поговорили о строительстве. Тогда Халил учился в Самаркандском университете на историческом факультете. Я спросил, как у него дела с учебой. Поговорив, мы пришли к выводу, что при нынешнем нашем положении людям прежде всего нужно учиться.

Прижимая руки к груди, Халил горячо говорил, что гордится тем, что является сыном своего народа-страдальца.

- Нет, вы только посмотрите! - восклицал он. - Люди умирают в тяжелом климате, от голода, но ведь ни одна женщина не ступила на путь проституции, ни одного вора нет среди нас, ни одна рука не протянута для подаяния! Поистине стоический народ!

Я улыбнулся его пафосу, а про себя подумал: "А ведь действительно, стоический народ!"

Жара стала спадать, мы приступили к работе. Халил стянул с

48. Халил Умаров (Гозалишвили) - один из лидеров движения мещов-мусульман за справедливость.

себя рубаху и начал помогать нам. В сумерках мы закончили работу, смыли с себя пыль и глину и направились домой, в совхоз, который находился в трех километрах от строящегося дома. Оказалось, у нас были гости - Поладов Мансур, Рамизов Закария, Абуладзе Шахбаз и двоюродный дядя Шахри.

В комнатах было душно, мы расположились во дворе, под деревьями. Сварили хинкали. Мы поужинали, гости похвалили молодую невестку за вкусный ужин. Было так хорошо, что расходиться не хотелось.

Раиса принесла керосиновую лампу.

Мы говорили о судьбе наших соплеменников, о том, что с нами сделали и что нас ждет. К тому времени мы уже знали, что наша высылка была осуществлена Сталиным. Легко представить, как народ проклял все, что было связано с его именем.

До прибытия к нам Закария побывал в районах Пайарык, Иштыхан и Каттакурган.

- Вы знаете, - сказал он, - в марте во все наши районы прибыла бригада офицеров НКВД. Всех нас заставили заполнить анкету, в которых каждому из нас была присвоена национальность "турок".

Баттал вмешался в разговор:

- Эта операция прошла и в наших районах. У Латифшаха в паспорте записано "азербайджанец", у меня - "турок", а брата Фахреддина по причине, известной только им, записали грузином. Кроме того в анкетах было написано: "В Среднюю Азию приехал добровольно, на вечное поселение". Анкету завершала личная подпись.

Дядя Шахри прикурил от лампы, затаился, потом спросил:

- Как ты думаешь, Латифшах, для чего им нужны эти анкеты?

Тогда этот вопрос оставался для нас без ответа. Все 365 дней в году коменданты и бригадиры обращались с нами как с врагами. Мы вынуждены были мириться с арестами, с КПЗ, со взятками. На наши жалобы никто не реагировал.

При снятии со спецучета в 1956 году каждый из нас должен был расписаться на двух бланках. На одном из них говорилось, что он освобождается от режима спецпоселения, а на другом - что он имеет право передвижения и жительства на всей терри-

тории Советского Союза, за исключением старого места жительства, и что он отказывается от всего имущества, которое оставил при выселении.

1948-1949 учебном году всех “переселенцев”, имеющих отношение к педагогической работе, отстранили от дел. Баттал в то время работал директором средней школы села Нибуса. Его не только уволили, комендант даже запретил ему выезжать в Самарканд для поступления в университет (до войны Баттал закончил только педтехникум). Именно тогда у него родился сын Искандер. Жена его, Рамзия, разжигая огонь в камине, упала в него в эпилептическом припадке. Рамзию спасти не удалось. Искандера мы вырастили общими усилиями.

* * *

И я познал радость отцовства - в 1948 году у меня родилась дочь Тамара.

Как-то поздно вечером, возвращаясь домой, я подошел к окнам и вдруг услышал сонное хныканье своего ребенка. Я остановился как вкопанный, потому что как-то пронзительно почувствовал: ведь это плачет не просто ребенок, а МОЙ ребенок, моя кровь и плоть. Это чувство так потрясло меня тогда, что я неожиданно заплакал. Я стоял и плакал в темноте под окнами. Слезы эти были радостными, они омывали душу и давали надежду на избавление от одиночества.

Жизнь тем временем шла своим чередом, я работал инспектором районо. У меня уже была большая семья: две дочки и сын. Были дом, сад, огород, скотина. Приходилось много работать по хозяйству. Кроме того, каждый год мы делали из винограда свое вино, которое требовало много хлопот: нужно было приготовить бочки, завезти виноград, потом несколько дней давить его в огромных чанах, не пропустить окончание брожения, многократно переливать его из бочек в бочки, добиваясь прозрачности.

В общем, дел хватало. Но кроме всего этого я работал над этнографическим материалом. Работа моя началась давно, еще до войны. Об этом я еще не упоминал.

В 1941 году на весенних каникулах (тогда я работал в школе) я приехал в районный центр Ахалцихе посмотреть краеведческий музей. Я давно хотел заняться изучением своего края, его исторического прошлого, но не знал, как подступиться к такой работе.

Расхаживая по пустынным залам музея, увидел девушку, которая рассматривала стенды. Она заговорила со мной и почему-то просияла, услышав мою фамилию. Ее звали Марика. Она сказала, что ее отец - директор музея и вызвалась показать мне музей, успевая на ходу сообщать всякие подробности. В частности, она сообщила, что в музее второй день работает профессор Георгий Спиридонович Читая. Я подумал: вот бы с кем посоветоваться о своем желании поработать. Георгий Читая уже тогда считался отцом грузинской этнографии. Марика, как бы угадав мое желание, предложила: "Хочешь, познакомлю тебя с ним?" Я с радостью согласился, недоумевая о причинах такого дружеского ко мне отношения незнакомой девушки. Причину я узнал позже: фамилия Марики тоже оказалась Бараташвили, предки ее в XVIII веке бежали от насильственной мусульманизации в Западную Грузию. Наше знакомство продолжалось многие годы. Сейчас (1984г.) Марика работает редактором журнала "Сакартвелос кали" ("Женщина Грузии"), пишет прекрасные стихи.

Марика привела меня в кабинет отца. За столом сидел сухощавый человек, который внимательно посмотрел на нас. Марика сказала: "Это Бараташвили, учитель истории из Уде". Профессор встал - он оказался чуть выше среднего роста, протянул руку: "Читая Георгий Спиридонович". Я смутился, но совладав с волнением, стал говорить, что меня давно интересует этнография, что я хотел бы написать историю моего родного села Уде, но не знаю, с чего начать. Читая оживился: "Давно нужно было связаться со мной", - и принялся подробно и увлеченно рассказывать об истории Грузии, потом прервал себя, сел, стал что-то набрасывать на листке. Протянул мне: "Здесь тридцать шесть вопросов, касающихся истории, языка, фамилии, быта, фольклора. Если вы сможете дать ответы на них, считайте, что написали историю Уде".

Я был взволнован встречей. Приехав домой, немедленно взялся за дело. Сначала подключил к работе своих учеников. Восьмой, девятый, десятый классы получили в качестве домашнего задания поручения собрать сведения у своих отцов, матерей, дедушек, бабушек все, что касалось их семей, фамилии, фольклора и т.д. Это так заинтересовало односельчан, что школа стала местом паломничества всех желающих поделиться своими познаниями. Работало все село. Я только успевал корректировать записи и с небольшой группой ребят систематизировал их. Мы работали до 1944 года, вплоть до высылки. К тому времени были составлены генеалогии почти всех фамилий моих односельчан, был собран этнографический материал. При высылке весь этот материал я взял с собой. До 1955 года он был обработан и систематизирован. Я написал письмо Г. Читая в АН Грузии. На все 36 вопросов даны ответы, писал я, что делать дальше? Вскоре я получил письмо от профессора:

“Дорогой брат Латифшах!

С братской любовью вопрошаю о Вашем самочувствии, желаю здоровья и счастливой жизни. Если пожелаете узнать о нас, то мы живы-здоровы. По мере сил мы помогаем нашему общему делу, боремся за лучшее нашей родины. Посланное Вами письмо мы получили, очень обрадовались. Во-первых, потому, что Вы живы-здоровы. А во-вторых тому, что начатое в Грузии дело вы не забросили, а даже завершили. Я уверен, что работа, выполненная с таким вниманием, будет интересна и обязательно полезна нашей науке. Думаю, если свою работу Вы пришлете или привезете, то мы ее издадим или в какой-нибудь редакции или в нашем издательстве “Наука”. Но я бы желал, чтобы материал был достоверным и основывался на документальных фактах.

Недавно был организован Вардзийский музей-заповедник, он, в первую очередь, изучает памятники материальной культуры. Ахалцихский краеведческий музей по-прежнему не занимается сбором и изучением этнографических материалов. В свете этого Ваш труд приобретает большое значение. От души желаю Вам здоровья. Пишите о Вашей работе, о том, к какому Вы пришли решению и в каком Вы состоянии.

С глубоким уважением ваш брат Георгий Читая.
2 октября 1955 года”.

Я очень обрадовался письму. Разумеется, Читая знал о нашей высылке, и то, что он ответил, говорило о его позиции, по крайней мере о том, что он не отказался от нашего знакомства.

К тому времени я был без работы. Шла очередная “чистка” педагогического аппарата, и я попал в число ненадежных элементов. В районе обнаружили, что вместо диплома у меня была расписка Адигенского района Грузии о том, что мой диплом находится там. Я понял, что без диплома мне нельзя и решил добиваться разрешения выехать в Тбилиси. Заодно повидая профессора, думал я, покажу ему работу.

ГОДЫ БОРЬБЫ

После смерти Сталина мы вздохнули свободно. XX съезд партии стал для нас откровением. Каждый день мы ждали известий о нашей судьбе. Но известий не было.

В Узбекистане у нас сложилась ячейка из коммунистов - Байрахтаров Мовлюд, Поладов Мансур, Рамизов Закария и я.

Как-то мы сидели у нас за ужином. Шло обычное застолье с тостами, шутками, смехом. Когда мы остались вчетвером, Мансур осторожно заговорил: “Вот уже двенадцать лет, как нас выслали. Сколько было амнистий. Сталин умер. XX съезд прошел. А о нас ничего”. Он помолчал. Потом сказал: “Я считаю, надо будить всех наших”. Мы составили список предполагаемых активистов Самаркандской области. Набралось 12 человек. Мы распределили их по трое на каждого из нас. Решили встретиться с каждым своим подопечным, провести разъяснительную работу.

Мовлюд посетовал на то, что при высылке у него пропали документы, в том числе и диплом об окончании двухлетнего учительского института.

Тут я сказал: “На днях я еду в Тбилиси. Даю тебе слово, я привезу дубликат твоего диплома. Но и ты поклянись, что будешь с нами до конца, до полного освобождения месхов”. Мовлюд поклялся, мы тоже дали клятву и разошлись только под утро.

* * *

Я добился разрешения и 12 марта 1956 года был в Тбилиси. Устроившись в гостинице, я тут же пошел осматривать город.

День выдался дождливый. Город казался мне неприветливым. Многие в нем изменилось, но и многое осталось прежним. Я с радостью узнавал улицы, дома, горбатые переулки.

В первый же день я встретился со своим давним другом Петре Туманишвили, философом по образованию. Мы вышли на проспект Руставели. Будучи всегда многолюдным и нарядным, сейчас он поразил меня своим траурным видом. Народу было мало, да и редкие прохожие обходили друг друга стороной.

Петре сказал:

- После смерти Сталина нам стало плохо жить.

- Да ты никак правый уклонист! - воскликнул я.

- Хоть ты и Бараташвили, - усмехнулся он, - а что творится в Грузии - не знаешь.

И рассказал о трагических днях со 2 по 9 марта, когда траурные митинги в Тбилиси в годовщину смерти Сталина превратились в антиправительственное выступление, которое было жестоко подавлено. Петре указал на площадь перед центральным телеграфом, где, по его словам, ночью 9 марта пролилась кровь 1500 человек.

13 марта холодным, сырым утром я отправился в университет. Я вошел в здание университета и стал разыскивать ректора. Мне указали на человека, идущего по коридору. Я пошел за ним и, когда тот вошел в кабинет, ринулся туда.

Не предлагая сесть, он отрывисто спросил:

- Что вам нужно?

- Я скажу, - ответил я, - только присяду. Я Бараташвили из Узбекистана...

- Не хватало еще, чтобы Бараташвили были узбеками! - оборвал меня ректор.

- Нет, батано, вы меня не так поняли, - как можно мягче сказал я. - Моя фамилия Бараташвили, я приехал из Узбекистана, - и стал излагать свое дело.

Ректор хмуро выслушал меня, потом молча наложил резолюцию на мое заявление: "Проверить личное дело бывшего студента Бараташвили Л. М. и выдать ему диплом".

В этот же день я получил и диплом Мовлюда. Я вздохнул: основное дело было сделано.

Конечно же, я захватил с собой все этнографические материалы и побывал в Академии Наук. Встретился с профессором Г. Читая. Не без волнения отдал ему работу. Через два дня мне сообщили, что Академия Наук издаст мой труд.

Кроме того, я познакомился с доктором исторических наук Н. Рехвиашвили и профессором-тюркологом Серги Джикия, которые посоветовали мне серьезно заняться историей Месхети.

Плодотворным оказалось мое знакомство с зам. директора Исторического музея Грузии Вахтангом Джапаридзе, с преподавателем литературы университета Савле Абуладзе и Павле Хубутия (его я помню со времени учебы в ком. университете). Эти люди, настоящие интеллигенты, были серьезно озабочены судьбой месхов. Наше знакомство переросло потом в искреннюю дружбу, которая длилась многие годы. За эти годы мы порой сталкивались с такими трудностями, которые угрожали их благополучию. Они воодушевили меня на борьбу за возвращение на родину. “Вы боритесь там, а мы здесь”, - сказали они мне на прощанье тогда в 1956. И я уехал окрыленный.

В Булунгур я вернулся 20 марта. 22 марта собрал активистов из Иштыхана, Джумы, Самарканда и сообщил о том, что видел, что слышал, с кем встречался, какие сделал выводы. Актив поддержал меня и предложил расширить сферу деятельности.

На этом собрании мы обсудили несколько вопросов. Во-первых, как отнесутся люди к борьбе за возвращение? По этому поводу выступил Бахрам Гюнешев. У этого коммуниста была сложная судьба. В 1930 году он закончил партийную школу в Баку и был назначен ответственным секретарем газеты “Коммунист”, выходившей в Ахалцихе. Член партии СССР с 1930 года, в 1937 году Бахрам был объявлен “турецким агентом” и выслан в Сибирь. После смерти Сталина он был реабилитирован и в 1954 году нашел нас в Булунгуре. Там и стал жить с народом, разделяя его судьбу. Впоследствии он переехал в Хачмаз, Азербайджан, где и умер в 1975 году. Там же похоронен мой брат Баттал.

Во-вторых, необходимо потребовать от ЦК КПСС⁴⁹ и Президиума Верховного Совета СССР нашей реабилитации. Но как организовать работу? Советовались мы с разными людьми. Выяснили, что прежде всего с помощью юриста необходимо составить грамотное и юридически обоснованное обращение. Этот вопрос был для нас самым сложным. Мы пришли к выводу, что работу нужно поделить на две части: одна - организационная, другая - агитработа среди населения.

49. ЦК КПСС - Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза

30 марта к нам прибыла делегация стариков - посланцев Иштыханского и Пайарыкского районов. Люди прослышали о собрании активистов и решили узнать подробности. Через несколько часов приехала еще одна делегация из Булунгурского района. Встреча вылилась в многочасовое собрание. Старики уехали очень взволнованные.

На своем совещании актив решил отправить делегацию месхов в Москву с целью добиться приема в ЦК.

Народ должен выбрать делегатов по районам и оплатить их дорожные расходы.

Делегация в Москву была избрана в следующем составе:

- от Булунгурского района - Латифшах Бараташвили, член КПСС с 1942 года, уроженец села Уде, образование высшее, педагог.

- от Иштыханского района - Закария Рамизов, член КПСС с 1940 года, уроженец Адигенского района, образование средне-специальное, учитель.

- от Пайарыкского района - Маатдин Адамов, член КПСС с 1945 года, уроженец села Цахани, образование среднее, тракторист.

- от Сырдарьинского района - Мовлюд Байрахтаров, член КПСС с 1926 года, уроженец села Занави, образование средне-специальное, учитель.

Средства на поездку поручили собирать Хамзе Азизову и Али Шахпандарову.

Возглавить делегацию поручили мне.

В первой половине 1956 года усилилась наша пропаганда среди месхов о необходимости возвращения на родину. В августе 1956 года актив одобрил "Заявление", написанное в адрес первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. Там были такие строки: "Мы уверены, что после XX съезда вы не только не накажете нас за такое письмо, но и положительно ответите на него. С коммунистическим приветом Л. Бараташвили".

На это обращение пришел ответ из Управления делами Совета Министров Грузинской ССР. В нем говорилось о снятии с нас ограничения по спецпоселению. Но в конце было следую-

щие: “Вы имеете право избрать постоянное местожительство в любом пункте СССР, кроме Грузинской ССР. Управляющий делами Совета Министров Грузинской ССР В. Пааташвили. 26 января 1957 года⁵⁰”.

Хотя это письмо и нанесло первый удар по нашему делу, работа продолжалась. Мы объездили много колхозов области. В колхозе “Коммунизм” Сырдарьинского района в доме Биналиева Гасана собралось много людей, где я выступил с таким воодушевлением, что меня сравнили с Долорес Ибаррури⁵¹.

Месхи были расселены по трем республикам. Своей очередной задачей мы считали поднять и тех, кто проживал за пределами Самаркандской области. С этой целью я уволился с должности инспектора и устроился на работу в Ташкентской области - директором школы рабочей молодежи. Там я проработал год - с сентября 1956 года до 1 сентября 1957 года.

Вместе с активистом Хамзой Азизовым мы объездили почти все районы Ташкентской области, где жили наши люди, проводили разъяснительную работу. В самом Ташкенте было много студентов-месхов. Они горячо откликнулись на призыв действовать активно. Ребята организовали студенческий комитет, писали письма, обращения, в которых требовали реабилитации и восстановления своих законных прав.

К этому времени актив составил обращение к Н. С. Хрущеву, и мы возлагали большие надежды на этот документ, так как намеревались вручить его прямо в ЦК КПСС.

Я жил вне семьи. Работы было много, приходилось не спать ночами, по многу раз переписывать обращения, воззвания, составлять план действий в Москве, рассчитывать минимальный бюджет проезда и проживания, чтобы ни одна народная копейка не была пущена на ветер.

Было 12 часов ночи 10 июля 1957 года. Я сидел, склонившись над бумагами.

- Папа! - вдруг услышал я пронзительный голос. Я вздрогнул: это был голос семилетней Клары. Но что она здесь делает? Я вы-

50. Письмо и ответ на него хранятся в архиве Л. Бараташвили.

51. Долорес Ибаррури (1895-1989) - коммунистка, испанский революционер, пламенный оратор.

скачил из-за стола, распахнул дверь. Никого. Я стал громко звать дочку, обыскал все вокруг, облазил все кусты в темноте.

Вдруг я подумал: а не провокация ли это, чтобы сорвать поездку в Москву, тем более на днях арестованы сырдарьинские активисты. Уж не похитили ли моего ребенка? Эта мысль так ударила мне в голову, что я зашатался.

Быстро заперев дверь, в кромешной тьме я отправился в Булунгур, где жила семья. Клара мирно посапывала в своей кровати. Раиса обрадовалась мне, хотя ночной приезд встревожил всех домашних. Я шепотом рассказывал, в чем дело, и все поглядывал на спящую дочку, на ее рыжие волосы, как бы боясь, что это видение исчезнет.

“Много работаешь”, - сказали мне дома. Скорее всего, это была слуховая галлюцинация.

На поездку в Москву было собрано 20 тыс. рублей. Для полной подготовки делегации к отъезду потребовалось около года всепоглощающей работы.

* * *

21 июля 1957 года я приехал из Сырдарьи в Булунгур. Еще раз встретился с районными активистами.

К тому времени мы уже знали, что со станции Красногвардейская нам выехать не дадут. Поэтому делегация выехала окольными путями - автобусом до Каттакургана, а уже оттуда - поездом. 26 июля мы были в Баку, 28 - в Тбилиси. В тот же день мы вошли в здание ЦК КП Грузии.

Нас приняли заведующий отделом ЦК Ртвелиашвили и ответственный работник ЦК Коберидзе. Они убеждали нас в том, что вопрос возвращения на родину зависит только от ЦК КПСС.

3 августа делегация прибыла в Москву.

В Москве я до сих пор ни разу не был, и меня просто ошеломили забитые людьми вокзалы, улицы, скверы, переулки. Чуть позже, когда нам отказали во всех гостиницах, я понял, что такое столпотворение из-за того, что в Москве в эти дни проходил VI Международный фестиваль молодежи и студентов.

Впервые я увидел так много людей разных национальностей. Звучала разноязычная речь...

Мы решили остановиться в пригороде. Купили билеты на электричку, и вскоре светлый вагон мчался среди густой зелени. Солнце врывалось в окно и также внезапно исчезало, воздух был свежий, чуть влажный. Обстановка была непривычная, я очень остро воспринимал все окружающее.

В Мытищах мы довольно быстро нашли ночлег в частном доме. Хозяин Иван Михайлович оказался очень симпатичным человеком.

5 августа 1957 года мы направились прямо в ЦК КПСС. Потолкались в приемной, не зная, куда обратиться. Узнав, что мы приехали из Узбекистана, кто-то посоветовал нам обратиться к инструктору ЦК по Средней Азии. Им оказалась пожилая женщина по фамилии Веселова. Мы поразились ее неосведомленности о ситуации в Узбекистане. Она то соглашалась с нами, то растерянно повторяла: “Нет, нет...” Мы показали ей все наши документы: заявления, подписи.

К вечеру мы вышли из ЦК совершенно измочаленные, ничего толком не выяснив: нас целый день гоняли по кабинетам и длинным коридорам. Я почувствовал, что такое бюрократия.

На другой день мы опять пришли в ЦК. Из приемной я позвонил Веселовой. Она сказала, что говорила с зав. отделом ЦК КПСС по работе партийных организаций Макаровым, дала номер его телефона. Мы тут же ему позвонили. Макаров предложил перенести встречу на завтра. Нам пришлось согласиться.

Чтобы не тратить даром времени, мы решили осмотреть Москву. В тот же день я посетил библиотеку им. В. И. Ленина. Она произвела на меня сильное впечатление, хотя я и привык к большим библиотекам тбилисского университета и читальному залу республиканской библиотеки. Я подумал - какое счастье, что есть места, в которых сосредоточены непреходящие человеческие ценности.

Полдня я проработал в библиотеке. Выписал все новейшие данные о закавказских республиках, полистал подшивки старых газет. В “Правде” за 20 декабря 1945 года я наткнулся на статью

историков Джанашия и Бердзенишвили, в которой они писали об отторгнутых от Грузии южных землях, в том числе и части Месхети.

Вечером в Мытищах мы написали дополнительные заявления на имя Микояна и Фурцевой с просьбой принять нас и доложить в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР о нашем вопросе.

7 августа в 9 часов утра мы были в приемной ЦК КПСС. нас пригласили в кабинет, где находились три человека: уже знакомая нам Веселова - инструктор по Средней Азии, Тужиков - инструктор по Грузии (оказалось, что он был в курсе всех событий) и Макаров - зав. отделом ЦК КПСС по работе партийных организаций.

Мы уселись за длинный стол на мягкие стулья. Чуть слышно жужжал вентилятор. Макаров включил магнитофон (тогда я увидел магнитофон впервые) и сказал: "Начнем, товарищи!"

Обращаясь к нам, Макаров мягко произнес: "Мы вас слушаем". Волнуясь, я начал: "Говорить можно обо всем и много. Вот краткое изложение нашего вопроса", - и протянул заготовленное обращение на имя Хрущева. Макаров пробежал глазами написанное. "Товарища Хрущева в данный момент в Москве нет". Мы переглянулись - какая досада! "Через пятнадцать дней товарищ Хрущев вернется из Чехословакии. Даю вам слово, что по приезде я передам ваши обращения лично товарищу Хрущеву и его референту. Но нам хотелось бы услышать суть вопроса из ваших уст".

Так же волнуясь, я стал говорить о том, как в 1944 году месхи были необоснованно и совершенно несправедливо высланы из родных мест. Сейчас они справедливо требуют возвращения на родину. Тужиков возразил: "Земля Месхети скудная и не сможет прокормить вас." Я ответил: "Месхи трудолюбивы, они прокормят себя". Тужиков сказал, что он это знает, мы - люди талантливые, трудолюбивые, что в 1943-1944 годах именно месхи строили железную дорогу стратегического назначения Боржоми-Вале. Знает, что эту дорогу строили женщины, инвалиды, старики.

Я сказал, что да, это было именно тогда, когда молодые месхи, как и все советские люди, бились с гитлеровскими захватчика-

ми. Макаров подхватил: “Да, да, советский народ перенес много испытаний, война унесла много жизней, но народ разгромил Гитлера, отстоял независимость, свободу...”

Вдруг Маатдин Адамов, вспыхнув, сказал: “Прошу слова!” “Да”, - приятно улыбаясь сказал Макаров. “Я тоже воевал. Вот награды, - Маатдин тронул ордена и медали на пиджаке. - Член партии, как и вы. Отправляли меня на войну с зурной⁵², провожали родственники и друзья - Родину защищать. За них я и воевал. Настал долгожданный день победы. Вы куда приехали после войны? В Москву?” “В Москву”, - ответил Макаров. “Жена, наверное, встретила, дети, друзья, родные. А вот я приехал: село разорено, очаг разрушен, родных нет, друзей нет. Никого нет. И никто не знает, где их искать. Что же получается, товарищ Макаров? Ты воевал - приехал, сел в ЦК. А мы воевали для того, чтобы вы спокойно сидели в ЦК и управляли нами?” Маатдин, весь красный, начал размахивать руками. Медали позвякивали, когда он бил себя в грудь. Стало тихо. Тут Мовлюд начал дергать Маатдина за рукав: “Что ты? Антисоветские речи тут ведешь! Это тебе не собрание, это ЦК!” Я возразил: “Что тут антисоветского - речи правильные”.

Улыбка медленно сползла с лица Макарова. Веселова не проронила ни слова. Маатдин, нервничая все больше, перегнулся через стол: “Нет, вы все-таки ответьте на мой вопрос!”

Макаров щелкнул выключателем магнитофона: “На сегодня все, товарищи. Завтра продолжим работу”. Мы опешили. Разговор только начался, а нас выставляют за дверь.

Мы вышли на улицу, присели на лавочку.

В работе над этим периодом мне очень помогли папины записные книжки. Как и прочие записи, они сделаны на разных языках: грузинском, русском, турецком, азербайджанском. И даже арабской вязью выведены какие-то строчки. Вот я читаю:

“10 августа 1957 года. Посетили Сельхозвыставку. Говорил по телефону с Тужиковым.

52. Зурна - грузинский национальный духовой музыкальный инструмент.

11 августа. Осмотрели Третьяковскую галерею.

12 августа. Пошли осматривать МГУ. Говорили по телефону с Макаровым.

13 августа. Отправили письмо Хрущеву и Микояну.

14 августа. Посетили Кремль, Мавзолей”.

Эти записи позволяют документально восстановить ход событий давних лет.

Мы молча сидели, медленно приходя в себя. Почти бессознательно я начал изучать монумент из красного гранита. Оказалось, что он посвящен битве на Шипке, когда северные славяне - русские - освободили от пятивекового турецкого ига южных славян - болгар.

А у кого же просить помощи нам - коренным грузинам-месхам, высланным по приказу Сталина?

Позже, в 60-х годах, подбирая материалы в Грузинском историческом музее, я случайно услышал один рассказ. Рассказывал сухощавый старик, слушателями были такие же старички.

“Примерно весной 1944 года, - говорил он, - в Гори друзья Сталина по духовной семинарии собрались как-то вместе и стали обсуждать, как было бы хорошо, если бы все мусульмане Карачаи, Черкесии, Аджарии, Месхети - эти хриstopродавцы - убрались бы куда-нибудь подальше. А земли бы остались нам - истинным грузинам. Они решили воспользоваться тогдашним положением Кобы.⁵³ Составили письмо “от грузинской нации” и отправили с одним из них в Москву. Первую неделю этот друг жил у Сталина как самый дорогой гость - коньяк, шампанское, шашлыки... На второй неделе он вручил Сталину это самое письмо. Сталин прочел его, задумался. Отпуская гостя домой, он поручил не распространяться на этот счет, чтобы этот вопрос остался “национальной тайной”. “Что-то подобное есть и у меня в мыслях, - сказал своему другу Сталин, - но пока ситуация не созрела. Пусть подойдет время”. Вот так-то!” - закончил старик.

53. Коба - партийная кличка Сталина до октябрьской революции 1917 года

Я слушал этот невероятный рассказ с напряженным вниманием. Как специалист по истории я знал официальную историю Грузии, но как месх я знал, как несправедливы были к нам власти, проводящие откровенно шовинистическую политику.

В течение ряда лет органы госбезопасности были заняты очернением месхов. Доказывалось, что мы якобы пришельцы из Турции. (Именно для доказательства коренного происхождения месхов я занялся составлением генеалогических таблиц односельчан). “Доказывалось”, что мы являемся турецкими агентами и только ждем момента, чтобы открыть границу.

Каждый переход через границу - к родственникам, по торговым делам - тщательно активировался, писались многочисленные докладные, рапорты... Рослый красавец Микеладзе выписывал своим прекрасным почерком многочисленные фамилии месхов, нарушающих границу. И ведь ни разу не забыл записать, ни разу не ошибся этот секретарь погранзаставы... Все работало на то, чтобы доказать: все месхи - антисоветские элементы. Что было делать, если Поцхови, Гвиния, Кваблиани, Ардаган - исконно грузинские земли. А на ней жили месхи - наши родственники, братья и друзья, к которым невозможно было не ходить на свадьбы, похороны или просто в гости. А я еще помогал вылавливать нарушителей границы...

Мы сидели перед гранитным монументом и заново переживали нашу встречу.

- Ну и сепаратист ты, - сказал я Мовлюду. - Зачем не дал человеку высказаться?

- А если бы мы из ЦК вообще не вышли, тогда что бы ты сказал?

- Тогда вообще не надо было ехать в Москву от имени народа, - ответил я.

Мы понимали, что вряд ли нас захотят принять еще. Но письма Микояну, Фурцевой все же отправили.

Как и следовало ожидать, на другой день в ЦК на наши звонки никто не прореагировал, нас не приняли. Зачем нужно было Макарову говорить, что встретимся завтра, неизвестно. Опять мы просидели в коридорах, бесцельно шли часы.

В приемную вошел молодой человек лет двадцати семи, кавказского типа. Увидя нас, подошел, справился, кто мы такие. Я ответил. Тогда он пригласил нас к себе в кабинет. Представился:

- Меня зовут Рустам Мамедов, по происхождению я айрум⁵⁴. В Москве есть представительства всех союзных республик. Представителем Азербайджанской республики является Ислам Исламзаде, я - его заместитель.

Мы рассказали о себе, о том, что привело нас в ЦК. Мамедов внимательно слушал нас. "Сегодня товарища Исламзаде не будет, - сказал он нам, - завтра я его увижу, попрошу, чтобы он принял вас".

На этом мы распрощались.

На другой день мы снова собрались в кабинете у Мамедова, заговорили наперебой. Мамедов остановил нас, сказал, что когда делегация находится на приеме, то первым говорит глава делегации, а затем добавляют остальные.

Он провел нас к Исламзаде, кабинет которого находился на втором этаже.

В просторном кабинете мне бросилась в глаза большая карта Азербайджана. Скромно, но аккуратно одетый, невысокого роста человек, стоявший у окна, обернулся. Лицо его выдавало апшеронское⁵⁵ происхождение. Мамедов представил нас. Мы расселись. Исламзаде присел с нами. Возникло молчание. Мы не знали с чего начать. "Знаем, - сказал Исламзаде, ни о чем не спрашивая, - Грузия сильно оскорбила вас. Но так как вы выходцы из Грузии, а выслали вас как "турок", то по закону мы не можем вас защитить. Но, когда в 1944 году творилось это беззаконие, партия и правительство Азербайджана выразили протест партии и правительству Грузии. Но по представленным документам ЦК КПСС признал это бесчинство законным".

Мы о многом поговорили. Наконец Исламзаде сказал:

- Я предлагаю - переезжайте к нам... Земли у нас хватит - Мугань, Миль, Карабах, Джейран, Ширван - это сплошные степи.

54. Айрум - народность, проживающая в Азербайджане.

55. Апшерон - полуостров в Азербайджане, на западном побережье Каспийского моря

Приезжайте, живите. Язык наш близкий к турецкому. Обычаи наши похожи. В конце концов, мы одной веры. Возьмем ваших невест, отдадим своих невест вам, смешаем нашу кровь, обопремся друг на друга. Приезжайте, братьями будем.

Мы не ожидали такого поворота событий. Исламзаде снял телефонную трубку и попросил соединить его по прямому проводу с ЦК КП Азербайджана. Поговорив, повернулся к нам.

- Не теряйте времени, поезжайте в Баку. Вас ждет первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Имам Мустафаев. Похоже, вам повезло.

На прощание Исламзаде обнял нас, пожелал удачи.

Опять были раздумья, поиски верного пути, боязнь новых препятствий и тупиков...

15 августа 1957 года поздно вечером в Мытищах мы обсудили итоги нашей поездки. Выяснилось, что:

1. ЦК КПСС не собирается возвращать месхов на родину.

2. Азербайджан готов принять нас в степные районы Мугани, Миля, Джейрана, Ширвана.

3. Если в Азербайджане удастся собрать месхов, то он станет новым, более близким плацдармом для борьбы за возвращение на родную землю.

На другой день мы выехали из Москвы.

Я перехожу к папиным записным книжкам, в которых он почти ежедневно вел записи.

16 августа 1957 года. Выехали из Москвы. В России засуха.

19 августа. Заехал в Абаша. Встретился с Бения. Он все рассказал о Зине.

20 августа. Остановились в Тбилиси.

22 августа. Приехали в Кировабад⁵⁶ автобусом. Там ночевали.

23 августа. Из Кировабада автобусом приехали в Баку.

24 августа. Отправили телеграмму в отдел переселения Ибрагимову.

56. Кировабад - название азербайджанского города Гянджа с 1935 по 1989 год.

27 августа. Секретарь Президиума Верховного Совета Азербайджана обещал принять нас.

28 августа. Из Баку вылетели в Красноводск.

30 августа. Вернулся в Булунгур.

1 сентября. Воскресенье.

2 сентября. Клару отвел в первый класс. Тамаре исполнилось 9 лет.

Когда я читаю эти записи, отчетливо представляю молодого энергичного папу, который без устали мотался по четырем республикам: России, Узбекистану, Грузии и Азербайджану. Мы всегда ощущали папино отсутствие, и потому, когда он бывал рядом - это был праздник.

А ведь для того, чтобы столько ездить, нужны были терпение и терпимость к неудобствам, жаре, холоду, дорожной грязи... Значит, было то, ради чего можно было трястись много часов под жестоким солнцем по пустынным дорогам Азербайджана, Узбекистана, которые своим унынием и бесконечностью приводят в отчаяние. Глотать пыль, песок, пить на разбитых остановках противно теплую воду. Часами терпеливо дожидаться в приемных, думать, как убедительно доказать правоту своего дела, потом лежать, скрючившись, на голых полках тесных вагонов, чтобы опять кого-то увидеть и опять просить, требовать...

Значит было ради чего.

И была еще семья... Бесконечная любовь и преданность, чувство ответственности перед семьей, радость оттого, что отвел младшую дочь в первый класс и с отцовской любовью и нежностью поздравил старшую дочь с днем рождения.

А я помню этот день. Отчетливо и празднично.

Мне сшили новую форму из коричневой ткани. Она чуть поскрипывала, когда я вертелась перед зеркалом, силясь разглядеть сзади складки.

Было ощущение страха и новизны, когда во всем новом я вышагивала рядом с папой. Моя рука тонула в папиной ладони. В другой руке я неуклюже несла новый, с блестящими звонкими замочками, портфель, который бил меня по ногам.

Папа был задумчив и серьезен. Поглядывая на него снизу из-под атласных лент, которыми были перехвачены тугие косички, я чувствовала, что папа должен что-то сказать мне. А он молчал, и мне становилось страшно. Сейчас-то я знаю, о чем он сосредоточенно думал. У него были основания идти тяжелой поступью. А мне тогда казалось, что все кончилось: и велосипедные гонки с разбитыми коленками, и сиреневые сумерки зимой, когда, раздирая в крике окоченевшие губы, в восторге летишь с ледяной горы. И не будет ивовых свистулек, которые вырезал мне дедушка. Не будет лазаний по оврагам и походов за тюльпанами ранней весной, “казаков-разбойников”, когда прячешься в жгучей крапиве и сердце стучит у самого горла и вот-вот выскочит...

Кончилось все это. А есть новая форма, блестящий жесткий портфель с таинственным содержимым. И папа, который ведет меня к чему-то непонятному, чего я не умею.

Папа хмурит брови, а я боюсь, но иду.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В АЗЕРБАЙДЖАН

Следующий этап борьбы для нас, активистов, начался с напряженной работы по переселению месхов. По приезде из Москвы мы в первую очередь отчитались перед активом о результатах поездки.

Вопрос о том, стоит ли переселяться в Азербайджан, был вынесен на народное собрание. Пришлось проводить большую разъяснительную работу. Мнения разделились. Люди не хотели половинчатого решения вопроса. Но большинство все же ратовало за переселение - подальше от того места, где довлел режим спецучета, где смотрели на нас как на врагов.

Шесть месяцев трое наших делегатов жили в Баку для окончательного выяснения этого вопроса. Содержали нас наши семьи. Я регулярно получал из дома денежные переводы, тревожные телеграммы: “Тебя ищут”, “Без официального ответа не возвращайся” и письма, где говорилось, что в нашем доме неделями жили сотрудники КГБ, ожидая моего возвращения.

Шесть месяцев шли переговоры между Баку и Москвой. ЦК КП Узбекистана, узнав о наших планах и действиях, поднял большой шум, предпринял все, чтобы помешать нам. В первую очередь необходимо было обезвредить руководителей движения, то есть нас. Поэтому мы вынуждены были скрываться в Баку.

Но руководителей Узбекистана можно было понять. Если Москва разрешит месхам переселяться в Азербайджан, для Узбекистана это окажется потерей большого количества рабочей силы сразу, что нанесет ощутимый удар по экономике республики. Месхи всегда были крайне трудолюбивы. С полной отдачей трудились они на хлопковых полях, давая значительные проценты планов, возделывали виноград, обрабатывали засушливую землю...

Однако движение уже нельзя было остановить.

Тогда узбекские власти пошли на провокацию. Зачем вам эти люди, спросили они руководителей Азербайджана. Зачем вам эти лентяи и демагоги? Зачем республике лишние рты? Мы кое-как уже притерпелись с ними, да и сами они не желают переселяться, это всего лишь навязчивая идея их руководителей.

12 января 1958 года нас принял Председатель Совета Министров Азербайджана Рагимов и сообщил положение дел. Сказал, что Москва, в принципе, не возражает против переселения месхов, но туда дошли слухи о том, что переселение - воля горстки руководителей месхов, что сами они любят не столько трудиться, сколько разглагольствовать. Так ли это?

Я задохнулся от возмущения. “Вместо того, чтобы верить нелепым слухам, взяли бы и съездили сами, - запальчиво сказал я, хотя понимал, что на подобных приемах прежде всего нужна выдержка. - Съездили бы и посмотрели, какими оазисами в пустынях Средней Азии стали места проживания месхов, какие виноградники, какие дома выстроили они. Ленивый народ не стал бы выращивать хлопок и строить дома. Но все это мы оставим и уйдем не оглянувшись, только бы быть поближе к родине”.

Рагимов молча выслушал мою пылкую речь, вертя в руках карандаш. “Да, - сказал он, - мы тоже об этом подумали, надо съездить к вам, поговорить с людьми, посмотреть, как вы живете”. И добавил, помолчав: “На днях по указанию первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана в Узбекистан направляются четыре министра. Их поездка поможет нам принять окончательное решение”.

Наутро министры вылетели в Красноводск. Мы выехали следом. Приехав на частной машине в Булунгурский совхоз, мы узнали, что министры только что выехали в Самарканд. Вечером мы нашли машину и отправились туда же. Приехав поздно вечером, выяснили, что министров разместили на ночлег. Успокоенные, мы заночевали в Самарканде.

На следующее утро я, Шахпандаров Али, Чхеидзе Али и Двалидзе Кирман нашли представителей Азербайджана уже в Иштыханском районе.

Люди, прослышав о приезде министров из Азербайджана, начали стекаться в районный центр. Собралось около тысячи человек. Мы устроили импровизированную трибуну. Собрались и партийные работники из райкома и обкома.

Тут я столкнулся с третьим секретарем Самаркандского обкома партии Аракеловым. Знакомы мы были давно, когда он был еще вторым секретарем Булунгурского райкома партии. Он уди-

вился: “И ты здесь?” “Как видите”, - ответил я. “Не понимаю, - сказал Аракелов, - чего тебе недостает? Ты инспектор районо, у тебя авторитет, дом, хозяйство, чего тебе еще надо? Ведь в таких делах нужно семь раз отмерить”. “Мы отмерили семьдесят раз, - ответил я, - теперь отрезаем”.

Началось собрание. Сначала выступили работники райкома и обкома партии. Они просили не уезжать, говорили, что обижать нас не будут, относиться к нам будут также, как и к узбекам.

Я выступил вслед за ними. Говорил о священном праве каждого народа жить на своей родине. Сказал, что к узбекам мы не имеем никаких претензий, пусть они счастливо живут на своей родине. А нам нужна наша родина, за возвращение на которую мы боролись и будем бороться.

Затем выступили активисты, старики, женщины, молодежь. Страсти накалились. Я видел слезы в глазах людей, чувствовал, как у меня перехватывает горло, - впервые месхи имели право открыто говорить о несправедливости. Слова подбирались с трудом, но звучали страстно и искренне.

Слово взял министр Назим Гаджиев: “Народ наказан несправедливо, - сказал он. - И надо помочь вам перебраться поближе к Грузии”. Хотя и чувствовалось, что Гаджиев хороший оратор, чуть дрожащий голос все же выдавал его волнение. Он перевел дыхание и с подъемом прочел стихотворные строки: “Не закрывай глаза, хоть солнце зашло. Не опускай руки, хоть угасла заря. У каждой ночи есть свой день. Не отвернись от народа, ибо дорога твоя верна. Пусть будет славен народ!”

Толпа гудела. Женщины рыдали в голос. Было такое ощущение, что прикажи им идти пешком, - пойдут не раздумывая.

Местные партийные работники были потрясены и постарались незаметно удалиться.

Министры уехали в Баку.

По договоренности между представителями Азербайджана и Узбекистана было решено: в течение июля-августа 1958 года переселить из Узбекской ССР в Азербайджанскую ССР две тысячи сто пятьдесят хозяйств.

Месхи были настроены на переселение, но выполнение решения вопроса затягивалось.

Актив написал заявление первому секретарю ЦК КП Азербайджана: “Товарищ Мустафаев! - говорилось в заявлении. - История нашей высылки из Грузии в Среднюю Азию вам хорошо известна.

В настоящее время задача состоит в том, чтобы организовать переселение людей в вашу республику, чтобы не допустить недовольства и создать необходимые условия для дальнейшего существования.

Однако, считаем нужным довести до Вашего сведения, что некоторые товарищи и связанные с этим делом организации не проявляют инициативы!

Вы хорошо знаете, что сейчас пора приступить к весенним сельским работам. Каждый крестьянин заинтересован в том, чтобы обработать свой участок земли, тем самым обеспечить себя в будущем. А наши люди в настоящее время лишены этого, так как весть об их переселении в Азербайджан уже охватила всю Среднюю Азию, и они днями ожидают своего выезда на новое место жительства, и никто не обрабатывает своих земельных участков.

Во избежание неприятностей, считаем необходимым безотлагательно установить точный контингент первой партии переселенцев, а для остальных установить предварительный график с указанием даты и места, куда они будут переселены, о чем сейчас же через ваших представителей поставить их в известность, составив при этом точный список людей по отдельным этапам переселения.

По нашему мнению, переселение первой партии необходимо форсировать не позднее марта месяца сего года. Это обстоятельство, безусловно, даст возможность переселенцам: во-первых, обрабатывать выделяемые для них участки, во-вторых, участвовать в весенних сельскохозяйственных работах колхозов и совхозов, куда они будут переселены.

Кроме того, хорошо разместившись, они смогут благоприятно влиять на переселение других партий в будущем.

*Бараташвили Л.,
Байрахтаров М. и др.
3 марта 1958 года, г. Баку”.*

В Совете Министров Азербайджана началась работа по составлению сметы на переселение каждой семьи. Азербайджан считал, что эти деньги выделит Москва. Смету составляли трижды. Первый раз на каждую семью предполагалось выделить 22 тыс. рублей. Смету представили Министерству финансов СССР. Она была отвергнута. Во второй раз смета предусматривала 18 тыс. рублей. Снова отказ. В третий раз смета была урезана до 12 тыс. рублей. И вновь отказ.

В конце концов Совет Министров Азербайджана решил выделить деньги из собственного бюджета - по возможности.

Моя семья получила пособие на переселение в размере 9 тыс. рублей.

Актив выехал в Баку.

6 июня 1958 года нас принял зам. председателя Совета Министров Азербайджана Мамедов. Узбекистан чинит всякие препятствия, чтобы не выпустить нас. Азербайджан выразил протест.

11 июня товарищ Мамедов вновь принял нас. Он переговорил с Москвой. Выяснилось, что приказ о нашем переселении еще не подписан.

12 июня мы написали Мустафаеву заявление:

“Переселенцы ликвидировали свои хозяйства в Узбекской ССР с расчетом быстрого переезда в Азербайджан. Однако вопрос по переселению в организованном порядке затягивается, и переселенцы до сих пор не знают, куда и когда они будут переселены и начнут строиться на новом месте.

Товарищ Мустафаев, если этот вопрос и дальше будет затягиваться, то самый лучший период переселения будет упущен и все переселенцы очутятся в исключительно тяжелых бытовых условиях зимнего периода.

Бараташвили, Байрахтаров, Поладов.

12 июня 1958 года.

Дом крестьянина, г. Баку”.

Мустафаев поручил Азизову принять нас. На приеме у Азизова выяснилось, что они ежедневно звонят в Москву по нашему вопросу.

13 июня 1958 г. Первый секретарь ЦК КП Азербайджана И. Мустафаев вылетел в Москву с целью ускорить решение нашего вопроса.

21 июня. В театре с Мансуром слушали оперу “Вагиф”.

23 июня. Узнали от Сулейманова - министра сельского хозяйства Азербайджана - наш вопрос утвержден в Совете Министров СССР.

24 июня. Несколько семей отправились в Мугань.

25 июня. Мансур уехал в Самарканд.

26 июня. Наши первые переселенцы, на которых мы так надеялись, бежали обратно в Узбекистан. Солончаковая почва Муганской степи показалась им хуже пустынь Средней Азии.

28 июня. Поехал в Саатлы.

29 июня. Воскресенье. Ознакомился с районным центром.

30 июня. С председателем исполкома Саатлинского района поехали в колхозы - имени Ленина и Красносельский. В колхозе им. Ленина организовали штаб по устройству наших переселенцев.

1 июля. Из Сырдарьи прилетел Алихан.

2 июля. В Саатлы был дан концерт артистов Азербайджанского радио. Участвовали Шовкет Алекперова и Нармина Мамедова.

5 июля. Чтобы оправдать мои дорожные расходы меня формально назначили бухгалтером РТС⁵⁷.

6 июля. Устроили стирку.

7 июля. Поехали в районный центр Саатлы. Получили телеграмму: “Выехали 7-го вечером. Встречайте в бакинском порту. Искандеров Мамед”.

9 июля. С Мовлюдом поехали в Баку встречать представителей из Булунгура.

10 июля. Встретился с министром сельского хозяйства Сулеймановым. Представителей Булунгура отвезли в Саатлы.

11 июля. В Саатлинском райкоме партии собрал собрание с представителями Средней Азии: пять человек из Иштыхана, четыре человека из Булунгура, двое из Сырдарьи. Вечером выехали из Саатлы в Баку.

57. РТС - ремонтно-техническая станция.

12 июля. Нас принял председатель Совета Министров Азербайджана Рагимов.

13 июля. Воскресенье. Узнали, что из Букинского района Узбекистана едет делегация из 9 человек под руководством Кочо Нанеишвили. Нужно встречать их 14-го.

14 июля. Приехавших делегатов (двенадцать человек) принял министр сельского хозяйства Сулейманов. Приехал Баттал.

15 июля. Беседовал с делегатами.

16 июля. Часть делегатов уехала в Узбекистан, часть отправилась осматривать районы Мугани, куда нам предстоит переселиться.

18 июля. Вернулся в Саатлы с Батталом.

19 июля. Купили на базаре сыр, помидоры. В РТС получил “заработную плату” за бухгалтерство - 500 рублей. Заплатил членские партийные взносы. В Саатлы - хорошая баня. Выкупались.

20 июля. Базар в Сабирабаде показался мне более дешевым, чем в Узбекистане.

21 июля. Приехали в Баку.

22 июля. Из Баку отправили несколько человек (Беридзе, Нанеишвили) в Саатлы. Вечером гуляли в парке имени Кирова.

23 июля. Сулейманов - министр сельского хозяйства сказал, что через 2-3 дня можно ехать за семьями.

24 июля. Приехало 10 семейств и, несмотря на нашу агитацию, поехали в Хачмаз.

29 июля. Мамед Искандеров с Аладдином улетели в Самарканд.

30 июля. Активистов принял зав. отделом ЦК КП Азербайджана тов. Т. Гусейнов.

1 августа. Говорил с Гусейновым и Джафаровым из министерства. Они сообщили, что в понедельник, т.е. 4 августа будет получено разрешение Совета Министров СССР, и вся наша работа обретет формальную законность.

2 августа, суббота. Ездили с Мовлюдом на могилу азербайджанского поэта Самеда Вургуну. “Вургун”, оказывается, псевдоним Самеда Векилова и означает “влюбленный”. Могила скром-

ная, с гранитной плитой. Меня поразили поэтичностью стихи Вургуня, выбитые на ней. Как я потом узнал, это были строки из поэмы "Мугань":

Ты - дыханье мое,
Ты мой хлеб и вода!
Преодо мной распахнулись
Твои города...
Весь я твой. Навсегда
В сыновья тебе дан,
Азербайджан,
Азербайджан!

Мы молча постояли. Я подумал: богат Азербайджан талантами. Прекрасная музыка, отличные певцы, прекрасная поэзия, архитектура...

В прошлую субботу в Баку мы осмотрели мечеть.

3 августа. Позвонил Кочо Нанеишвили из Баку. Сообщил, что как только активисты вернулись из Баку, люди начали продавать дома.

4 августа. Совет Министров Азербайджанской ССР открыл новое учреждение - отдел переселения. Заведующим отделом назначен Джафаров. Сегодня я встретился с ним. Решили некоторые вопросы.

5 августа. Выехал из Баку домой, в Булунгур. Долго не уходил с палубы парохода - смотрел на город и воду - и замерз.

7 августа. В поезде меня сильно просквозило - тяжелая голова.

8 августа. Совершенно больной приехал домой.

17 августа. До сегодняшнего дня лежал в постели. Сильная простуда.

26 августа. Отправили в Азербайджан контейнер с домашним имуществом. Оставили минимум - самое необходимое - для себя и детей.

29 августа. Моя семья, сестра Нафия и семьи моих братьев - Батгала и Фахреддина выехали поездом из Самарканда до Красноводска.

31 августа. Пересели на пароход "Советская Туркмения", который взял направление на Баку. Дети радуются путешествию больше всех.

1 сентября. Прибыли в Баку. Устроились в Доме крестьянина.

Мне так и хочется влезть в эти короткие записи со своими воспоминаниями.

Как расставались со своими уличными друзьями, важно говоря, что “переезжаем на Кавказ”. Как облазили весь пароход и все на нем сияло - от глянцевых раковин до медных поручней, по которым мы съезжали на животах. Тамара, я и наши двоюродные - Дарико, Искандер и Алихан - тут же затеяли прятаться по огромному пароходу. Ощущение новизны было таким острым, что это первое путешествие на пароходе по Каспийскому морю запомнилось мне на всю жизнь.

И звук рассекаемой воды, которая, наклоняясь, падала стеклянными пластинами, и чуть слышный, но постоянный гул работающего парохода, и запах моря, неизвестный доселе. А когда рано утром мы выбежали на палубу, у меня закружилась голова. Синева, блеск воды и громадный город, окутанный сиреновой дымкой, в которой я, усиленно глядяваясь, искала черты сказочного и неизвестного мне еще Кавказа.

3 сентября 1958 года. Нам, 13 семьям, дали в Баку машины. Мы выехали в Саатлы.

17 сентября. Состоялось общее собрание переселенцев и хозяйственников. Решено на месте бывшей агробазы организовать новый колхоз и дать колхозу название нашего родного места в Грузии - Адигени. (Впоследствии всем новым поселениям месхи давали названия родных мест). С этого дня колхоз начал свое существование.

19 сентября. Райком партии и райисполком Саатлинского района утвердили решения нашего собрания.

24 сентября. Это же решение утвердил и Совет Министров Азербайджанской ССР.

Встал вопрос: кто будет возглавлять колхоз? Я сказал Мовлюду: “Я учитель, буду работать в школе, решать партийные колхозные дела. А должность председателя колхоза тебе подходит больше”. На том и порешили. Мовлюд стал председателем колхоза, я возглавил партийную организацию.

Народ стекался, жить было негде, устраивались в палатках. Я пробивал разрешение на получение строительных материалов, чтобы люди начали строиться. В Сараджалларах даже построили лесопильный завод. Но для переезда месхи в основном использовали свои сбережения.

В конце 1958 года для меня стало ясно, что государственные органы не намерены выделять средства на переселение месхов. Переезд стал личным делом каждой семьи. А те тысячи рублей, о которых шла речь в Совете Министров СССР, оказались мифической суммой.

1 апреля 1959 года. Приехало 38 семей из Ташкентской области. Все они из села Плате Месхети. Они пожелали организовать отдельный колхоз. Многие из Адигени перебираются в новый колхоз, так как не ладят с председателем колхоза Байрахтаровым. Мовлюд злоупотребляет властью, зовет к себе своих односельчан, раздает им выгодные должности. Людям это не нравится. Мовлюд настраивает людей против меня.

2 мая. Поехал в Сабирабад - посмотреть недавно организованный колхоз. Земля здесь лучше, более плодородная. А у нас в колхозе сплошные солончаки - выльешь кружку воды, тут же выступает соль на поверхности.

5 мая. Состоялось партийное собрание. Критиковали Мовлюда.

8 мая. Нафия открыла библиотеку. Наши личные книги послужили основой библиотеки.

11 мая. В Сабирабадском районе образовался колхоз "Ахысха".

22 мая. В Саатлинском районе образовался колхоз "Вархан".

27 мая. К нам приехал председатель Совета Министров Азербайджана Ахундов. В тот же вечер в районном клубе было проведено собрание, на котором подводились итоги соцсоревнования между колхозами. Ахундов принял участие в работе этого собрания.

19 июня. Прибыл в Мингечаур.

21 июня. Искупался в Мингечаурском искусственном море.

22 июня. Был на приеме у первого секретаря Мингечаурского горкома партии товарища Мустафаева. Городу нужны кадры. Он

подписал заявление на имя отдела переселения с просьбой выделить для города Мингечаура и близлежащих сел 100 хозяйств.

23 июня. Разговаривал с председателем колхоза им. Дзержинского о размещении 100 хозяйств.

26 июня. В Батуми в Государственном историческом музее говорил с профессором Х. Ахвледиани об опубликовании моих этнографических материалов. (В свободное время я продолжал работу по истории и этнографии месхов). Вечером выехал в Тбилиси. Меня провожал свекор моей двоюродной сестры Хейрии - Герой Соцтруда, аджарец Какабадзе Гадир.

29 июня. В Баку побывал в отделе переселения. Отдал заявление Мустафаева.

3 августа. Отчетно-выборное собрание партийной организации колхоза Адигени. Присутствовал инструктор Саатлинского райкома партии товарищ Нариманов. Работу оценили "удовлетворительно". Новым секретарем избрали Поладова Мансура.

8 августа 1959 года. Мы в Мингечауре. Сто хозяйств переезжают в колхоз им. Дзержинского.

Записи периода нашего нового переезда отрывочны и даже несколько непонятны. Почему мы уехали из Мугани, где мы год жили среди своих, месхов, где уже начали обосновываться? Тот год я училась во втором классе, Тамара - в четвертом, Дарико и Искандер - в третьем. Набрали еще несколько первоклашек, и мама преподавала нам в так называемом комплектном классе на русском языке. Во втором же классе меня единственную торжественно приняли в пионеры. Я начала много читать, папа долгими вечерами рассказывал нам бесчисленные вариации "Тысячи и одной ночи". Мама организовала новогодний бал-маскарад для всех колхозных детей, и в меня, рыжую Снегурочку, были влюблены все мальчишки, которых я бойко поколачивала...

Почему мы уехали? Уехали в Мингечаур, куда добирались почти сутки под жестоким солнцем на трех грузовиках. Поселили нас в ветхом финском домике на краю селения Гаварлы, в трех километрах от города. В третьем классе городской школы я сразу почувствовала себя неуютно оттого, что я была в пионерском галсту-

ке, а их еще не приняли в пионеры, и поэтому с первого взгляда я была решительно определена как второгодница. И меня посадили за последнюю парту. А как хлестнул меня этот шепот по классу “второгодница”. Это я-то, привыкшая быть первой во всем.

Зачем мы уехали? До городской школы из селения нужно было добираться на автобусах, они нас иногда не брали, и это было тоже обидно, особенно в непролазную грязь.

- Почему мы уехали из Мугани? - спрашиваю я папу.

- Понимаешь, - отвечает он, - у меня с Мовлюдом Байрахтаровым возникли серьезные расхождения. Мовлюд отказался от идеи борьбы за возвращение на родину. Если я считал переселение в Азербайджан временным, лишь промежуточным этапом на пути к родине, в лице Мовлюда власти Азербайджана нашли человека, который смог бы организовать месхов для освоения Мугани. Природные условия, климат Мугани исключительно тяжелы. Почвы там солончаковые настолько, что соль проступает на поверхности, климат невыносимо жаркий, питьевой воды не достает. Выращивание высококачественного хлопка в таких условиях возможно лишь за счет здоровья людей.

Мовлюд Байрахтаров смог организовать там 9 колхозов, получил звание Героя Социалистического Труда и был избран депутатом Верховного Совета СССР. Он стал уговаривать месхов остаться в Азербайджане. Многие месхи в результате его пропаганды поменяли грузинские фамилии на азербайджанские, а азербайджанский писатель Исаев издал книгу “Дядя Мавлюд”, в которой, расхваливая Байрахтарова, писал будто месхи - это азербайджанцы, спустившиеся с гор на равнину, чтобы улучшить свои жилищные условия.

В конце концов Байрахтаров, сколотив себе состояние, переехал на Северный Кавказ и купил там большой дом. Там он и умер.

Разрыв папы с Байрахтаровым явился одной из основных причин нашего переселения в Мингечаур. К тому же, как я узнала из недавно опубликованной статьи Шота Ломсадзе, папе было предложено занять должность директора техникума в Саатлы с тем условием, что он поменяет фамилию на азербайджанскую. И так как он отказался, секретарь райкома пригрозил, что не даст ему жить в своем районе.

Вот по каким причинам мы уехали из Мугани.

И все же этот переезд я считаю ошибкой: наша семья оказалась совершенно оторванной от своих. Приходилось опять приспособиться к чужому языку, обычаям, культуре.

Казалось бы, что тут приспособливаться: и они, и мы - народы Кавказа. Мы говорим с XVIII века на диалекте турецкого языка, они говорят на азербайджанском языке, который относится к тюркской языковой группе. Но сразу же бросается в глаза разница во всем: в одежде, лицах, движениях. Эту разницу между месхами и теперешним окружением я ощутила очень остро.

И везде я чувствовала себя чужой. В селении все были азербайджанцы, в городской школе - азербайджанцы, русские, армяне. Чуть лучше я чувствовала себя с русскими сверстниками - я училась в русской школе. Но бывая у них дома, я с удивлением наблюдала иные отношения, другой интерьер, кухню, вообще другой уклад жизни. Я начинала понимать, что говорить на русском языке и быть русским - это не одно и то же. Значит, мы не русские. И не азербайджанцы, и не армяне. Так кто же мы?

Я упорно искала свое место в окружающем мире и не могла его найти. Не было национальной культуры, на которой я бы воспитывалась. Я видела, как самозабвенно пляшут русские, как грациозно движутся в танце азербайджанцы. Но где тот танец, которому я могла бы также самозабвенно отдаться? Не было этих танцев. И песен не было. Мы росли без своей культуры, вынужденно впитывая в себя осколки чужой. И от этого я всегда чувствовала свою неполноценность.

Где сказки, где песни, пословицы, где наш фольклор? Все было пущено по ветру истории. Может, именно поэтому папа стал бережно собирать фольклор Месхети. На одной из его многочисленных папок написано: "Фольклор". Там песни, пословицы, загадки, четверостишия.

Постепенно папа знакомил меня с историей Грузии. Я стала "находить" себя. И постепенно во мне пробуждалось чувство патриотизма. Но оно не было подкреплено живым общением с родным народом. А народ мой жил где-то в пустынях Средней Азии, в степях Мугани, откуда мы уехали в 1959 году.

Я встречала месхов, когда из муганских колхозов приезжали к нам в Мингечаур пыльные “Волги” и “Москвичи” и из них выходили нагруженные гостинцами усталые люди.

Тогда в доме праздник - стол моментально покрывается хрустящей скатертью, и вот во главе стола, уставленного яствами, восседает папа. А гости, закусывая, неторопливо и обстоятельно рассказывают о посеве, урожае, скоте... Спрашивают совета: куда детей пристроить.

А мы вглядываемся в обветренные красные лица стариков, окаймленные аккуратной бородкой, в пестрый наряд женщин и разглядываем платок-лечак, ловко обернутый вокруг головы, в который они прячут свои улыбки. Звенят ожерелья из старинных золотых монет, бренчат почти бутафорские кинжалы на серебряных поясах...

Толстые огрубевшие пальцы подхватывают чайный стакан, который смотрится в их руках как игрушечный.

И пахнет от этих людей каким-то крепким молочным запахом. А какое странное сочетание в них - наивность нарядов и взглядов, которыми они окидывают городскую квартиру, и спокойная уверенность, чего нам всегда не хватало. У нас была напористость, она шла от всегдашнего желания утвердиться в незнакомой обстановке - это было необходимо. А тут была спокойная уверенность, когда никому ничего не надо было доказывать. Они месхи и все тут.

Или когда в дорожной сутолоке мелькнет знакомый пестрый наряд. Или в аэропорту вдруг узнаешь своих. Или в поезде услышишь знакомую речь, ринешься на голос: “Откуда вы?” Удивленно посмотрят на тебя, европеизированного месха, спросят: “Чья же ты дочь?” “Латифшаха”, - отвечаю я, уверенная, что обрадую людей. И ни разу не ошиблась. Люди расплываются в улыбке, сразу спрашивают о здоровье папы, просят передать от такого-то Афрайла то-то, от такого-то Маатдина то-то... Я аккуратно все записываю. В эти минуты я чувствую себя с ними как с родными, хотя вижу их в первый раз.

Но тут объявляют посадку. Они летят в Баку или Ташкент, а я в Ленинград или Москву. Бегу на посадку и думаю: зачем мне этот

Ленинград, зачем им этот Ташкент, когда мы все вместе должны быть в Грузии, в Месхети.

* * *

Года 1960 и 1961 прошли относительно спокойно, если не считать бытовых неурядиц. Мы с Раисой работали в сельских школах: она - в Гаварлы, я - в Акшаме. Материально было тяжело, получали мы мало, а на иждивении было четверо детей и отец. Наш скрипучий финский домик мы утеплили, как могли и полностью перешли на натуральное хозяйство. Хлеб пекли в печи, которую я сам выложил. Из Мугани мы привезли с собой корову голландской породы, которую назвали Марал. Эта спокойная красивая корова была нашей настоящей кормилицей. В день она давала по 15 литров молока, которое было очень нужно детям, особенно годовалому Барату. Мы купили сепаратор, обрабатывали молоко, получали сметану, взбивали масло, варили сыр. Развели огород, посадили лук, посеяли огурцы, помидоры, кукурузу, много всякой всячины. Вокруг дома мы с детьми насажали деревья. У нас уже было полсотни кур, цыплята. Летними вечерами мы сгребали траву, скошенную для Марал, вязали большие снопы и, взвалив на спину, несли домой. Дети приучались к труду, и я радовался этому.

Душевная неудовлетворенность постепенно таяла от ежедневного кропотливого общения с землей и детьми. Дети росли смыслеными, любознательными, и трудовая жизнь формировала их на свой лад. Однако я очень боялся, что они будут отставать в развитии. В воскресные дни я брал их в город, водил в парк, в кино, из городской библиотеки привозил книги, вечерами мы читали вслух “Таинственный остров”, “Дети капитана Гранта”. Я по-прежнему выдумывал для них сказки, стараясь воспитывать героизм, честность, романтическое отношение к жизни.

Село Гаварлы находилось в 3 км от города Мингечаура и, как всякое село, жило своей собственной жизнью. Мы были совершенно чужими в нем, тем более что наш деревянный домик находился на самом краю села.

В день приезда, когда мы, одуревшие от дороги и жары (был душный август), разгружали грузовики с вещами, из-за колючей ограды за нами наблюдали высокий сухощавый мужчина и женщина, по-видимому, супруги. Потом мужчина обошел ограду, подошел к нам и торжественно сказал: “Добро пожаловать, дорогие соседи!” Мы растерялись. Я протянул руку, представился. Мы узнали, что его зовут Шахназар, жену - Залха, что у них двое сыновей, один еще школьник, другой служит в армии. Затем, не донимая нас вопросами, он стал помогать разгружать вещи, тем более, что моя жена была беременна и ей нельзя было поднимать тяжести. Когда мы закончили укладываться в доме, то вышли на крыльцо. И увидели нечто удивительное: наш новый сосед разбирал колючую ограду. Перехватив наши удивленные взоры, спокойно объяснил: “Не обходить же нам вкруговую”. Прошло еще полчаса. И в проеме изгороди появилась жена нашего соседа с большим подносом в руках. На подносе оказался ужин для всей нашей семьи: теплый хлеб, сметана, сыр, салат, горячий чай и варенье в глубокой пиале. Мы были тронуты до слез. Все были такими уставшими и так хотели есть, что не хватило сил отказаться от неожиданного угощения. Так состоялось наше знакомство с людьми, которые стали нам близкими на протяжении многих лет.

Шахназар был неграмотным, но столько природного ума и душевного благородства было в этом человеке, что каждый раз я приходил в восхищение. Все лучшие черты азербайджанского народа как бы соединились в Шахназаре. Он был младше меня, но в некоторых вещах казался мне мудрецом. Был спокойным и независимым. Ветхую суконную кепку с большим выгоревшим козырьком он носил с таким достоинством, как будто это была богатая каракулевая папаха. И вообще, когда он шел по улице, то с таким достоинством переступал лужи, помогая себе суковатой палкой, что казалось, ноги его обуты не в резиновые галоши с загнутыми носками и на плечах не порыжевший пиджак, а одет он в роскошное одеяние и осматривает ряды своих воинов, готовых умереть за него. Мы сошлись в любви к земле, много колдовали над огородом, садом. Моей учености он несколько побаи-

вался, ему она казалась недостижимой. С большим пониманием он относился к моей работе по возвращению на родину.

Когда я занялся изучением топонимики Мингечаура, его окрестностей, Шахназар рассказал мне много интересного, свел меня со старыми людьми, искал новые источники происхождения географических названий. Благодаря ему я собрал солидный материал по топонимике Мингечаура. Этот материал помог мне при организации краеведческого музея города Мингечаура, первым директором которого я и стал впоследствии.

Шахназар со своей семьей стал нам близок и дорог - ни одно семейное торжество не обходилось без них, и на почетном месте всегда восседал Шахназар, которому и чай подавался в особом стаканчике. Последние годы он был очень слаб зрением. Я возил его к врачам, а Барат, учившийся уже в МВТУ им. Баумана, присылал ему из Москвы какие-то редкие лекарства. В начале мая 1980 года, когда кругом все цвело, Шахназар работал на огороде. Затем закопал в землю глеющее бревно с тем, чтобы получить из него превосходные угли для шашлыков. Пели птицы, благоухали цветущие абрикосовые деревья. Невестка стирала во дворе, внуки носились с веселыми криками за петухом. Шахназар сказал: "Как бы мне хотелось умереть в такое время - чтобы кругом все цвело, и начиналась новая жизнь".

Ночью у него случился сердечный приступ. Пока бегали за сельским фельдшером, пока он кипятил шприц... укол не пригодился.

Так ушел в свой последний путь Шахназар.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В 1961 году мы переехали в город Мингечаур. В городе открылась новая школа-интернат, куда нас перевели работать. На территории школы находился двухэтажный дом для учителей, где мы и поселились.

В январе 1962 года я получил письмо из Тбилиси от неизвестного мне Шота Ломсадзе. В нем говорилось:

“Уважаемый Латифшах Бараташвили. Очень желаю с Вами познакомиться лично. О вас я узнал от директора батумского музея Харитона Ахвледиани. Узнал, что Вы имеете высшее образование и работаете над историческими вопросами Грузии, и в частности, над историей месхов. К тому же я узнал, что в “Моамбе” издана ваша этнографическая работа о свадебных обрядах месхов. Это известие очень обрадовало меня. То, что вы сейчас работаете над этими вопросами, имеет большое значение. Потому что вы - месх, и традиции и обряды месхов-мусульман известны Вам лучше, чем кому-либо. Ваш адрес я узнал от ацкурцев, которые приехали в Тбилиси.

Я тоже месх. Может вы знаете село Чунча, так я родом оттуда.

В настоящее время я работаю в Тбилиси, в Академии наук, старшим научным сотрудником. Являюсь специалистом по истории Грузии.

Недавно я написал статью о месхах, об их истории, национальной принадлежности и т.д. Я бы хотел, чтобы вы знали об этой статье. Теперь эта работа имеет большое значение.

Если вы будете свободны в эти дни - приезжайте в Тбилиси. Я работаю в Государственном Историческом музее, на улице Кецховели, это недалеко от Дома правительства, найти его нетрудно.

Очень прошу, если Вы имеете какие-нибудь рукописные работы, возьмите их с собой, может, найдем возможность опубликовать их здесь.

На этот раз о другом не пишу. Надеюсь, наше знакомство будет удачным.

*С уважением, Шота Ломсадзе.
17.1-1962 г.”*

Письмо меня обрадовало и, выбрав время, я поехал. Знакомство наше действительно оказалось удачным. Мы понравились друг другу. Шота оказался энергичным молодым человеком - поэтом и историком. Печатался. Проявил себя истинным патриотом, наше дело принял как свое кровное. Помог напечатать этнографические материалы. Я так много говорю о своих этнографических работах - это может показаться хвастовством. Но это не так. Мои этнографические исследования были важной частью общего дела: если эти работы были бы признаны с научной точки зрения, то легко можно было бы доказать истинное происхождение нашего народа - мы месхи, древнее грузинское племя, наша земля - Месхети, неотъемлемая часть Грузии.

Я познакомил Шота с нашим активом, с которым он вошел в хороший контакт, очень помогал нам, особенно - проникать на прием к людям, от которых зависела судьба нашего дела.

Позже в своем стихотворении "Заздравная" он, обращаясь ко мне, говорит: "Друзья, вновь собирайтесь за нашим столом. Тебя, Латифшах Бараташвили, назначаю тамадой. Слушайте мою песню, внимайте и откликайтесь на мой зов".

В 1962 же году был основан комитет по возвращению на родину. Для его основания в Тбилиси съехались представители месхов из Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Азербайджана. При городском ипподроме была маленькая гостиница, где нам удалось разместиться. Там и проходили наши собрания. В состав комитета вошли:

1. Одобашев Анвер - Киргизия.
2. Умаров (Гозалишвили) Халил - Азербайджан.
3. Турманидзе Джавад - Азербайджан.
4. Рамизов Закария - Азербайджан.
5. Абашидзе Джумали⁵⁸ - Азербайджан.
6. Поладов Мансур - Азербайджан.

Возглавить комитет поручили мне. На первом же собрании мы распределили зоны работы комитета. Центром сбора назначили Тбилиси.

58. Абашидзе Джумали (Джемал) умер уже будучи на родине. Его семья (дети и вдова) ныне живут в Грузии.

Начался период активной деятельности - работал комитет, вовлекая в движение все больше людей. Передовая грузинская интеллигенция узнавала о бесправном положении месхов-мусульман и, движимая чувством справедливости, включалась в борьбу за наше возвращение.

Я не случайно говорю о передовой интеллигенции Грузии, потому что была и другая часть интеллигенции, которая всячески препятствовала малейшему сдвигу в нашем деле, а то и вовсе делала вид, что это ее не касается. Были и воинствующие “интеллигенты”, которые с пеной у рта доказывали, что мы “продали веру” и что нам в Грузии делать нечего.

К этому времени относится и мое знакомство с заместителем директора Исторического музея Грузии Вахтангом Джапаридзе. Это широко образованный, культурный человек, общение с которым доставляет большое удовольствие. Познакомился я с ним случайно - зашел в музей к Шота, его не оказалось на месте. Джапаридзе спросил, чем он может быть полезен, мы разговорились, потом познакомились поближе. Мне он очень понравился - был на редкость общительным, даже ласковым. Вахтанг тоже стал патриотом нашего дела. Много раз актив собирался у него в кабинете. Позже, когда я выступал на теоретической конференции в Академии наук по теме “Генеалогия месхов”, он был первым, кто публично поддержал меня - говорил с такой убежденностью и страстью, что у многих выступили слезы. Это было в 1968 году.

Близко сошелся и с Георгием Зедгинидзе. Он житель Боржомы, тогда работал директором боржомской школы-интерната. Георгий Зедгинидзе написал исторический роман “Храм матери”, где главным героем был народный освободитель Юсуф. Действие романа разворачивается в XVII веке на юге Грузии в период мусульманизации месхов. По словам Георгия, прототипом Юсуфа послужил ему я.

Нашим сторонником стал и Александр Цуцкиридзе - боржомский архитектор, от которого я получал уйму писем.

Помню, в тот период активной деятельности мы отправились к народному поэту Георгию Леонидзе. Застали его одного на огромной даче в Цхнети. Он радушно принял нас, выслушал,

потом пригласил разделить с ним трапезу. Мы отказались. Он сказал укоризненно: “Как тебе не стыдно - ты же Бараташвили и знаешь законы гостеприимства”. Мы выпили превосходного вина, закусили сыром и сочной зеленью. Леонидзе сказал: “Вместо того, чтобы обращаться ко мне, обратились бы к Ираклию Абашидзе, он теперь большой человек, целыми днями играет с Мжаванадзе⁵⁹ в нарды”. Мы поговорили о незначительных вещах, потом Леонидзе сел в свою “Победу” и поехал на встречу с какими-то гостями.

Мы составили обращение на имя Ираклия Абашидзе. Там такие были слова:

“Наша судьба схожа с судьбой многострадального Сулхан-Сабана Орбелиани. В течение 20 лет мы мучаемся в безвинной ссылке, несмотря на то, что не раз обращались ко всем руководителям партии и правительства. Сейчас во время нашего освободительного движения каждый истинный патриот симпатизирует нам и солидарен с нами. Неужели вы не подадите братской руки помощи, за которую будущие поколения месхов будут вам благодарны”.

Зедгинидзе удалось провести нас в кабинет Ираклия Абашидзе. Мы посидели у прославленного поэта, секретаря Союза писателей Грузии. И ничего не добились, т.к. беседа не состоялась. Нам ничего не оставалось сделать, как оставить свое обращение и уйти.

В июне 1962 года кандидат исторических наук, поэт Шота Ломсадзе обратился к первому секретарю ЦК КП Грузии В. Мжаванадзе со следующим письмом:

“Исторические границы древней Месхети простирались далеко: с юга она доходила до реки Аракс и тянулась до горы Шокартагы, близ города Эрзерум. Это место как наши, так и иностранные летописцы называют “гюрджи-богазы”, то есть грузинский перешеек.

В XV веке после разрушения единого централизованного грузинского государства и образования царств: Картли, Кахети,

59. Мжаванадзе, Василий Павлович (1902-1988) - первый секретарь ЦК КП Грузинской ССР в 1953-1972 годах.

Имерети и княжества Самцхе-Саатабаго для нашей родины с южной границы создается угроза со стороны турецкой границы. В Грузии, охваченной феодальным партикуляризмом, в то время не было реальной силы, которая преградила бы путь турецко-персидской экспансии.

Поэтому уже в XVI веке грузинские царства пытаются заключить союз, объединить силы с единой Россией. Это влекло за собой обострение отношений с Турцией и Персией, которые понимали, что военный союз Грузии с Россией уничтожит их политическое влияние на всем Кавказе. И поэтому захват Грузии стал их неотложной задачей. Ко второй половине XVI века Турция захватила Самцхе-Саатабаго и переименовала его в “Гюрджистанский вилайет” (то есть Грузинская область) или “Ахалцихский пашалык”.

В захваченной Месхети грузинский порядок землепользования был заменен турецким правопорядком, по которому право пользоваться землей имел лишь военнообязанный, а военнообязанными имели право быть только мусульмане. Перед грузинским населением стоял выбор - смерть или принятие мусульманства.

Проведение таких законов, большие налоги и постоянные походы сильно сократили население Месхети. К концу XVI века в этом крае насчитывалось 296 опустошенных деревень, а в 344 деревнях было по одному или два дома. Отказавшихся принять мусульманство насильно переселяли в отдаленные области Турции.

Несмотря на такие насилия большая часть населения Самцхе-Саатабаго в первой половине XVIII века все еще не была мусульманизирована.

По сведению Вахушти, население Джавахети (нынешний Ахалкалакский и Богдановский районы) в первой половине XVIII века было еще полностью христианским. А в Самцхе (нынешний Ахалцихский, Адигенский и Аспиндзский районы) только под сильнейшим давлением крестьянство стало принимать мусульманство.

Грузинский народ всегда стремился вернуть себе утраченные территории и население.

Весь XVIII век прошел в поисках путей освобождения и спасения родного края. Союз с единой Россией казался грузинским политикам реальной возможностью для достижения этой цели. В своих дипломатических договорах с Россией царь Ираклий всегда подчеркивал то обстоятельство, что Месхети извечно была грузинской землей и на ней жили и живут грузины, которые говорят только на грузинском языке и большинство из них все еще христиане.

Царь Ираклий несколько раз совершил походы в целях присоединения этого края, а турки направляли сюда фанатиков-мулл, несколько деревень заселили курдами и терекеминцами и официально запретили христианство.

После присоединения Грузии к России в начале XIX века, Ахалцихе превратился в центр агрессивных действий, направленных против России. Поэтому Россия считала отторжение Ахалцихе от Турции своей неотложной задачей. Это было осуществлено во время русско-турецкой войны 1828-1829 годов.

Прежде знаменитый культурный край Руставели, Тмогвели, Иоане, Эквтиме и Георгия Мтацминдели, Бека и Бешкена Опиари находился в полном упадке. Следы пережитых страданий были глубоко заметны и требовали осторожного и заботливого отношения. Большинство населения составляли грузины-мусульмане, сохранившие родной грузинский язык.

Во время путешествия по этому краю тогдашние публицисты признавали, что общераспространенным языком в этом уезде является грузинский язык (Моуравов, Вейденбаум и др.).

К сожалению, некоторые царские чиновники смотрели на грузин-мусульман как на турецкое население, присоединенное к Российской империи силой войны. Специально для этого населения царизм приводил из Турции духовных пастырей, что еще больше усугубляло здесь фанатизм. Ко всему этому царские чиновники старались выселить из этих мест коренное население и на его место поселить более благонадежных людей.

Так и случилось. В 1828 году из Карса и Эрзерума в Месхети переселили более 30 тысяч армян.

В 1900 году царское правительство для грузин-мусульман этого края открыло духовные школы “медресе”, чтобы способ-

ствовать ускорению внедрения среди них турецкого языка и отрыву месхов-мусульман от остального грузинского народа.

В 20-е годы к этому добавили еще одно преступление: в деревнях грузин-мусульман вместо грузинских школ были открыты азербайджанские.

В ноябре 1944 года жертвой такой политики стали около 130 тысяч грузин-мусульман Месхети: они как “турки” были выселены из коренных мест в республики Средней Азии. Это переселение было двойным преступлением: во-первых, насильственное переселение советских людей без всякой вины из родных мест в совершенно чуждые им климатические условия является нарушением нашей партийной и государственной законности. Во-вторых, не были приняты за историческую достоверность их грузинское происхождение, грузинские фамилии, грузинский язык, наконец, население части Месхети, как например, деревень Татаниси, Свири, Георгицминда, Агара, Мугарети, Сакунети, Шурдо, Зикилия, Чохта, Вале, Бога, Уде, Цниси, Цинубани, Клде, Тоба, Ахашени, Чобарети, Толоши и многих других говорило только на грузинском языке.

Эта часть населения Месхети выделялась своим большим трудолюбием, она имела несравненных специалистов садоводства и животноводства. Переселенные в Среднюю Азию, эти люди доказали свою трудоспособность, и сейчас среди них много героев Социалистического труда, членов бригад коммунистического труда и передовых работников во всех отраслях хозяйства.

Сейчас, когда наше правительство всячески старается исправлять ранее допущенные ошибки, когда уже вернули на родину переселенных чеченцев, ингушей и др., само собой встает вопрос о возвращении на родные земли и вышеупомянутых грузин-мусульман - месхов.

Этот вопрос тем более заслуживает внимания, что наша соседняя республика - Азербайджан переселяет из Средней Азии месхов в свою республику и создает для них условия с целью укоренить их там. Более 10 тысяч человек уже переехали в Азербайджан. Но все же их мысли направлены на возвращение в свою родную Грузинскую республику. Разве Грузия сможет за-

крыть двери перед своими родными кровными сынами - грузинами-мусульманами Месхети?

Выражаем уверенность, что партия и правительство обратят на этот вопрос должное внимание и вынесут справедливое решение.

*Кандидат исторических наук Шота Ломсадзе.
Редактор - действительный член АН Грузинской ССР
Н. Бердзенишвили.
10.6.1962 г.*

Но все оставалось по-прежнему.

Не помню, кто первый предложил обратиться прямо к Ленину - раз все другие обращения остаются безответными. В январе 1964 года было составлено обращение под названием "Символу правды - Ленину!"

Обращение было написано на 14 печатных листах, в нем мы подробно писали о нашей трагической судьбе. Оно заканчивалось следующими словами: "Мы просимся в свой родной край, это природный дар, данный каждому человеку и даже животному - иметь свое родное гнездо".

В Москву это обращение повез старый дядя Сафар - простой крестьянин, который и в столицу отправился в старых кожаных чарухах.

Приехав в Москву, отыскав Красную площадь, встал в хвост длинной очереди, терпеливо продвигаясь к Мавзолею.

Наш посланник положил обращение рядом с Лениным. Его быстро догнал человек в форме капитана: "Товарищ, вы забыли!" Дядя Сафар покачал головой: "Нет, не забыл. Это предназначено Ленину".

Директор интерната, где мы тогда жили с семьей, вызвал меня и срочно отправил к первому секретарю Мингечаурского ГК КП Шахсуварову. Шахсуваров спросил меня - писал ли я в ЦК КПСС? Я ответил: "Вас это совершенно не касается - ни вас, ни ваш ЦК, который не в состоянии решить этот вопрос. Мы писали Ленину".

Шахсуваров спросил, о чем там было написано? Я ответил: “Вряд ли вы это поймете”. “Но этого требует от меня республиканский ЦК, - возразил Шахсуваров и сказал в телефонную трубку, которую держал в руках: - Да, мы нашли этого человека и он - лидер. Сейчас беседую с ним”. И повторил мои слова в трубку.

Оказалось, что Москва тоже ждала, когда найдут меня. Сверху были даны указания вразумить меня.

Шахсуваров попросил копию нашего обращения. Я горько усмехнулся: “Все равно его никто не читает, видимо, боятся его содержания”. Копию я ему доставил, он поблагодарил, прочитав. Этим и закончилась наша очередная попытка привлечь внимание к положению месхов.

В феврале этого же 1964 года в поселке Бука Ташкентской области состоялся съезд месхов в составе 308 человек. Руководил его работой по-левому настроенный Анвер Одобашев. Меня на съезде не было. На съезде были приняты обращения к многочисленным официальным лицам.

30 мая 1964 года мы направили обращение в Академию наук Грузии. Там были такие строки: “Мы мечтаем об объединении с единокровным грузинским народом. Это и дало нам основание обратиться к вам с просьбой помочь нам вновь обрести Родину”.

Я вновь цитирую папины записные книжки.

9-11 ноября 1964 г. Мы в Тбилиси. Умаров (Гозалишвили) Халил, Эюбов (Абашидзе) Джумали, Алимханов (Абуладзе) Азалхан, Шота Ломсадзе, Вахтанг Джапаридзе, из Боржоми приехал Георгий Зедгинидзе, подоспел Александр Цуцкиридзе.

В эти дни познакомился с профессором Павле Хучуа. Он вселил в нас большие надежды. Обещал, что в ноябре поедет в Москву специально по нашему вопросу.

21-23 ноября. Второй раз в Тбилиси. Встретился с Хучуа. Выяснилось, что он ничего не смог сделать. 14 октября Хрущева сняли с поста. Какой дорогой идти теперь?

17-20 декабря. Получил из Тбилиси депешу от Азалхана: “Немедленно приезжай, собрался народ”.

Приехав в Тбилиси, обнаружил, что там уже 53 делегата из

Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Грузии и Азербайджана. Они подготовили заявление, адресованное ЦК КП Грузии. До моего приезда работой руководили Азалхан и Халил. Все три дня делегация тщетно пыталась проникнуть на прием в ЦК.

21 декабря. Поздно вечером я отправил в ЦК с центрального телеграфа такую депешу: “Тбилиси ЦК КП Грузии, тов. Мжаванадзе. Делегация грузин-месхов, прибывшая из среднеазиатских республик, просит приема. Ждем в приемной ЦК. Бараташвили”.

22 декабря. В 9 утра нас - меня, Халила, Анвера, Азалхана, Меджидова, Халилова, Мустафаева Бекира (кстати, он Герой Советского Союза, награжден на войне) - приняли второй и третий секретари ЦК КП Грузии Г. Гегешидзе и Ш. Чануквадзе.

После двухчасовой беседы Гегешидзе сказал: “Оставьте заявление, мы его изучим.” Мы попросили прочитать заявление в нашем присутствии. “Неужели вы нам не верите?” Мы ответили, что хотелось бы, но опасаемся. Секретари прочитали заявление, помолчали. Потом Гегешидзе сказал: “В принципе, вы правы, но...” Далее пошли отговорки, суть которых сводилась к тому, что, увы, Грузия не может нас принять.

Мы наспех пообедали в столовой турбазы, где разместились вся наша делегация, посоветовались и решили, что нужно все-таки увидеть Мжаванадзе. В этот же день в 23 часа была отправлена новая депеша. На другой день нас приняли опять те же секретари ЦК и председатель КГБ Грузии А. Инаури. Беседа длилась 2 часа и закончилась тем же.

24 декабря. Опять были в ЦК. В приемной нам сказали, что вчера вечером после беседы с нами был разговор с Москвой. Москва сообщила, что вопрос реабилитации месхов стоит на повестке дня и будет решен в 1965 году. В приемной нас ждал представитель Управления милиции республики полковник Гварамадзе. Он пригласил нас в городское Управление милиции. По дороге яростно ругал Сталина, выражал нам сочувствие. В городском Управлении нас принял начальник Управления полковник Осебашвили. Проговорили с ним три часа. И Гварамадзе, и Осебашвили убеждали нас, чтобы мы потерпели до 1965 года, тогда все завершится по справедливости. “Вы, месхи, наши кровные

братья, - говорили они, - и все мы должны жить вместе, в Грузии". Выяснилось, что Осебашвили - коллега Азалхана по Закавказскому военному округу, где он работал еще до высылки.

Прибыв на турбазу, мы сообщили результаты встречи и бесед, посоветовались. Решили, что эти обещания исходят из авторитетных органов и что им стоит довериться. 1965 году наш вопрос будет решаться и решится положительно. Осталось ждать недолго. Как и 15 ноября 1944 года, никто не сомневался в гениальности и мудрости Сталина, так и сейчас мы не сомневались, что обещания ЦК КП Грузии искренние и что такие авторитетные органы не смогут унизить себя ложью. Мы решили спокойно разъехаться.

Но было подозрительно, что по приезде из Тбилиси наших товарищей стали притеснять на работе. В Киргизии Анвера Одобашева исключили из партии, Азалхана Алимханова уволили с работы и лишили звания подполковника. Из республиканского Исторического музея выгнали нашего друга Вахтанга Джапаридзе, Шоту Ломсадзе перевели на другую работу, академику Георгию Читая пригрозили.

До сих пор на наши заявления никак не реагировали, теперь же власти показывали свое недовольство. В 1956 году мы были одиноки в своей борьбе, теперь же число наших единомышленников росло с каждым днем.

13 июля 1965 года. И вот я снова в Тбилиси. Вместе с Азалханом были у проректора пединститута Долидзе. Он сказал, что сейчас есть возможность принять месхов в высшие учебные заведения республики по лимиту, то есть без конкурса - этот вопрос мы пробивали 2 года. Мы взяли лимит на поступление трех человек в пединститут.

20 августа. Вернулся в Мингечаур.

9-11 ноября. По словам Азалхана, 26 октября его вызвали в ЦК и устроили допрос: правда ли что, он написал в адрес предстоящего XXIII съезда КПСС заявление и отправил его? Азалхан отрицал это. Еще он сказал, что тысяча семей получают разрешение на въезд в Грузию. Эта информация озадачила нас.

Как устроить наших детей в вузы? Нужно выяснить, как обстоят дела с изданием моих научных трудов - зайти в издатель-

ство, типографию. Также срочно сообщить товарищам информацию, полученную от Азалхана. Правда ли это?

В Тбилиси я посоветовался с Азалханом и Джапаридзе, и мы решили, что ЦК подал нам хорошую идею по поводу обращения к XXIII съезду КПСС.

25 декабря 1965 г. Сегодня я отправил обращение. Составлял его долго, но, кажется, получилось.

Тут я считаю нужным привести выдержки из текста этого обращения.

“XXIII съезду КПСС
от члена КПСС с 1942 года, партбилет № 06009596,
уроженца села Уде Адигенского района Грузинской ССР,
учителя Бараташвили Латифшаха Махсудовича, проживающего
в Аз. ССР, г. Мингечаур, школа-интернат.

“...Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета.

Я обещал, что мы придем туда,
Где ты увидишь, как томятся тени,
Свет разума утратив навсегда...

Что ж ты не спросишь, - молвил мой вожатый, -
Какие духи здесь нашли приют?
Знай, прежде чем продолжить путь начатый,

Что эти не грешили; не спасут
Одни заслуги, если нет крещения,
Которым к вере истинной идут;

Кто жил до христианского ученья,
Тот бога чтит не так, как мы должны.
Таков и я. За эти упущенья,

Не за иное, мы осуждены,
И здесь по приговору высшей воли
Мы жаждем и надежды лишены...”

Данте Алигьери
“Божественная комедия”.

15 ноября 1944 года месхи-мусульмане, попавшие в жертвы культа личности Сталина и провокатора Берия, силой оружия были изгнаны из родного края... Мы думаем, что информация о нас в конце концов дойдет до ЦК КПСС или Совета Министров СССР и найдется такой человек, который займется вопросом нашей реабилитации.

Безусловно, наше переселение не было вызвано военным страхом перед Турцией, потому что авторы черных подделок знали, что мы не турки, а грузины-месхи, и кроме того, между СССР и Турцией есть громадный контраст по соотношению сил. И в действительности, не Советский Союз должен бояться Турции и жертвовать своим населением, а наоборот, турецкая буржуазия должна бояться передовой формации советского общественного строя, высокоразвитой сельскохозяйственной механизации, высокоразвитой науки и техники Советского Союза, высокого уровня военной техники, военных кадров...

Как до исламизации, так и после нее, турки использовали нас, как источник прибыли, подобно балканским и другим кавказским народам. Турки относились к нам недоверчиво и называли нас “гюрджи оглы”, то есть “грузинский сын”. Зависимость месхов от Османской империи продолжалась 250 лет - с 1578 по 1828 год (Болгария была колонией Османской империи 486 лет - с 1393 по 1879 год).

После русско-турецкой войны 1829 года Месхети согласно Адрианопольскому мирному договору была передана России, и царские чиновники на каждом шагу оскорбляли нас, подобно османским захватчикам.

Согласно англо-турецкому мирному договору от 30 октября 1918 года, заключенному на корабле “Агамемнон” на острове

Лемнос, османские войска были отозваны из Самцхе-Джавахе-ти. В 1918 году мы освободились после 340-летнего колониального ига с надеждой, что будем жить на свободе при Советской власти.

После советизации Грузии в феврале 1921 года, части XI Красной Армии без выстрела вошли на территорию Месхети 12 марта 1921 года.

Мы не выставили своих требований об автономии ни Реввоенсовету Кавказского фронта, ни Ревкому Грузии. По предложению нашего первого предревкома товарища Махарадзе представители нашего народа согласились формально не требовать автономии, будучи уверенными, что и без автономии наши народные, экономические и духовные потребности будут удовлетворены. Это так и случилось.

Благодаря ленинской национальной политике с 1921 по 1936 год культурная революция в Месхети закончилась победой. Полностью была ликвидирована безграмотность. В указанный период мы уже имели собственные кадры, богатую экономику и высокую культуру. Обещание товарища Орджоникидзе о развитии экономики и культуры Месхети реально оправдалось.

С 15 ноября 1944 года начинается неопишуемая трагедия месхов.

В 1953-1965 годах мы неоднократно обращались с коллективными и индивидуальными требованиями ко всяким центральным, партийным, государственным и правительственным органам и учреждениям, ко всем видным партийным, государственным и правительственным деятелям вернуть нас на родину. Но, к сожалению, наши требования остались без внимания.

В целях нашей реабилитации мы не раз обращались к ученым Академии наук Грузии, в Союз писателей Грузии, чтобы они помогли нам избавиться от позорной ссылки.

Великая Отечественная война закончилась победой над фашистской Германией. Надо отметить, что в эту победу мы тоже внесли пропорциональную долю...

Среди нас тоже имеются сотни воинов, награжденных орденами и медалями Советского Союза, которые получены за защи-

ту Родины. Солдаты были уверены, что их дети и родные в тылу не останутся без защиты. Наши воины продолжали справедливую войну, думая, что обеспечивают родным счастливую жизнь, и не представляли себе кошмара 1944 года...

Во время моего пребывания в Баку 13 марта 1956 года в архивных материалах я нашел нижеследующий документ, касающийся сына Месхети, опубликованный на первой странице газеты “Бакинский рабочий” от 18 апреля 1945 года, то есть после нашего выселения, а именно:

“ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БЕКИР МУСТАФАЕВ

Гвардии красноармеец Бекир Дурсун оглы Мустафаев, бывший колхозник села Блордза Ахалцихского района Грузинской ССР прошел славный боевой путь. Он участвовал в боях за родной Кавказ, в форсировании Керченского пролива, в разгроме немцев в Крыму, в освобождении Украины от гитлеровских захватчиков.

Только в одном бою за важную высоту Мустафаев в единоборстве с крупными силами врага истребил 40 гитлеровцев, четверых из них - в рукопашной схватке.

За проявленное мужество и героизм доблестному сыну азербайджанского народа гвардии красноармейцу Бекиру Дурсун оглы Мустафаеву присвоено звание Героя Советского Союза.”

Но и помимо товарища Мустафаева среди месхов имеются герои.

Наши грузинские классики, поэты и прозаики своими стихами воспитали молодежь не одного поколения. В 1881 году Рафаэл Эристави дал нам такой наказ:

“Край, где я родился, где с мальчишеской стрелой
Поднялась мечта о счастье над невспаханной землей,
Этот край ношу, как сердце, я в груди всегда с собой,
И за дерево бессмертия на земле чужого рая
Не отдам я скал угрюмых, диких гор родного края...”

Если бы в Закавказье в 1870 году провели железную дорогу Боржоми-Ахалцихе-Батуми, то каменный уголь Вале, диатомит Кисатиба, богатые лесоматериалы Адигени и Абастумани, бесподобные климатические и минеральные курорты и фрукты всей Месхети дали бы большую материальную пользу советским людям. Все это способствовало бы экономическому и культурному развитию Месхети. Эта наша народная мечта так и не осуществилась до Великой Отечественной войны.

Во время Великой Отечественной войны страна не в состоянии была достроить железную дорогу Боржоми-Вале, начатую в 1941 году. Тогда партия и правительство обратились за помощью для достройки железной дороги ко всем колхозникам и колхозницам Месхети - молодым и старым.

Месхи, как всегда, откликнулись на зов партии. В 1941-1944 годах они за счет своих трудодней проложили железную дорогу Боржоми-Вале длиной 70 км. В результате же нас посадили в разбитые товарные вагоны и первым же рейсом этой дороги (!) отправили в месячный путь на поселение в отдаленные уголки Средней Азии.

У нас отобрали родину, человеческие и гражданские права, которые дала нам Великая Октябрьская Социалистическая революция.

Первые годы нашей высылки явились “экзаменационными” годами. Те, кто был физически силен, кто мог привыкнуть к среднеазиатскому климату, остались в живых. А остальные вымерли от голода, холода, бесчеловечного обращения в комендатурах и т. д...

Надеялись, что после победы над Германией мы получим возможность вернуться в родные места. Но этого не случилось. Более того, в 1953-1964 годах репрессии над нами усилились. Изгнание всех нас со своей родины было узаконено. Даже после разоблачения культа личности Сталина и авантюриста провокатора Берия, которые и осуществили это переселение, мы не добились ничего. Наоборот, шантажом и обманом в 1954 году нас заставили подписаться под текстом, где было сказано, будто мы согласны не требовать своего законного права - возвращения на родину, что мы согласны жить в пожизненной ссылке.

Мы потеряли свой родной край, вынуждены приспособляться к чужим языкам, обычаям, климатическим условиям и т.д. При выдаче паспортов в 1954 году нам были изменены фамилии и национальность. Так, в частности, мне был выдан паспорт с указанием национальности - “азербайджанец”, моему родному брату Батталу Бараташвили написали, что он “турок”, а второму брату - “грузин”. Так поступили и с другими семьями месхов. Пытались разобщить нас даже в родстве. Вот что мы получили от разоблачения культа личности Сталина и руководителя провокаторской банды Берия.

Тем не менее, мы ежегодно ждали нашей реабилитации в честь 36-й, 37-й... и вплоть до 48-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции, но все оставалось без изменений.

Мы ждали, что такой большой вопрос, как наш, безусловно будет рассмотрен съездами КПСС и мы будем реабилитированы. Но после бесчисленных и систематических жалоб в рамках Конституции СССР и устава КПСС у нас ничего не вышло.

Нас не реабилитировали ни XX, ни XXI, ни XXII съезды КПСС. А теперь наши последние чаяния на XXIII съезд партии.

Несмотря на то, что в специальном письме ЦК КПСС до конца были осуждены культ личности и его последствия, наш вопрос все же не разрешен.

Обращаясь к истории, вспомним такой факт. В 1828 году царский наместник на Кавказе, колонизатор, русификатор-монархист граф Паскевич занял Ахалцихе. Он официально переименовал нас в “татары”, чтобы легче было обменять нас на эрзерумских армян. Цель графа была частично достигнута. Из Ахалцихе в Турцию переселили грузин-мусульман как “татары”, оттуда приняли армян и поселили на нашей территории.

Вот в чем узловой секрет нашего национального вопроса, который с помощью Паскевича был начат в 1830 году, а Сталин и Берия завершили его 15 ноября 1944 года.

Но для нас непонятно и больно, почему же секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе является сторонником задержки разрешения вопроса о нашей реабилитации. Неужели он не знает

месхов Бараташвили, Абашидзе, Гозалишвили, кто же они, если не грузины?

Прошу не счесть меня нескромным, если я сообщу о своей семейной жизни. Мне как коммунисту, стыдно оглашать, что мои партия и правительство, Сталин, в которого мы верили больше, чем фанатики в бога, разрушили мне жизнь.

Сначала пользовались мной, потом выпроводили из родного края, насильно разделили с женой, Зинаидой Гигинеишвили. Она была из христианской семьи из села Гулухети Абашского района, член партии с 1932 года, окончила Коммунистический университет, последнее время работала учительницей в селе Уде Адигенского района. После нашей высылки она осталась в Грузии, ее замучили подручные Берия, назвав “турецкой шпионкой”. В конце концов она не вынесла этих мучений, сошла с ума и скончалась.

Эта современная “Божественная комедия” произошла не только в моей семье, но со многими семьями нашего народа.

Уместно напомнить здесь следующий момент из книги “Бальтазар Косса” демократического писателя Греции Александра Парадисиса, который, разоблачая беспощадную католическую инквизицию, пишет: “В 1492 году Фердинанд Католик выгнал из Испании всё мусульманское население, которое отказалось принять христианскую веру”. Тех, кого не удалось выселить, обвинили в “отвержении религии”. Наказание - сожжение на костре после страшных пыток.

От первой партии мусульман, посаженных на корабль, из 140 тысяч человек более 100 тысяч погибли от голода и жажды. Католическая церковь отправила их на гибель. Король выгнал их из страны как мусульман. Кроме тех, которые погибли по вышеуказанным причинам, еще тысячами уничтожали экипажи кораблей, везущие их. Приблизительно два миллиона мавров было уничтожено в Испании.

И вот через 5 столетий почти так же поступили с нами, с месхами.

Османский и романовский императоры эксплуатировали грузинское племя месхов, издевались над ним, уничтожали... Проводили мусульманизацию, мучили 340 лет. Но все же они не

нарушали элементарных человеческих прав - не отнимали у нас родины. Шах-Аббас в 1616 году выслал в Иран около 300 тысяч грузин-кахетинцев; и Сталин в 1944 году под маской защиты социализма выселил с Кавказа около 3 млн. представителей разных малочисленных народов. Однако эти выселенные с Кавказа народности вернулись на свою родину. Когда же наконец решится и наша реабилитация?

Мы никогда не выходили за рамки терпения, не обращались к другим демократическим, коммунистическим партиям, не обращались к посланцам враждебных государств, не проводили демонстрации, не объявляли забастовок, голодовок из-за беззакония.

Разве справедливо забыть исторические заслуги благородных и героических месхов перед родной Грузией, которые, несмотря на разрушение своей экономики и культуры, в течение многих веков защищали родную Грузию от разных захватчиков и тем самым спасли экономику, культуру и самобытность остальной части Грузии.

Мы не можем стать космополитами перед своим народом. Но быть патриотом своей родины - высшее качество коммуниста. Так обучала и воспитывала нас ленинская партия в течение полувека.

Веря XX съезду КПСС, мы расширили освободительное движение повсюду, где мы рассеяны.

Мы ни в чем не погрешим, если попросим родную коммунистическую партию проявить о нас отцовскую заботу: вернуть нам дар природы, который был отобран силой оружия по вине высшей власти.

По существу, мы чужого и лишнего не хотим. Отобранное у нас имущество было плодами нашего честного труда. Мы просимся в свой родной край, в Грузию.

Мы не собираемся учить президиум XXIII съезда КПСС, а просим простить за подказку. Ведь и врач лечит больного лишь после того, как узнает, где и что у того болит.

Месхи являются частью грузин, народом, который имел свою экономику, историю, территорию, этнографию, этнику, демографию.

До сих пор мы проклинаяем османского султана за то, что, когда месхи были слабыми, он, пользуясь своей силой, издевался над ними. Конечно, мы, нынешнее поколение, не можем отвечать за партикуляризм средневековых грузинских феодалов, как современное болгарское поколение не отвечает за турок и за слабость средневековых болгар. Ведь Болгария тоже являлась частью Османской империи с 1393 по 1879 год.

Советское правительство помогало нам, как и многим другим, строить счастливую жизнь, но не для того, чтобы совсем уничтожить нас.

В течение 1921-1944 годов месхи сознательно трудились на строительстве социализма ради того, чтобы будущие поколения стали хозяевами своей родины.

В течение 1936-1953 годов шаг за шагом продолжалась пачкотня авторитета нашего народа перед правительством СССР с целью поднятия своего авторитета со стороны банды Берии.

В период 1942-1944 годов провокация против нас достигла кульминационного момента.

Летом 1943 года из Аджарии были подсланы некто “Джанполад Платели оглы” и его соратники - Аслан и Каflan, которые были названы Адигенским НКВД. Задание было таким: спровоцировать вооруженное столкновение у села Мохе и преподнести его как антисоветскую выходку со стороны месхов.

Летом провокатор убил несколько человек: Мусаева Маликбека (сотрудника Адигенского РайНКВД, жителя села Смада, за то, что он хотел задержать его), Махмудова Бинали и несколько военнослужащих.

Председатель Райпотребсоюза Адигенского района, житель села Уде Чилашвили Бинали рассказывал: “В октябре 1943 года, когда я был прикреплен к селу Мохе, как уполномоченный Адигенского райкома партии, мне было поручено наблюдать за хозяйственной и политической жизнью села Мохе. Однажды вечером я раздавал повестки Райвоенкомата о мобилизации в ряды Красной Армии. Утром я узнал, что еще до выдачи повесток начальник Адигенского РайНКВД раздал призывникам винтовки и патроны и направил их к “Джанполладу”. Таким образом они

стали “дезертирами”, неосознанно исполняя роль месхов-бандитов.

Таких “дезертиров” насчитывалось не более 15-20 человек (после эта цифра была увеличена до значения “икс”).

“Далее, - рассказывал Чилашвили, - я мгновенно доложил обстановку первому секретарю Адигенского райкома партии товарищу Геладзе. Наверное, он принял соответствующие меры, и потому начальника НКВД Караханяна перевели на другую должность”.

Вот когда еще начались эти провокации.

В октябре 1943 года в селе Мохе для борьбы с вышеупомянутыми бандитами создали истребительный батальон Адигенского, Аспиндзского, Ахалцихского районов и входящих в них сельсоветов.

Лично я был в батальоне от Удинского сельсовета и принимал участие в так называемом “Мохинском бою”.

Для придания большей значимости данного случая в эти дни в Мохе находились сам комиссар НКВД Грузинской ССР Рапава и его соратники. Туда же были созваны некоторые части пограничных войск.

“Операция” против дезертиров длилась 7 дней. Во время операции никто не был пойман. После роспуска пограничников и истребителей дезертиры сдались добровольно.

Находясь в Аджарии, зимой 1944 года провокатор “Джанполд” убил еще несколько человек. Наконец, к весне 1944 года на Дидаджарском мосту этот бандит был убит органами НКВД Аджарии.

Соратники провокатора Аслан и Каflan исчезли с арены провокации.

В результате этих и других провокаций в 1943 году был заложен фундамент для обоснования высылки, которая была проведена в рамках спецоперации НКВД СССР 15 ноября 1944 года.

Чтобы представить конкретно, какой ущерб понес наш народ, я приведу следующие цифры:

	<i>Районы</i>	<i>Кол-во сел</i>	<i>Кол-во человек</i>	<i>Кол-во семей</i>
1.	Адигени	73	65 700	10 950
2.	Ахалцихе	70	66 000	10 500
3.	Аспиндза	65	58 500	9750
4.	Ахалкалаки	10	9 000	1 500
5.	Богдановка	2	1 800	300
	Итого:	220	198000	33 000

Сумма изъятого имущества в новом исчислении (то есть после денежной реформы 1961 года) такова: в Адигени - 54 млн. 750 тысяч рублей, в Ахалцихе - 52 млн. 250 тысяч рублей, в Аспиндзском районе - 48 млн. 750 тысяч рублей, в Ахалкалаки - 75 млн. рублей, в Богдановке - 15 млн. рублей.

В общем, уровень беззакония дошел до того, что в 1944 году при социализме, под маской защиты социализма, под знаменем Ленина стали награждать орденами и медалями тех, кто отличился своей жестокостью во время высылки с Кавказа малочисленных мусульманских народов. Эти ордена и медали до сих пор не отобраны и не аннулированы.

Нам обидно, что некоторые работники были награждены за это чудовищное попрание прав малочисленных народов и надемся, что сейчас наше правительство найдет возможным отобрать ордена и медали и аннулировать их.

До сих пор продолжается слежка за нами, как будто месхи - шпионы иностранных государств. В связи с усилением нашего освободительного движения КГБ тоже начал активно заниматься торможением наших дел.

Сначала они обратились к писателям и поэтам Грузии, чтобы те написали либо повесть, либо роман, чем можно было бы оправдаться, что высылка месхов-мусульман была действительно закономерна и была на пользу социализма и коммунизма. Когда такого писателя не нашли, то поручили это задание месху-ком-

мунисту, работающему всю свою жизнь в контрразведке, подполковнику пограничных войск Алимханову (Абуладзе) Азалхану, который в настоящее время в 1984г. живет в Тбилиси, и обещали ему хорошее вознаграждение. Но Алимханов отказался быть предателем. Поэтому, по инициативе заместителя председателя Комитета безопасности, его уволили с работы.

Уместно вспомнить здесь, что после нашей высылки Алимханов был снят с работы как лицо, которому не доверяют, ссылаясь на то, что его личное дело “потеряно” из сейфа республиканского погранштаба (!). До сих пор Алимханова не оставляют в покое. Его также хотят выслать из Тбилиси, но пока не найдена причина.

Наконец, нашли “писателя”, дали ему задание, название темы: “Пароль Ак-Чай” и псевдоним С. Прага. Компания началась с выступления на страницах газеты “Молодежь Грузии” и длилась с 1964 по 1965 год.

Прага сочинил “документальную” повесть для дискредитации месхов-мусульман.

Мы требуем прекратить оскорбления славных тружеников, учителей, рабочих, колхозников, коммунистов и беспартийных.

“Грешником” оказался и Одобашев Анвер, проживающий в настоящее время в 1984г. в г. Фрунзе⁶⁰ Киргизской ССР. В 1964 году его исключили из рядов партии за активное руководство патриотическим движением нашего народа. Все это оформили как неполадки с супругой. На самом деле Одобашев - старый коммунист, педагог, старший лейтенант запаса, кавалер орденов Красной Звезды и Красного Знамени.

На этот раз мы уверены, что ленинский XXIII съезд партии, которая в последнее время особое внимание уделяет вопросам национальной политики, окажет необходимую помощь в этом историческом деле, послужит примером всем народам мира.

Месхи - грузины-мусульмане - незаменимые животноводы, садоводы и земледельцы, трудолюбивые и честные люди. Нет сомнения, что в своем родном краю они смогут принести большую пользу нашему сельскому хозяйству и животноводству.

60. Фрунзе - название г. Бишкека, столицы Киргизии в 1926-1991 гг.

Таким образом, реабилитация месхов заслуживает особого внимания с политической, экономической, национальной, исторической и демографической точек зрения.

Мы также уверены, что эта мера будет воспринята всем грузинским народом, как новое подтверждение особой заботы со стороны нашей партии и правительства о его исторической судьбе, что и послужит основанием для новых трудовых и хозяйственных подвигов нашего народа.

*Л. Бараташвили,
25. 12. 1965 г.,
г. Мингечаур”.*

Продолжаю цитировать записные книжки.

4 января 1966 г. Из Тбилиси получил депешу: “Ждем тебя, срочно выезжай. Халил”. Я выехал 6 января. 31 декабря умер отец.

9 января. Умаров Халил, Асланов Ислам, Ашрафов Иса вернулись в Мугань. Выяснили вопрос о Комитете, который, по словам секретаря ЦК КП Грузии Д. Стуруа, будет заниматься переселением. Об этом Комитете говорил мне Д. Стуруа в конце 1965 года. “В ЦК, - сказал он, - стоит вопрос о возвращении тысячи семей в Грузию”. Стуруа даже назвал мне состав этого Комитета. Туда вошли и незнакомые мне люди - Цамцишвили Амиран, Чиковани Темури, а также прозвучали и знакомые мне фамилии: Шота Ломсадзе, академик Чангашвили, наш Азалхан.

Как выяснилось, комитета как такового нет, как нет и решения о возвращении тысячи наших семей.

11 января. Зашел в МООП (Министерство охраны общественного порядка). Добился приема у министра Шеварднадзе. Я спросил его: “Вам известно, что в ЦК КП Грузии решен вопрос о возвращении месхов в Грузию?” Шеварднадзе ответил, что слышит это впервые. “А я информирован о том, что вы должны зарегистрировать возвращающихся месхов. Эта информация поступила от секретаря ЦК КП Грузии Д. Стуруа”. Министр ответил:

“Ничего подобного я не слышал и не знаю”, - и повторил несколько раз: “Не знаю”. Но принял меня хорошо. Тут же я позвонил по номеру 3-03-69 секретарю ЦК КП Грузии Д. Стуруа. Трубку взял его секретарь. Я попросился на прием. Меня записали на 18 января 1966 г.

19 января. Вчера в 10 часов утра я был в приемной Стуруа. Его секретарь сказал мне: “Вопрос вашего переселения - это вопрос государственных органов, а не партийных. Так какой смысл говорить об этом здесь?”

Мне вспомнились события декабря 1964 года: 20-27 декабря в ЦК КП Грузии были 53 делегата из средней Азии и я. Мы вынудили ЦК принять нас трижды. Мжаванадзе спрятался. А в четвертый раз нас вообще обманули: пообещали решить вопрос в 1965 году. И тогда мы убедились, что ЦК обвел нас вокруг пальца.

26 февраля 1966 г. Мы с Азалханом поехали в Мугань, чтобы послать человека во Фрунзе. Надо, чтобы оттуда тоже начали писать заявления в адрес XXIII съезда КПСС. Он остался в Мугани у своей матери. Я же 28 февраля отправляюсь в Мингечаур.

3 марта. Директор интерната, в котором я работал, сообщил мне, что Мингечаурский отдел КГБ вызвал меня. Когда я пришел туда, мне сказали: “Когда нужно будет - вызовем снова“. Помню, 19 февраля 1966 года Г. Чангашвили и С. Табатадзе привели меня к секретарю ЦК Грузии Д. Стуруа. По его совету мы перевели наши заявления на грузинский язык. Под этим заявлением расписались те месхи, которые говорили на грузинском языке.

27 марта. Это были дни школьных каникул. Мы с Халилом 25 марта должны были поехать в Тбилиси. 24 марта подготовились к отъезду, но в день отъезда рано утром наш председатель профкома сообщил мне, что я не должен ехать в Тбилиси (оказалось, что из КГБ директору школы поручили не выпускать меня за пределы города. Наш директор, как впоследствии выяснилось, задерживал мои письма). До сих пор не знаю, когда окончится домашний арест.

В апреле 1966 года я, заведующий отделом Исторического музея в Тбилиси Шота Ломсадзе, ныне покойный Георгий Ка-

панадзе - нумизматик и Азалхан Алимханов (Абуладзе) решили от имени грузинских мусульман встретиться с Католикосом-Патриархом всея Грузии.

Чтобы попасть к нему, необходимо было предварительно записаться на прием. Встреча была торжественной. Этикет общения с владыкой христианской церкви Грузии обязывал всех нас приложиться к руке Католикоса. Тут я задался вопросом: “В праве ли я, коммунист, идти на этот шаг?” Несколько поколебавшись, решил, что во имя возвращения месхов, во имя родины я должен пойти на все. Католикос-Патриарх отнесся к нам сочувственно, однако и эта наша попытка ничем не увенчалась.

“Для нас вы - отрезанный ломоть”, - сказал он нам.

5 мая 1966 г. Приехал Одобашев Анвер с двумя товарищами. Долго беседовали. Анвер рассказал, что произошло 23 марта 1966 г. в аэропорту г. Фрунзе.

А. Одобашев и А. Иззатов должны были вылететь в Тбилиси. Их провожали около сотни месхов. Целью поездки было договориться с властями Грузии о местах нашего переселения. Провожающие в знак уважения к своим делегатам в порядке очереди подали их билеты на регистрацию. Стоящий за стойкой работник КГБ забрал билеты, передал их другому лицу и затем порвал посадочные талоны на глазах у всех. Это вызвало возмущение и негодование среди находящихся в зале и было явной провокацией. На шум и возмущение провожающих был вызван наряд милиции, который арестовал 12 человек, в том числе и Одобашева с Иззатовым. Одобашева схватили двое в штатском. В одном из них Анвер узнал сотрудника КГБ Петрова.

Народный суд, основываясь на ложных показаниях подставных лиц, наказал Одобашева и Иззатова арестом на 7 суток, а затем добавил еще восемь суток.

После суда более трехсот грузин-мусульман явились к зданию ЦК КП Киргизии в знак протеста против произвола и насилия. Председатель Президиума Верховного Совета Киргизской ССР тов. Кулатов принял представителей народа - Байрамова, Алиева и Одобашеву и пообещал им...

Мы с Анвером пришли к выводу: если Грузия нас не примет, организуем переселение народа в Джейран-чель (недалеко от Казаха в Азербайджане). Это место наиболее благоприятно.

7 мая. Узнал, что Мжаванадзе провел заседание ЦК. Вынесли решение: месхи не должны возвращаться в Грузию.

17 мая. Меня вызвали в Мингечаурский отдел КГБ. Как всегда, мне пришлось ответить на множество вопросов. Я рассказал, что мы ищем пути освобождения месхов. Мне сказали: “Живите как живете, чего вам не хватает? Зачем вам свобода?” Встреча продолжалась три часа.

12 июля. Тбилиси. Устроился в гостинице “Интурист”, созвал собрание. 10 представителей из Мугани и средней Азии. Посоветались. Обсудили текущий момент.

25 июля. Купил один экземпляр своей книги о нашей этнографии.

2 августа. Уже 21 день, как я в Тбилиси. Взял приказ о зачислении Тамары в пединститут. Тамара поступила туда по лимиту. (В июне прошлого года зам. министра высшего и среднего специального образования Грузии З. Поракишвили дал слово зачислить в вузы столько, сколько бы мы ни привезли своих представителей).

24 августа. Тамара поступила. Мы всей семьей выехали в Мингечаур.

* * *

С 1965 года по май 1968 года делегаты месхов из Азербайджана и средней Азии периодически ездили в Москву. Обращались в Верховный Совет, бывали на приемах в ЦК КПСС (приемов приходилось ждать по нескольку дней). Очень надеялись на перемены. Мы верили в гуманность и справедливость партии и правительства.

В 10-15 числах июня 1968 года в газетах Узбекистана появилось сообщение об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года о том, что выселенным в 1944 году из Грузии в Среднюю Азию туркам, курдам, хемшилам разрешает-

ся избрать местом жительства любое место на территории СССР. В нем говорилось: государство не берет на себя материальной ответственности за переселение, государство не возвращает конфискованное имущество. О том, что народ может вернуться в места, откуда был выселен, ничего не говорилось.

Я полагаю, что этим Указом мы обречены на насильственную ассимиляцию с большими народами и, следовательно, на вымирание. И, наконец, не упоминая в Указе о нас, как о месхах - грузинах-мусульманах, а применяя термин “турки”, власти хотели окончательно решить наш национальный вопрос.

Было жаркое лето 1968 года. Год назад я закончила школу. Все мои друзья и знакомые ринулись в вузы. Я оставалась в стороне.

Училась я легко и свободно могла вытянуть на золотую медаль. Но в начале учебного года болезнь свалила маму.

В сентябрьское воскресенье мы должны были переезжать в большую трехкомнатную квартиру в центре города. А в субботу маму с работы увезли в больницу. Мы переезжали одни.

Когда вещи были выгружены в пустой комнате, я села на узлы и стала думать: как же мы будем жить дальше? Мама в больнице, Тамара - в институте. Кто будет готовить, гладить, водить Баратика в садик, обживать квартиру? Я понимала, что все это должна буду делать я, и чувствовала себя не готовой к этому.

У меня была веселая, беззаботная жизнь, состоящая преимущественно из того, что я тренировалась в секциях по настольному теннису и волейболу, футбол я гоняла так, без секции, с интерна-товскими мальчишками, лазила по бесчисленным чердакам и забoram. А по ночам читала жгучие романы о любви, путешествиях и открытиях. Уроки я учила мимоходом, легко получая “пятерки”. Читала я много, все подряд. Литература стала моим кумиром, хотя я любила и историю, и точные науки, и сносно их знала.

Теперь же на меня обрушились новые заботы. Десятый класс стал для меня и житейской школой. Мне пришлось научиться стирать, готовить, рано вставать, заботиться обо всех. Так что медаль уплывала из моих рук. Впрочем, меня это не очень огорчало. Огорчало другое - я чувствовала, что летом не поеду поступать.

Тамара приезжала часто и блестя глазами, с восторгом расска-

зывала о своей группе, о студгородке в Ваке, новых друзьях из ГПИ - Грузинского политехнического института (ГПИ она произносила уже с тбилисским акцентом - "гэ-пэ-и", и в этом был особый шик), о том, какие славные ребята там учатся - Амиран, Вова, Тенгиз, и как они великолепно поют в три голоса, о том, как они на практике лазили по горам, как всей группой ходили в оперу и были на концерте самого Джорджа Марьяновича⁶¹...

Рассказы эти вызывали во мне острую зависть, и я твердо решила, разглядывая изящно одетую сестру, что буду учиться только в Тбилиси. И только в ГПИ.

В июне я легко сдала все экзамены. Аттестат у меня получился хороший, как сейчас бы сказали, четыре с половиной. Но маме не становилось лучше, и на семейном совете было решено, что в этом году я не буду поступать. Я проплакала тайком полдня и, вытерев слезы, спрятала новенький аттестат в бельевои шкафу.

В сентябре я устроилась пионервожатой в школе и проработала там до лета.

Итак, было жаркое лето 1968 года...

Мы с папой снимали узенькую комнату в центре Тбилиси, в которую рано утром влетали пучки солнечного света и также стремительно исчезали, и весь день комнатка было прохладной и полутемной. Это был типичный тбилисский дом с общей скрипучей верандой, с общей лестницей и расшатанными перилами, с внутренним двориком, который был своего рода общественным центром дома.

Цельми днями я листала учебники, списывая тетради формулами. Папа пропадал по своим делам. Но иногда мы с ним совершали пешие вылазки на Мтацминду. Папа настаивал, чтобы я брала с собой учебники и готовилась к экзаменам там. Мы запасались едой на целый день, я надевала кеды, и вдвоем мы карабкались к церкви св. Давида, которая казалась снизу маленькой белой игрушкой среди сумрачной зелени.

Взобравшись, мы первым делом шли к склепу Грибоедова и Нины Чавчавадзе. Потом обходили надгробия Николоза Бараташвили, Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе, и папа всякий раз рассказывал мне что-нибудь о них. Потом он подводил меня к живописным ва-

61. Джордже Марьянович (род. в 1931 г.) - сербский певец и композитор

лунам. Вот на этих камнях, говорил он, мы в 30-е годы готовились к экзаменам в Комуниверситете.

Я понимала, что папе хочется видеть во мне свою юность, чтобы и я сидела здесь, где витает дух наших великих предков, и сосредоточенно вбирала знания.

Но какая могла быть сосредоточенность, когда вокруг было столько интересного! Я часто простаивала перед могилой Грибоедова, схватившись за чугунную ограду склепа, увитого плющом. Пристально вглядывалась в очертания бронзового ангела, скорбно припавшего к надгробному кресту... И очень живо воображала, как Пушкин встречается в горах Месхети (а дорога в Арзрум ведет только через Месхети!) скрипучую арбу, спрашивает - кого везете? и в ответ слышит - Грибоеда. Возчики мне представляются с унылыми лицами, головы их, должно быть, обвязаны башлыками. И волов они погоняют также уныло; и слышно лишь осторожное цоканье копыт по опасной дороге. Пушкин долго смотрит вслед повозке, заслоня ладонью от солнца, и с кисти его руки свисает кожаная камча. Легонько трогает коня, и вот фигура в черной бурке становится все меньше и меньше... Потом Пушкин напишет: "Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни".

Настойчивый голос экскурсовода с трудом отрывал меня от этих видений. Тогда я начинала бродить по уютным аллеям, заходила иногда в церковь. Однажды я попала на службу. Торжественно пел хор. Я видела старушек, которые истово крестились с просветленными лицами и тех, кто, распластавшись, неподвижно лежал на каменных плитах. Чувствовалось, что никакая внешняя сила не оторвет их от пола...

Мне становилось не по себе от этого зрелища, и я выходила из церкви, сбегая по каменным ступеням.

Внизу в синеватой дымке таился необъятный город, который предстояло узнать и полюбить.

Однажды, когда я корпела над физикой, пришел папа - взволнованный и бледный. Он велел мне бросить все, и взяв за руку, как маленькую, почти бегом повел вниз, по кривой булыжной улочке. Мы спускались к нарядному центру. На мои вопросы папа отвечал невнятно, что-то вроде: такое не увидишь ни в кино, ни в театре. Мне очень некогда, но тебе надо это видеть.

Мы вышли к саду Коммунаров⁶², окруженному толпой людей. Папа оставил меня на пригорке, велел никуда не отлучаться, а только смотреть и запоминать.

Я стала смотреть. И увидела знакомые лица и наряды. Я поняла, что это были наши делегаты, о которых говорил папа. Вот эти из Самарканда, эти из Казахстана, те - из Азербайджана. Я видела их загорелые лица, коренастые фигуры. Женщины были в деревенских нарядах - пышных многослойных юбках, головы были обвязаны лечаком из тонкого батиста, в руках - яркие узлы.

Сад был окружен милиционерами. Сцепив руки, они стояли плотным кольцом. Я увидела, как папа, ловко протискиваясь в толпе, пробирался к центру сада. Вот он что-то убедительно говорит бесстрастному милиционеру. Вот он уже в центре делегатов.

Теряя папу из виду, я принялась разглядывать толпу. Она состояла из горожан, глазевших на зрелище с праздным любопытством.

К саду начали подъезжать маленькие автобусы - "Пазики". Кольцо дрогнуло, разомкнулось и растерянных людей стали впахивать в быстро открывающиеся двери. Люди закричали. Внутри у меня все похолодело. Мне стало страшно. Ничего не понимая, я видела только, как ярко взметнулись цветные юбки, как женщины, изгибаясь, отбивались узлами. В толпе загудели: "В чем вина этих людей?" "За что их так?"

Одна из женщин, сцепившись в молоденького милиционера, кричала: "Что ты делаешь, дурень? Какие мы преступники?" "Ты-то живешь на своей земле! - кричала другая. - И мы этого хотим".

Потом пошла рукопаиная. Мужчины отбивались молча... В толпе появились фотоаппараты, застрекотали камеры, но тут же были изъяты. Толпа гудела. Автобусы торопливо отъезжали один за другим.

Я наблюдала все это с колотящимся сердцем.

Папа появился рядом, возмущенно повторяя: "Какое коварство, какая низость!"

Оказалось, что нашей делегации в тот день была назначена аудиенция в ЦК, и она собиралась в саду, чтобы обговорить детали

62. Александровский сад

предстоящего приема. Вот тут-то их и захватили - всех вместе. И, применяя грубое насилие, вывезли за черту города.

Конечно же, после этого ни о каком приеме в ЦК не могло быть и речи.

То лето оказалось на редкость неудачливым. Я не поступила в ГПИ.

Но главная неудача была в том, что такой нечестный прием со стороны властей оказался последней каплей, долбящей камень: народ разуверился в возможности обрести родину при нынешнем положении дел. Комитет распался, единство взглядов на дальнейший ход событий было нарушено.

Движение стало напоминать облитый водой костер, в котором, если и оставались горящие угольки, то и они угасали под мокрыми поленьями.

Папа тяжело переживал все это.

Через год, блестяще сдав экзамены, я поступила в Ленинградский инженерно-строительный институт. Папа радовался этому не столько как отец, сколько как лидер мсхов. "Нам нужны будут свои кадры и в первую очередь - строители, которым предстоит возродить родные очаги", - говорил он, и это накладывало на меня дополнительную ответственность.

Я получила инженерное образование, приехала работать в Новгород по распределению, рвалась только на стройку, чтобы окончательно сформироваться, как специалист.

Но в активе у меня был не только диплом инженера-строителя.

Пять лет в Ленинграде были для меня ценнейшими годами самообразования и самовоспитания. Студенчество мое было насыщенным, хотя и не лишенным молодой беспечности.

Я познавала архитектуру и живопись, театр и музыку, привыкла к сумрачным залам публички, стала ценить северную сдержанность.

Ленинград свел меня со многими людьми, научил общаться, дружить и любить.

Именно ленинградские друзья натолкнули меня на мысль привести в порядок папин архив. Благодаря им начаты эти записки.

Осенью 1981 года я смотрела телепередачу из Останкинской студии. Шел вечер встречи с Нодаром Думбадзе. Я любила этого

писателя - он помог мне открыть мир грузинской литературы, слабо ведомый ранее. Буквально на днях ему была присуждена Ленинская премия за роман "Закон вечности".

Думбадзе вдумчиво говорил о долге писателя, о том, что настоящий художник выражает чаяния народа, что он должен идти впереди народа, звать к прекрасному...

Я слушала эти слова, смотрела, как он внимательно щурится, напряженно вслушиваясь в вопросы, кивает красивой седой головой, и чувствовала, как во мне все начинает протестовать.

Не дожидаясь конца передачи, я начала писать ему письмо.

"О каком долге писателя вы говорите, - строчила я, - когда сотни тысяч месхов - ваших кровных братьев - выселены из родных мест, а вы молчите об этом. Какие чаяния вы можете выражать, когда не знаете и не хотите знать о чаяниях этих людей. Куда вы можете звать народ, если вы палец о палец не ударили для его спасения".

Письмо вышло гневным, но я все же отправила его.

Вскоре я получила ответ.

"8.12.81

Дорогая Клара!

Получил ваше письмо. Оно и растрогало меня и расстроило. Да и кто поймет вас лучше, чем сын репрессированных и расстрелянных в 1937 году родителей?

Образованная и умная женщина, Вы можете и должны представлять себе, как трудно нам теперь, спустя 40 лет, исправлять пагубные последствия ошибок, допущенных нашими предшественниками. Стенания - наши, мои, моих товарищей не помогут скорому возвращению пятидесяти тысяч месхских семейств, выселенных в 1944 году. Выселять народы - одно, а вот возвращать их в родные края, притом в столь же оперативном порядке, расселять и трудоустраивать людей, разводить новые очаги, строить школы, другие учреждения - очень сложное дело. Но почему Вы полагаете, что мы тут ничего в этом направлении не делаем? Нет, делаем, и делаем многое, хотя шума вокруг не создаем. Многие из нас - писатели, историки и др. - не раз встречались с руководством

республики по вопросу судьбы месхов. Если бы все зависело от Э. Шеварднадзе...

Руководители республики внимательно выслушивали нас, принимая близко к сердцу судьбу месхов. У нас создан комитет по трудоустройству возвратившихся месхов, несправедливо выселенных в тот период. Однако все это требует огромного терпения, большой моральной подготовки и методической разработки решения вопроса, тщательного экономического анализа.

Так что, дорогая Клара, не думайте, что мы, красуясь перед телезрителями, сидим между тем сложа руки. Мы делаем все, что в наших силах, и поверьте, перенесенные мною два инфаркта были или есть следствием вовсе не сладкой жизни.

Огромное спасибо вам за ваши теплые слова! С признательностью и глубоким уважением целую Ваши руки.

Ваш Нодар Думбадзе”.

Наша оторванность не позволяла иметь какое-либо представление о нынешнем отношении в Грузии к этому вопросу. Тем более приятно было узнать о сочувствии к нам такого крупного писателя, как Нодар Думбадзе.

Озабоченность судьбой месхов, стремление к положительному решению этого вопроса подтвердились и в личных встречах с представителями грузинской интеллигенции.

Темур Чхеидзе один из них. Мы с Баратом познакомимся с ним в 1984 году на гастролях театра им. Марджанишвили - тогда он был его художественным руководителем.

Он привел нас в полутемное Ермолинское фойе малого театра, где поблескивал янтарный паркет и тяжелыми складками спадали бархатные портьеры. За окнами шумела летняя Москва.

Мы сидели в глубоких старинных креслах и говорили о Грузии, о ее нелегкой судьбе, о том, сколько испытаний еще предстоит ей преодолеть.

Но как передать эту жадность общения, обоюдно скрываемую в первую встречу, когда мы ловили в глазах Темура, в его словах и жестах то родное, что нас связывало, а он, разглядывая наши лица, искал грузинские черты, стертые русской жизнью...

Долгое время потом Темур Чхеидзе был для нас живым родником Грузии, к которому припадали ее потерянные дети.

Как дети своего отца, лидера месхов-мусульман, мы понимаем, что закончить это дело предстоит нам и нашему поколению.

И сразу встает множество вопросов. Встречаясь с соплеменниками, мы каждый раз с горечью констатируем, что они не знают своей истории. Это понятно. Ведь высланное население было в основном неграмотным. Единственное, что они знали, это то, что их земля - Грузия и что они - дословно: "обращенные из грузин мусульмане" (какая путаница понятий!). Что кроме этого могли они рассказать своим детям?

Из всего прошлого, что им пришлось пережить, вставало одно страшное слово "сюржун" (высылка), а почему и зачем - никому не дано было знать. Старшее поколение по-прежнему боготворит родину и разговоры о родном крае занимают много места в их жизни.

Барат спросил как-то одну старушку, живущую со своей семьей в Муганской степи в большом достатке (у них был огромный дом, обширное хозяйство, во дворе стояла "Волга"), поехала бы она в Грузию, если бы разрешили?

Старушка ответила не задумываясь: "Босиком бы пошла и ни разу бы не оглянулась".

Молодому поколению неведомо такое чувство. И кто знает, получи они сегодня разрешение вернуться, как бы поступили молодые месхи?

Кем же считают себя дети выселенных месхов?

По паспорту, в большинстве случаев, они либо азербайджанцы, либо турки, малая часть сохранила паспорта с грузинскими фамилиями и еще реже - с грузинской национальностью, но в целом это денационализированная масса, для которой "мусульманин" и "тук" синоним национальности, а "грузин" - синоним христианина.

Недавно нам пришлось побеседовать с молодым месхом - студентом юридического вуза. Когда мы рассказали ему историю месхов, он, с любопытством выслушав, спросил меня: "Это что, твоя версия?" "Это не версия, - возразила я, - это историческая реальность". "Но где доказательства? - спросил будущий юрист. - Того, что вы мне рассказали, нет в учебнике истории". Это верно. Ни в

одном учебнике не нашлось места для описания нашей трагедии. По каким же источникам изучать ему свою историю?

Надо сказать, что доказательства были представлены, но понадобилось немало усилий, чтобы переубедить этого месха. Он был потрясен открытием, что он грузин.

Но остаются сотни и тысячи других молодых людей, которым неизвестна история грузинского народа. И в этом не их вина.

А время идет. Уходит старшее поколение, для которых родина - это Грузия. Для молодых месхов ценность этой родины носит условный характер.

Наш великий предок Шота Руставели закончил свою бессмертную поэму "Витязь в тигровой шкуре" такими словами: "Месх безвестный из Рустави, кончил я мое творение".

А эту историю нынешних месхов, историю их трагедии и скитаний закончит сама жизнь.

1978-1984 гг.

МИНГЕЧАУР - НОВГОРОД

Послесловие

Когда писалась эта книга, я не располагала информацией о судьбе месхов, живущих в разных республиках.

Казалось, это было и не нужно - ведь я переводила воспоминания своего отца. Но в процессе работы воспоминания теряли частный характер и складывались в повествование о жизни изгнанных месхов. Поэтому для полноты информации следует рассказать и об этом.

Несмотря ни на какие запреты, месхи всячески старались вернуться на родину.

До 1969 года все попытки месхов вернуться в Грузию кончались неудачей.

В 1969 году в Ачигварском чайном совхозе Гальского района поселились около четырехсот семей, уехавших нелегально из муганских сел Азербайджана.

И эта попытка была неудачной. В результате давления властей наши вынуждены были покинуть Ачигвара, часть семей поселилась на Северном Кавказе, в Кабарде, которая и стала новым плацдармом в борьбе за возвращение на родину. Активистами этой борьбы стали Алихан Искандеров (Курадзе), Исмихан Асланов (ныне восстановивший свою исконную фамилию Хозреванидзе), Малик Бахриев (Молидзе) и другие. Они наладили связи с грузинской интеллигенцией и договорились, что при каждой возможности устроиться в любом районе республики будут действовать сообща.

В апреле 1977 года представители интеллигенции Грузии доставили следующую справку:

“Дирекция Насакиральского чайного совхоза Махарадзевского⁶³ района Грузинской ССР не возражает против принятия на работу постоянных рабочих. Квартиры будут обеспечены. При себе иметь документы: паспорт, трудовую книжку.

Совхоз имеет возможность принять до 100 семей. После окончания сезона рабочие имеют добавочную зарплату, премию.

Директор совхоза Ю. Мглоблишвили”.

Невинная, казалось бы, справка, но для месхов она явилась

пропуском на родину.

Девять семей с Северного Кавказа вновь решают испытать судьбу. Поздно вечером они тайно выезжают в Тбилиси, где к ним присоединяются их тбилисские друзья. Глубокой ночью они прибывают в совхоз. Заспанному сторожу предъявляется упомянутая справка - прибыли, дескать, устраиваться на работу.

На утро выяснилось, что вновь прибывшие рабочие - ссыльные месхи. Власти тут же потребовали их выселения, директор совхоза был снят с должности.

Но месхи вместе со своими тбилисскими друзьями решили не сдаваться. Они подняли большой шум, ссылаясь на справку и на то, что они - равноправные советские граждане. Власти ссылались на официальный ответ управляющего делами Совета Министров Грузинской ССР от 26 января 1957 года В. Пааташвили, в котором говорилось, что так называемые "турки" не имеют права на местожительство в Грузии.

Тогда интеллигенция стала настаивать на судебном решении: не имеете права выселять из домов семьи с грудными детьми.

Полетели телеграммы на имя Шеварднадзе, Брежнева. Недавно только прошло Хельсинское совещание и в общественной жизни страны произошли некоторые послабления. Суд не состоялся, дело затянулось.

"Нам удалось удержать их, - рассказывает историк Гурам Мамулия, - но так как месхов не прописывали, не все выдержали, и шесть семей уехали обратно. Мучения оставшихся без прописки длились около двух лет".

Тем не менее они работали в чайном совхозе не разгибая спины, получали большие премии, зарекомендовали себя хорошими работниками и... жили под строгим надзором. Бригадир ежедневно отчитывался за своих подопечных перед властями, которые с большим подозрением относились к переселенцам и, отказывая последним в прописке, хотели вынудить их уехать "добровольно".

В ноябре 1978 года писатель Реваз Джапаридзе, историки Вахтанг Джапаридзе и Гурам Мамулия совместно с месхами добились приема у председателя Совета Министров Грузии З.

Патаридзе. Разговор шел о прописке переселенцев в Махарадзевском районе, о выделении им земельных участков и вообще о месхетинском вопросе. Прописка нужна была, чтобы создать прецедент и легализовать статус месхов.

Патаридзе сказал, что “положение изучается”, но прописку обещал. Несмотря на это обещание, переселенцы так и не были прописаны. Поэтому в феврале 1979 года от имени интеллигенции Грузии было направлено письмо на имя первого секретаря ЦК КП Грузии Э. Шеварднадзе. Привожу его текст:

“Как известно, 15 ноября 1944 года из южных районов Грузинской ССР были высланы грузины мусульманского вероисповедания - месхи, именуемые “турками” в количестве 20 тысяч дымов.

Грузинская общественность считает своим долгом обратить ваше внимание на тот факт, что объявление месхов “турками” является совершенно беспочвенным и лишенным всякого основания. Общеизвестно, что в конце XVI века Месхети оказалась под игом турецких захватчиков, которые мечом и социальным насилием насаждали ислам и турецкий язык. С 30-х годов прошлого столетия, после включения северной части Месхети в состав Российской империи, царизм с целью ослабления грузинского народа вытеснял среди грузин-мусульман (месхов) грузинский язык, вынуждая их одновременно переселиться в Турцию. Несмотря на эти меры, месхи-мусульмане сохраняли свои исконные грузинские фамилии и родной грузинский язык.

За все 250 лет турецкой оккупации и 100 лет царской политики национального угнетения месхи-мусульмане не были оторваны территориально и духовно от своей родины и народа, как это произошло в результате высылки 1944 года.

Трудно переоценить всю глубину трагедии, выпавшей на долю месхов- мусульман. В течение нескольких месяцев, начиная со дня высылки, из-за невыносимо тяжелых условий погибла треть высланных, в том числе более 17 тыс. детей. Следует отметить, что партия и правительство после XX съезда возвратили на землю отцов чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и другие народы. На территорию Грузинской ССР в 1956 году были

возвращены греки, высланные в 1948 году.

Право возвращения на территорию Грузинской ССР грузин-мусульман, именуемых несправедливо “турками”, подтверждается Указом Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года и Постановлением Верховного Совета СССР от 9 января 1974 года.

Сами высланные месхи неоднократно обращались в ЦК КПСС и ЦК КП Грузии для разрешения своего вопроса - кровного вопроса всего грузинского народа. ЦК КПСС неизменно направлял их в Грузию, считая, что разрешение этого вопроса входит в компетенцию правительства Грузинской ССР. Однако положение месхов и сегодня остается неизменным.

Учитывая вышеизложенное, обращаемся к вам с ходатайством, чтобы Указ и Постановление Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года и от 9 января 1974 года были бы приведены в действие, и таким образом была бы восстановлена справедливость в отношении так тяжело пострадавшей части грузинского народа”.

Под этим письмом подписались более 40 человек. Среди них: академики Георгий Читая, Серги Джикия, Вахтанг Беридзе, Арнольд Чикобава, Акакий Шанидзе, Паата Гугушвили, Георгий Меликишвили, историки Мариам Лорткипанидзе, Александр Джавахишвили, Отар Джапаридзе, Шота Ломсадзе, Мамия Думбадзе, Вахтанг Джапаридзе, Гурам Мамулия, Зураб Цинцадзе, писатели Реваз Джапаридзе, Джансуг Чарквиани, Гурам Асатиани, Камилла Коринтэли, Акакий Бакрадзе, Мухран Мачавариани, Реваз Инанишвили, деятели культуры Уча Джапаридзе, Гига Лорткипанидзе, Мераб Бердзенишвили, Алексей Мачавариани, Реваз Табукашвили, Давид Торадзе и др.

12 марта 1979 года произошла встреча представителей грузинской интеллигенции с Э. Шеварднадзе. Прием длился несколько часов и вылился в оживленную дискуссию. Там впервые было сообщено, что в апреле 1979 года выйдет постановление ЦК КП и Совета Министров республики о приеме месхов в Грузию.

4 апреля 1979 года этот документ увидел свет. Месхов в На-

сакиральском совхозе наконец прописали. Многие месхи вернулись в Грузию и поселились в западных районах.

Так создались села Копитнари Самтредского района, Ахалшени Цулукидзевского⁶⁴ района, поселение в селе Лесичине Чхороцкуйского района, в совхозе Бандза Гегечкорского⁶⁵ района, совхозах Наразени и Хеце Зугдидского, в Насакирали и Наруджи Махарадзевского районов, в совхозе Геджети Цхакаевского⁶⁶ района.

Позже поселения месхов возникли и в Восточной Грузии. Месхи приобрели дома в селе Цхрамуха Хашурского района, устраиваются в селе Цроми того же района, расселились они и по Карельскому району.

После сорокалетней оторванности от своей родины месхи наконец-то восстанавливают подорванное национальное самосознание. Своих детей они определяют в грузинские школы, добиваются восстановления грузинских фамилий и национальности.

В последние годы вернувшиеся месхи были приняты в различные вузы республики и получают высшее образование на родном грузинском языке.

Послесловие можно было бы закончить на оптимистической ноте: уже четыре месяца, как семья моего брата Марата прописана и живет в Месхети, в городе Ахалцихе. Сын продолжает дело отца.

О Марате я говорила совсем мало. Он рос молчаливым и, казалось, меньше всего интересовался папиными делами, записями, работами по этнографии.

Армию он отслужил в Архангельске, учился в политехническом институте в Новгороде, работал там инженером, женился...

Летом 1987 года я с младшим братом Баратом побывала в Хашурском районе у возвратившегося месха Баадур Матанова (Метонидзе).

Баадур справедливо упрекнул нас: дети такого отца должны

64. Цулукидзе - название г. Хони в 1936-1989 гг.

65. Гегечкори - название г. Мартвили в 1936-1990 гг.

66. Цхакая - название г. Сенаки в 1976-1989 гг.

быть пионерами в возвращении на родину. Тогда же мы узнали, что готовится специальное постановление о переезде месхов, которое разрешит переселиться и в те места, откуда они были высланы.

Мы проговорили всю ночь и уехали чрезвычайно взволнованные.

Марат отреагировал на наше сообщение быстрее всех. В октябре он уже был в Тбилиси и внес всю нашу семью в первый же список переселяющихся.

В ноябре он уволился с работы в Новгороде, вновь прибыл в Тбилиси и ждал там выхода постановления, чтобы в числе первых отправиться в Ахалцихе. К тому же он решил сменить профессию и вплотную заняться этнографией месхов. Свое желание он уже осуществил - Марат теперь сотрудник Ахалцихского исторического музея.

Уже в мае 1988 года Марат с Баратом побывали в папином родном селе Уде. Старики со слезами на глазах узнавали в Марате молодого папу, который многим преподавал в школе. Говорили, что с высылкой месхов-мусульман ушла благодать из края: погибли сады, многие села пустуют, жизнь подорожала; что они всегда дружно жили и ладили с мусульманами, потому как они - одной, грузинской крови.

Братя привезли горсть земли из Уде, которую мы смешали с землей на папиной могиле в Мингечауре. Папа умер там в ноябре 1984 года. Благодарение Богу, что мы с ним успели закончить книгу. И папа в последние дни смог еще раз пройтись по страницам своей жизни. Правда, книга была в рукописи - в 84-м году никто и мечтать не мог о ее издании, не говоря о том, что писалась она тайно.

Но главное: книга была написана и терпеливо ждала своего часа.

Правительственный документ увидел свет 8 декабря 1987 года и назывался: "Об утверждении задания по организованному переселению в 1987-1988 годах семей месхетинцев, желающих переселиться на постоянное местожительство в Грузинскую

ССР из других союзных республик”.

Согласно этому постановлению в 1987-1988 годах предполагалось переселить 300 семей месхов. Среди них 60 семей в Ахалцихский район, 30 - в Адигенский, 10 семей - в Аспиндзский.

И вот я в Месхети. С душевным трепетом хожу по Ахалцихе - здесь бывал молодой папа. Обозреваю природу. Вглядываюсь в горы, утыканные остроконечными елями и лохматыми соснами, пробегаюсь взглядом по извилистым очертаниям гор в синей дымке, слушаю бесконечный шум родника.

Гляжу сверху: между двумя горами - крыши домов, церковь с часовней. А дальше - в просвете между горами уютно лежат наши села: Уде, Вархани, Арали... Как ожившие видения папиных рассказов.

Я упруго взбираюсь в горы по каменистым уступам, хватаясь за шершавые розовые сосны, пью родниковую воду и в меня как будто переливается сила жизни, и это дает мне моя родина.

В эти дни я записываю в дневнике:

“Вокруг столько грузинских лиц. И странная вещь! Эти лица в большинстве своем мне очень родные. Меня тянет к ним. Глядя на некоторых, я испытываю такое доверие и тягу, что могу запросто подойти и обнять как родных. Вот тебе и кровь...”

Старички мне здесь трогательны и приятны. Я смотрю на их сморщенные коричневые лица, руки, головы, покрытые войлочными шапочками, вижу их неторопливые движения, сгорбленные спины, покрытые теплой стеганкой. И так мне все это мило - так бы обняла и расцеловала в обе морщинистые щеки”.

Потом приехала Тамара. Я спросила: с каким чувством она ехала и видела нашу родину? У нее навернулись слезы: “С тяжелым. Папы не хватает”.

Шумно в санатории. Нарядная толпа праздно прогуливается по аллеям. Слышим женский смех, в чистом горном воздухе далеко раздаются голоса, звуки музыки...

Дыши глубже - это Абастумани!

Ученые мира предлагали взять здешний воздух за эталон чистоты и так и назвать его - один абастумани.

Среди праздного томления отдыхающих выделяется не-

большого роста человек. Ему лет 60. Одет по-городскому, но видно, что это сельский житель.

Жилистую шею давит верхняя застегнутая пуговица праздничной рубашки. Стариковская челка нависает на доброе лицо с крупным носом.

Поминутно выпрастывая руки из пиджачных рукавов и мешая грузинские слова с турецкими, он весело задирает молодых: “А мы вернемся, слышишь? Лишь бы пустили...”

“Да кто нас сюда пустит! - возражают ему парни. - Кто мы такие?”

Молодые месхи держатся особняком, настороженно оглядываются и неизвестно, что творится у них в душах.

- Как “кто такие”? - взрывается старик. - Я грузин, слышишь ты? Шалико Диасамидзе! И я здешний, шурдойский! Ерли, понимаешь, ерли! Язык свой не забыл, - он переходит на грузинский. Потом, остыв, говорит примирительно:

- Да вы еще молодые, не понимаете, что такое родина.

Он поворачивается ко мне: “Как думаешь, дочка, пустят нас?” Я горячо поддерживаю старика: “Конечно! Вышло специальное постановление...” И рассказываю, что в этом году запланировано устроить 300 семей месхов, в том числе и в Месхети, что разрешают покупать дома, выделяют земельные участки, обещали ссуду, стройматериалы, что этим занимается специальная правительственная комиссия... И что мой брат уже живет в сердце Месхети - в Ахалцихе.

Меня слушают с крестьянской недоверчивостью, но внимательно, прикидывая, стоит ли верить? В узловатых руках старика перекатываются красные шарики четок. Он не выдерживает, перебивает меня: “И я так думаю!.. Ох и жизнь у нас будет!” - старик зажмуривается.

- А мы победим, победим!.. - Теперь он обращается к одному из парней: - Вот ты спрашиваешь, чем? Отвечаю: трудом и только трудом! План - сто килограмм, мы дадим двести, нужно обработать один гектар, мы обрабатываем два...

- Месхи трудолюбивы, слышишь, ты, - расплывается старик. - Я всю свою жизнь работаю. Вот так все достается... - старик смахивает со лба воображаемый пот. - Узбекистан обустроили, а что, у

себя дома не хватит сил? Работать надо, работать, тогда и жизнь будет хорошая. Правильно я говорю, дочка? Во-о-о-от...

Несколько дней старика не видать. Говорят, болеет. Что случилось? “Съездил в родное село, - объясняют, - приехал сам не свой и слег”.

Через день вижу его. Но в нем уже нет веселого задора. Осторожно спрашиваю: что же он видел?

“Развалины, вот что”, - плачущим голосом отвечает старик, машет рукой, не спрашивай дескать, и уходит опять по аллее, сцепив сзади руки и горестно нагнув голову. Потом возвращается. Я жду.

“Шурдо всегда перед глазами стояло... Так и вижу наши сады, ах, какие у отца груши росли! Крепкие дома, амбары. А тут как будто нож вонзили в сердце - нету Шурдо! Ни садов, ни домов, одни развалины, да и те заросли травой! Я нашел отцовский дом - по фундаменту. Посидел на камнях, а меня рыдания душат... - он рывком снимает с головы фуражку, обтирает ею лицо. - Что делать, дочка, что делать?”

Я смотрю на доброе несчастное лицо старика и молчу. Что я могу сказать?

Прошло больше полугода с момента выхода в свет постановления о месхах, а фактически правительственные документы остаются все еще на бумаге. И вопрос о нашем переселении все еще не решен.

Почему так произошло?

Во-первых, местные власти в районах Месхети не были подготовлены к приему и размещению своих земляков. Но не это главное.

Неприязнь к турецким захватчикам, продолжающая жить в памяти грузин, переносится и на месхов, часть которых именуется себя “турками”. А ведь месхи-мусульмане сами являются жертвами турецкого нашествия!

Интересна в этом плане, на мой взгляд, следующая цитата:

“Некогда Ахалцихе был главным городом коренной грузинской области известной под названием Самцхе или Земо Картли (Верхняя Карталия). Но самостоятельность в Самцхе

продолжалась очень недолго: область попадала под власть турок, которые сначала довольствовались только получением дани, не вмешиваясь во внутреннее управление, а затем (с первой половины XVII столетия) потребовали от наследственных правителей принятия ислама... Ахалцихе сделался опорным пунктом влияния турок на западное Закавказье... Турецкая политика действовала столь успешно, что ныне коренное грузинское население в Самцхе принадлежит к ревностным мусульманам и забыло свое грузинское происхождение..." (Е. Вейденбаум. "Путеводитель по Кавказу". Тифлис, 1888 г. с. 378, 379.

Решение вопроса тормозит и нынешняя обстановка в Месхети. Какова же она?

Местного коренного населения в Месхети очень мало. Остальная же часть добровольно-принудительно переселена сюда из других районов республики. Люди, живущие сейчас в Месхети, очень смутно представляют себе историю этого края. Но они слышали, что край этот долго был под турками, и что турок или "татреби" (так называют здесь мусульманское население) отсюда выслали во время войны. То есть, здесь точно также путают понятия "нация" и "религия". И поэтому: если мусульманин, то значит не грузин. А кто же тогда? Конечно, турок!

И когда после выхода в свет упомянутого постановления первая партия месхов прибыла на родину, тут же вмешались наши противники на разных уровнях и воспользовались невежеством здешнего населения. Они начали убеждать их, что месхи - это турки, сочиняя про наших предков всякие небылицы.

И, к сожалению, смогли восстановить местное население против грузин-мусульман, возвращающихся на родину. Они уверены, что выступают против турок, от которых Грузия всегда страдала. А тут еще центральная пресса выдумывает все новые и новые термины: то "кавказские турки", то "советские турки", то "турки-месхетинцы". Надо на весь мир громогласно заявить: **месхи никогда не были турками! Месхи были, есть и всегда будут только грузинами.**

Поэтому нужно в первую очередь провести в Месхети разъяс-

нительную работу. Надо убедить людей, чтобы в месхах-мусульманах они видели не врагов, а своих братьев.

Месхи же, живущие за пределами Грузии, должны быть уверены, что каждая ее часть является для них родиной, что любой район, любое село республики без исключения они могут выбрать местом жительства и работы. К тому же, далеко не все месхи вернутся в Грузию, а из тех, кто вернется, не все выберут местом жительства Месхети.

Реализация правительственного постановления наряду с большой разъяснительной работой позволит месхам обрести, наконец, родину и полностью вернуть им национальное самосознание.

* * *

В процессе работы над этой книгой я обнаружила исторические документы, проливающие свет на историю месхов.

В “Сборнике материалов для описания Тифлисской губернии”, изданном при канцелярии тифлисского губернатора (Тифлис, 1870 г.) дан список населенных мест Тифлисской губернии. Списки содержат названия населенных мест Ахалцихского и Ахалкалакского уездов, то есть те места, откуда были высланы месхи-мусульмане. Самым важным в этом документе является тот факт, что месхи- мусульмане именуются “грузины-сунниты”, но никак не турки и не азербайджанцы. Представители этих народностей в Месхети вообще не проживали.

Кто проживал в Месхети и в каких селах видно из приведенных ниже списков, в которых указаны названия населенных мест, национальность жителей, их вероисповедание, а также культовые сооружения.

№	Название населенных мест	Народность жителей	Вероисповедание жителей	Церкви и молитвенные дома
1	Кобихеви	Грузины	Православные	Древняя разваленная правосл. церковь - 1
2	Аццури	Армяне Грузины Евреи	Армяно-григор. Сунниты Ветхий завет	Армяно-григ. церковь - 1 Мечетей - 2 Древ. прав. церковь - 2
3	Агара	Грузины	Сунниты	---
4	Зикилия	Грузины	Сунниты	Развалины правосл. церкви - 1 Мечеть - 1
5	Цниси	Грузины	Сунниты	Древ. прав. церковь - 1 Мечеть - 1
6	Цриохи	Грузины	Сунниты	Древ. прав. церковь - 2 Мечеть - 1
7	Цинубани	Грузины	Сунниты	Древняя запустевшая правосл. церковь - 1 Мечеть - 1
8	Цохтеви	Грузины	Сунниты	Древ. прав. церковь - 1 Мечеть - 1
9	Мугарети	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
10	Гиоргицминда	Грузины	Сунниты	Древ. прав. церковь - 2 Мечеть - 1
11	Чохта	Грузины	Сунниты	---
12	Перса	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
13	Двири	Грузины	Православные	Правосл. церковь новая - 1
14	Ткемлана	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
15	Сакунети	Грузины	Сунниты	Правосл. церковь - 1 Мечеть - 1
16	Квалтахеви	Грузины	Сунниты	---
17	Копадзе	Русские Грузины	Православные Сунниты	---
18	Блордза	Грузины	Сунниты	---

19	Орпола	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь -1 Мечеть - 1
20	Перисцихе	Грузины	Сунниты	---
21	Индуса	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
22	Минадзе	Курды	Сунниты	---
23	Тоба	Грузины Грузины	Православные Сунниты	---
24	Рустави	Курды	Сунниты	---
25	Цкалтбила	Курды	Сунниты	---
26	Лашихеви	Грузины	Сунниты	---
27	Идумала	Грузины	Сунниты	---
28	Аспиндза	Грузины	Сунниты	Древняя разрушенная правосл. церковь - 2 Мечеть - 1
29	Хертвиси	Грузины Грузины	Православные Сунниты	Разваленная правосл. церковь - 1 Мечеть - 1 Армянская церковь - 1
30	Накалакеви	Курды	Сунниты	Развалины правосл. церкви - 1
31	Цунда	Курды	Сунниты	Развалины правосл. церкви - 2
32	Маргастани	Грузины	Сунниты	Развалины правосл. церкви - 3
33	Вертахани	Курды	Сунниты	---
34.	Анакети	Курды	Сунниты	---
35	Верташи	Курды	Сунниты	---
36	Миращхани	Курды	Сунниты	---
37	Мураквали	Армяне Таракама	Армяно-григор. Сунниты	---
38	Чачараки	Армяне	Армяно-григор.	---
39	Охера	Курды	Сунниты	Разваленная правосл. церковь -1
40	Мусхи	Грузины	Православные	Правосл. церковь -1

41	Гобиети	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь -1
42	Зурзели	Грузины Грузины	Православные Сунниты	Правосл. церковь -1
43	Ахашени	Грузины Грузины	Православные Сунниты	Старинная развален. правосл. церковь -1 Мечеть - 1
44	Оргога	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
45	Сахутабели	Грузины	Сунниты	Развалины правосл. церкви -1
46	Варнети Большая	Грузины	Сунниты	Разоренная древняя крепость и в ней развалины правосл. церкви -1 Мечеть - 1
47	Эркота	Грузины Грузины	Православные Сунниты	---
48	Бнэла	Грузины	Православные	Развалины правосл. церкви -1
49	Оскерия	Таракама	Сунниты	---
50	Дадеша	Грузины	Православные	Развалины правосл. церкви -1
51	Кунца	Грузины	Православные	Правосл. церковь -1
52	Ацквита	Грузины	Сунниты	Развалины правосл. церкви -1
53	Рокети	Грузины Грузины	Православные Сунниты	Правосл. церковь -1
54	Толоши	Грузины Грузины	Православные Сунниты	Православная церковь старая - 1 Новая - 1
55	Гельсунда	Грузины	Сунниты	Древн. разруш. монастырь в пещере - 1
56	Аландза	Курды	Сунниты	Развалины правосл. церкви -1
57	Чольда	Курды	Сунниты	---
58	Зедатмогви	Грузины	Православные	Правосл. церковь -1
59	Тмогви	Курды	Сунниты	---
60	Тораси	Курды	Сунниты	---
61	Пия	Курды	Сунниты	---

62	Ахчия	Курды	Сунниты	---
63	Зедавардзия	Курды	Сунниты	Древняя разваленная правосл. церковь - 1
64	Варнети Малая	Грузины	Сунниты	Древняя разваленная правосл. церковь - 3
65	Панакети	Грузины	Сунниты	Древняя разваленная правосл. церковь - 1
66	Шалошети	Грузины	Сунниты	Древняя разваленная правосл. церковь - 1
67	Толерта	Грузины	Сунниты	Развалины правосл. церкви - 1
68	Вани	Таракама	Сунниты	Развалины правосл. церкви - 2
69	Гурбага-оглы	Таракама	Сунниты	---
70	Леписи	Таракама	Сунниты	Древняя разваленная правосл. церковь - 1
71	Бузмарети	Таракама	Сунниты	Разваленная правосл. церковь -1
72	Большая Агара	Грузины Грузины	Православные Сунниты	Разваленная правосл. церковь -1
73	Ниала	Таракама	Сунниты	Древняя разваленная правосл. церковь - 3
74	Гавети	Курды	Сунниты	Разваленная правосл. церковь -1
75	Карзамети	Грузины	Сунниты	Древние разваленные правосл. церкви - 3
76	Артахи	Таракама	Сунниты	Разваленная правосл. церковь -1
77	Еникеви	Грузины	Сунниты	---
78	Уравели	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь -1
79	Тхлатубани	Грузины	Сунниты	---
80	Энтели	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь -1
81	Орцепи	Русские Грузины	Православные Сунниты	---
82	Хеоти	Грузины	Сунниты	Древние правосл. церкви - 3 Мечеть - 1
83	Агара Малая	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь -1

84	Чорчо	Грузины	Сунниты	---
85	Грома	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь -1
86	Цхордза	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь -2
87	Кисатиби	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
88	Гиоргицминда	Грузины	Сунниты	Древняя разваленная правосл. церковь - 1
89	Кантиэти	Курды	Сунниты	---
90	Трибони	Курды	Сунниты	---
91	Хриали	Курды	Сунниты	---
92	Одунда	Грузины	Сунниты	---
93	Грели	Грузины Грузины	Православные Сунниты	Древняя разваленная правосл. церковь - 1
94	Андриацминда	Грузины	Сунниты	Правосл. церковь -1
95	Клде	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
96	Зеубани	Грузины	Сунниты	Древняя правосл. церковь - 1
97	Бога	Грузины	Сунниты	Древняя правосл. церковь - 1 Мечеть - 1
98	Шурдо	Грузины	Сунниты	Православная развален. церковь - 1 Мечеть - 1
99	Свири	Грузины	Сунниты	Православная развален. церковь - 2 Мечеть - 1
100	Чвинта	Грузины	Сунниты	Православная развален. церковь - 1
101	Татаниси	Грузины Грузины	Православные Сунниты	Древняя правосл. церковь - 1
102	Элиацминда	Грузины	Сунниты	---
103	Каратубани	Грузины	Сунниты	Древняя правосл. церковь - 1
104	Двири	Грузины	Сунниты	---
105	Микельцминда	Грузины	Сунниты	---
106	Цира	Армяне	Армяно-григор.	Армянская церковь - 1

107	Цхрути	Армяне Грузины	Армяно-григор. Сунниты	Армянская церковь - 1
108	Ани	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
109	Кикинети	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
110	Цхутаджвари	Грузины	Сунниты	---
111	Цахнисцкаро	Грузины	Сунниты	---
112	Цахани	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
113	Харджами	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
114	Абастумани местечко	10 семейств воинских чинов, а летом съезд посетителей		Правосл. церковь - 1
115	Абастумани деревня	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
116	Вархани	Грузины	Сунниты	Древняя правосл. церковь - 1 Мечеть - 1
117	Хевашени	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
118	Унца	Грузины	Сунниты	---
119	Бенара	Грузины	Сунниты	---
120	Пхеро	Грузины	Сунниты	Древняя разваленная правосл. церковь - 1 Мечеть - 1
121	Накурдеви	Грузины	Сунниты	---
122	Энтели Верхний	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
123	Энтели Нижний	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
124	Шолавери	Грузины	Сунниты	Древняя правосл. церковь - 1 Мечеть - 1
125	Шока	Грузины	Сунниты	Православная разоренная церковь - 1
126	Боладжури	Грузины Грузины	Сунниты Армяно-католики	Древняя разваленная правосл. церковь - 1 Мечеть - 1
127	Гомаро	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
128	Смада Малая	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
129	Смада Большая	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь - 1

130	Чорчани	Грузины	Сунниты	Древняя разваленная правосл. церковь - 1
131	Занави Большой	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь - 1 Мечеть - 1
132	Цре	Грузины	Сунниты	---
133	Адигени	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь - 1 Мечеть - 1
134	Плате	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
135	Млаше	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
136	Арзне	Грузины	Сунниты	---
137	Зедубани	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь - 2 Мечеть - 1
138	Апиети	Грузины	Сунниты	---
139	Саирме	Грузины	Сунниты	Древняя правосл. церковь - 1
140	Чечла	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
141	Гортубани	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь - 1
142	Гугунаури	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь - 1
143	Намниаури	Грузины	Сунниты	---
144	Цихисубани	Грузины	Сунниты	---
145	Мохе	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
146	Гагви	Грузины	Сунниты	Православная развален. церковь - 1
147	Дерцели	Грузины	Сунниты	---
148	Кеховани	Грузины	Сунниты	---
149	Утхисубани	Грузины	Сунниты	Развалины правосл. церкви - 1
150	Годердзи	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
151	Зарзма	Грузины	Сунниты	Древний правосл. Зарзмский монастырь
152	Горгули	Грузины	Сунниты	---
153	Иджарети	Грузины	Сунниты	Древняя разваленная правосл. церковь - 1

154	Каратубани	Грузины	Сунниты	---
155	Леловани	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
156	Амхери	Грузины	Сунниты	---
157	Гордзе	Грузины	Сунниты	---
158	Кахарети	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
159	Самхре	Грузины	Сунниты	Разваленная правосл. церковь - 1 Мечеть - 1
160	Цхисе	Грузины	Сунниты	Древняя правосл. развален. церковь - 1
161	Зазало	Грузины	Сунниты	Древняя правосл. развален. церковь - 1
162	Хуро	Грузины	Сунниты	---
163	Уде	Грузины Грузины	Армяно-католики Сунниты	Армяно-католическая церковь - 1 Мечеть - 1
164	Арали	Грузины	Армяно-католики	Армяно-католическая церковь - 1
165	Царбастумани	Грузины	Сунниты	---
166	Марели	Грузины	Сунниты	---
167	Хона	Грузины	Сунниты	Древняя правосл. церковь - 2 Мечеть - 1
168	Орчощани	Грузины	Сунниты	Правосл. разоренная церковь - 1
169	Пареха	Курды	Сунниты	Мечеть - 1
170	Сабузара	Грузины	Сунниты	---
171	Чихели	Грузины	Сунниты	---
172	Чурчудо	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
173	Наохреби	Армяне	Армяно-католики	Армяно-католическая церковь - 1
174	Вале	Русские Грузины Грузины	Православные Армяно-католики Сунниты	Правосл. церковь - 1 Армяно-католическая церковь - 1 Мечеть - 1
175	Схвилиси	Грузины	Сунниты	Армяно-католическая церковь - 1 Мечетей - 2

176	Чала	Грузины	Сунниты	---
177	Джакисмани	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
178	Инджгола	Грузины	Сунниты	---
179	Чареми	Грузины	Сунниты	---
180	Цкалтбила	Армяне Грузины	Армяно-католики Сунниты	Армяно-католическая церковь - 1
181	Цинубани	Армяне	Армяно-католики	Армяно-католическая церковь - 1
182	Арджина	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
183	Памаджи Большая	Армяне	Армяне-григор.	Армянская церковь - 1
184	Памаджи Малая	Армяне	Армяне-григор.	Армянская церковь - 1
185	Садзели	Армяне	Армяне-григор.	Армянская церковь - 1
186	Аби	Грузины	Сунниты	Православная развален. церковь - 1
187	Орали	Грузины	Сунниты	Армянская церковь - 1
188	Архисцихе	Армяне	Армяне-григор.	---
189	Хаки	Грузины	Сунниты	---
190	Арджули	Курды	Сунниты	Развалины правосл. церкви - 1
191	Анда	Грузины	Сунниты	---
192	Тисели	Курды	Сунниты	Развалины правосл. церкви - 1
193	Тадзриси	Грузины	Православные	Разваленная правосл. церковь - 1
194	Сакире	Грузины	Православные	Разваленная правосл. церковь - 1 Новая - 1
195	Кализа	Грузины	Сунниты	---
196	Ошора Верхняя	Грузины	Сунниты	Мечеть - 1
197	Ошора Нижняя	Грузины	Сунниты	Развалины правосл. церкви - 1 Мечеть - 1
198	Ота	Грузины	Сунниты	Древняя правосл. церковь - 1

Приведенный список охватывает населенные пункты Ахалцихского уезда, т.е. Самцхе - исторической провинции Месхети (современные районы Грузии - Адигенский, Ахалцихский и Аспиндзский).

Правительство Николая I в 1830-1831 гг. выселило из этих районов часть месхов-мусульман в Турцию, а из Эрзерума переселило сюда армян. Что касается сел, населенных терекеминцами и курдами, то они заселили вышеназванные села лишь в XVIII веке.

Гораздо трагичнее обстоит дело с другой исторической провинцией Месхети - Джавахети (современные Ахалкалакский и Богдановский районы). Отсюда в 1830-1831 гг. царское правительство вынудило переселиться в Турцию большинство месхов-мусульман. Вместо них были поселены армяне из Эрзерума и духоборы из России.

Ниже перечислены те села Джавахети, в которых проживали месхи-мусульмане до высылки 1944 года.

1	Хизабавра	Грузины Грузины Грузины	Православные Армяно-католики Сунниты	Правосл. церковь - 1
2	Алджуа	Грузины	Сунниты	---
3	Варевани	Грузины Армяне Грузины	Православные Армяно-григор. Сунниты	Правосл. церковь - 1 Армянская церковь - 1
4	Хоспия Большая	Грузины	Сунниты	---
5	Токи	Грузины Армяне Грузины	Православные Армяно-григор. Сунниты	Правосл. церковь - 1
6	Мурджахети	Грузины Армяне Грузины	Православные Армяно-григор. Сунниты	---
7	Баралети	Грузины Армяне Грузины	Православные Армяно-григор. Сунниты	Правосл. церковь - 1 Армянская церковь - 1
8	Котелия	Грузины Армяне Грузины	Православные Армяно-григор. Сунниты	Правосл. церковь - 1

9	Оками	Грузины	Сунниты	---
10	Апния	Грузины Грузины	Православные Сунниты	Правосл. церковь - 1
11	Гогашени	Грузины Грузины	Православные Сунниты	Правосл. церковь - 1
12	Килда	Грузины Грузины	Православные Сунниты	Правосл. церковь - 1
13	Квашра	Грузины	Сунниты	---

В 1965 году высланные месхи обратились в Институт этнографии им. Миклухо-Маклая с запросом, какие народности проживали в Месхети до 1944 года и кем являются они, высланные месхи.

В официальном ответе от 30 июня 1965 года профессор, доктор биологических наук, историк и антрополог Г. Ф. Дебеч писал: “Так называемые месхетинские турки - это омусульманизированные и в значительной степени отуреченные по языку грузины (месхи)”. (Официальный документ Академии наук СССР от 2 июля 1965 года за № 30 046-228).

Существуют также данные 1916 года о национальном составе Месхети, по которым он выглядел следующим образом:

“Ахалцихский уезд: всего жителей 72.000. Грузин-мусульман - 52.000. Грузин-православных - 8.000. Грузин-католиков - 6.000. Всего грузин - 66.000. Армян - 4.000. Курдов 2.000.

Ахалкалакский уезд: всего жителей 100.000. Грузин-мусульман - 7.000. Православных грузин - 8.000. Грузин-католиков - 7.000. Всего грузин - 22.000. Армян - 76.000. Курдов - 1.000. Таракама - 1.000”. (П. А. Ингорква. О границах территории Грузии (на груз. языке). Константинополь, 1918, стр. 12).

Возникает вопрос: каким же образом коренное население, зафиксированное в двух переписях как грузины, превратилось в 1923 году в азербайджанцев, а спустя 21 год в турок, что и послужило предлогом их высылки в 1944 году?

Трагизм сегодняшнего положения месхов-мусульман был обусловлен всеми этими несуразностями, превратившими их в денационализированную массу, утратившую свою историческую память.

Великие сыны Грузии всегда с болью воспринимали разделение грузин на христиан и мусульман. В 1910 году во время пребывания в Ахалцихском уезде Акакий Церетели, обращаясь к месхам-мусульманам, произнес следующие слова:

“Наша разъединенность на грузин-мусульман и грузин-христиан, наше разделение надвое - это расчленение надвое нашей судьбы и силы как в прошлом, так и в настоящем. Без вас наше горе удваивается и наша радость вдвое уменьшается. Если вы окажетесь в тяжелом положении, то и наше благополучие ничего не будет стоить. А если вы будете вместе с нами, и мы вместе будем тянуть одно ярмо, то и тяготы нам не страшны. Не дай Бог нам остаться без вас и вам без нас. Половинки в отдельности всегда будут лишь незавершенными частями целого, но объединенные составят единое тело.

Да, душой и телом мы едины и всегда должны жить одной судьбой”.

Клара Бараташвили
г. Тбилиси, октябрь, 1988 г.



Л. Бараташвили.
Тифлис, 1932 г.



Л. Бараташвили с женой Зиной.
Тифлис, 1933 г.



Удостоверение №1 об окончании Л. Бараташвили
Коммунистического Университета Грузии. 1932 г.



Секретарь комсомольской организации горпротреста г. Поти
Л. Бараташвили с комсомольцами. Поти, 1936 г.



Группа выпускников исторического факультета Тбилисского
Государственного Университета. В центре сидит академик Симон
Джанашия. Стоит третий слева Л. Бараташвили. Тбилиси, 1943 г.

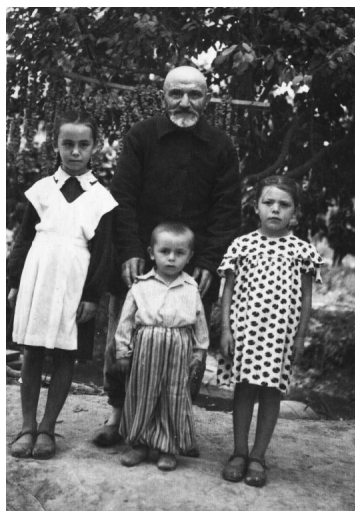


Л. Бараташвили с женой Раисой. Булунгур, 1947 г.



Семья Бараташвили.

В центре сидят Л. Бараташвили и его отец Махсуд, по краям братья Латифшаха: слева - Баттал, справа – Фахреддин. Стоят слева направо: жена Фахреддина Мумина с дочерью Дарико, жена Латифшаха Раиса с дочерью Тamarой, сестра Латифшаха Фатима с сыном Баттала Искандером.
Булунгур, 1950 г.



Махсуд Бараташвили с внуками Тamarой, Кларой и Маратом. Булунгур, 1956 г.



С соратниками по борьбе. Слева направо: Аллаз Иззатов, Латифша Бараташвили, Халил Умаров (Гозалишвили). 1957г.



Справа - старшая сестра Латифшаха Билор с сыном Авсалом, слева - средняя сестра Фатима с мужем Магомедом, в центре – дети младшей сестры Нафии – Тамара и Намик. Самарканд, 1959 г.



Дети Маликшаха Бараташвили Хейрия и Назим.



Дети Латифшаха Бараташвили. Мингечаур, 1962 г.



Клара Бараташвили.
Мингечаур, 1964 г.



Махсуд Бараташвили.
Мингечаур, 1963 г.



С соратниками по борьбе. Слева направо: Георгий Зедгинидзе (историк, писатель), Латифшах Бараташвили, Шота Ломсадзе (историк, поэт), Александр Цуцкиридзе (архитектор). Тбилиси, 1963 г.



Л. Бараташвили с женой Раисой. Мингечаур, 1964.



С соратниками по борьбе. Слева направо: Исрафил Херхеулидзе, Латифшах Бараташвили, Ислам Асланов, Азалхан Алимханов (Абуладзе), Алишан, Иса Ашрафов. Сзади стоит Халил Умаров (Гозалишвили). Саатлы, 1966 г.



Л. Бараташвили с женой Раисой и дочерью Кларой.
Мингечаур, 1978 г.



Л. Бараташвили.
Тбилиси, 1957 г.



Клара Бараташвили.
Новгород, 1983 г.



Марат и Барат в Уде с Сулико Гиголашвили - одноклассником Фахредина. Уде, 1988 г.



Л. Бараташвили с дочерью Тamarой, двоюродным братом Изааром и потомками Атадзе. Конк, 1977 г.



Семья Бараташвили. Мингечаур, 1993 г.

Омаз Чхеидзе. "Расколота вера". Описание картины, данное автором.

На картине представлены две Грузии: христианская (справа) и мусульманская. Между ними – пропасть. Месх-мусульманин стоит посередине, он растерян, не может понять, где его место. В опустошенных окрестностях Вадзгии кукушка (в образе армянина) спокойно летает и откладывает яйца в заброшенные месхетинские гнезда.

Яшар Бекадзе, Марат Бараташвили, Бадри Метонидзе, Чахо Читадзе и Абузар Абуладзе уже стоят под грузинским флагом и готовы служить на благо своей родины, а их дети держат в руках «Деда эна» («Родную речь»).

Справа я нарисовал великих грузинских патриотов, пылких сторонников дела месхов. Это – Мемед Абашидзе, Эквтиме Такашвили, Гейдар Абашидзе, Павле Ингороква, Шота Ломсадзе и Серги Джиккия.

С левой стороны холста на переднем плане я нарисовал трех великих прогрузинских лидеров месхов – Халила Гозалишвили, Латифшаха Бараташвили и Ахмеда Тенадзе (Мухамедова), которые держат макет Ошки и тем самым говорят нам, что этот шедевр грузинской архитектуры создан их дедами.

Узбек им говорит: не стремитесь в Грузию, оставайтесь здесь среди этого богатства и изобилия, но слева появляется лапа медведя (сам медведь скрывается), протягивает узбеку ружье, дескать, убей их. На холсте - дата создания картины - 1988 год, через год после этого произошла ферганская трагедия.

На заднем плане стоят экзальгированные месхи протурецкой ориентации, к которым обращается Юсуф Сарваров.

Часть месхов пытается вернуться в родную Грузию индивидуально, но злой медведь разрушил мост. Дэв – Турция, прилеглий на горе, внимательно наблюдает за всем и при этом грызет монастырь.

Месх, стоящий в центре, с одной стороны одет в турецкий халат и держит подмышкой Коран. А с другой стороны на нем грузинская чоха. То есть, это грузин-мусульманин, которому великий грузинский историк Иванэ Джавахишвили показывает книгу истории Грузии и говорит ему: «Ты – наш».



Омаз Чхеидзе. Расколотая вера. Холст, масло, 1988 г.

ДЕТИ ПРОДОЛЖАЮТ ДЕЛО ОТЦА



Дети Латифшаха Бараташвили. Тбилиси, 2010 г.



Шота Ломсадзе с Маратом и Кларой в фойе Парламента Грузии. Тбилиси, 2001 г.



Клара и Марат Бараташвили на конференции стран СНГ. Женева, Зал заседаний Дворца Наций, 1999 г



Встреча Верховного Комиссара ОБСЕ по нац. меньшинствам с месхетинскими НПО. Слева направо: Марат Бараташвили (Союз Грузинских Репатриантов), Клара Бараташвили (Союз «Patria»), Рольф Экеус (ВК ОБСЕ), Михай Грибинча (советник ВК ОБСЕ), Гурам Мамулия (Центр Содействия Репатриации Депортированного Месхетинского Населения). Тбилиси, офис ОБСЕ, 2002 г.



Во время интервью с писателем, академиком и общественным деятелем, Президентом Всегрузинской благотворительной ассоциации «Месхети» Джемалом Джакели. Батуми, 1998 г.



Месхи-студенты во время поездки по Месхети. Ахалцихе, 2000 г.



Акция депортированных месхов с требованием принятия закона о реабилитации жертв политических репрессий.
Тбилиси, Госканцелярия, 1997 г.



Встреча с депортированными месхами, проживающими в Кабарде.
Нальчик, 1999 г.



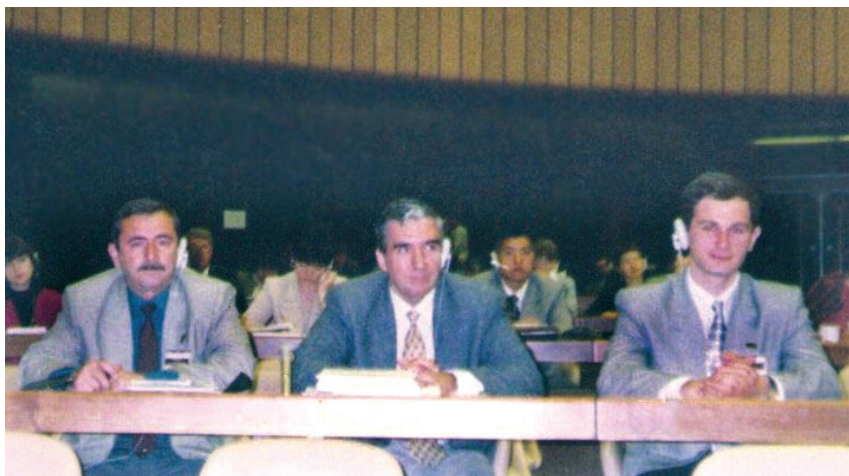
Клара Бараташвили в Уде.
1995 г.



Тамара Бараташвили представляет
книгу своего отца "Село Уде".
Тбилиси, Музей Грузии им.
С. Джанашия, 15.11.2019 г.



"Межэтнические диалоги для бесконфликтной репатриации". Совместный проект Союза Грузинских Репатриантов с Советом Европы. Встреча представителей НПО. Слева направо: Н. Хосадзе, М. Бараташвили, Г. Мамулия, К. Бараташвили. Тбилиси, 2002 г.



Конференция стран СНГ. Слева - Марат Бараташвили. Женева, Зал Заседаний Дворца Наций, 12 июля 2000 г.

Из выступления Председателя Союза грузинских репатриантов Марата Бараташвили:

«Депортированные месхетинцы по сей день остаются жертвами большой политики. У каждого из государств СНГ имеются свои «национальные» интересы по отношению к этому населению. Но пока нет государства, которое бы защищало интересы самих месхетинцев. Тревожные сигналы о дискриминации поступают из разных стран СНГ.

Для обеспечения дальнейшего прогресса в урегулировании месхетинской проблемы мы предлагаем применить адекватную форму международного сотрудничества, а именно создать постоянно действующую **Международную Оперативную Рабочую Группу Экспертов**. Такая группа могла бы явиться воплощением тех **согласованных усилий**, о необходимости которых все мы говорим, и которые на деле приблизят международное сообщество к снятию месхетинской проблемы с повестки дня.

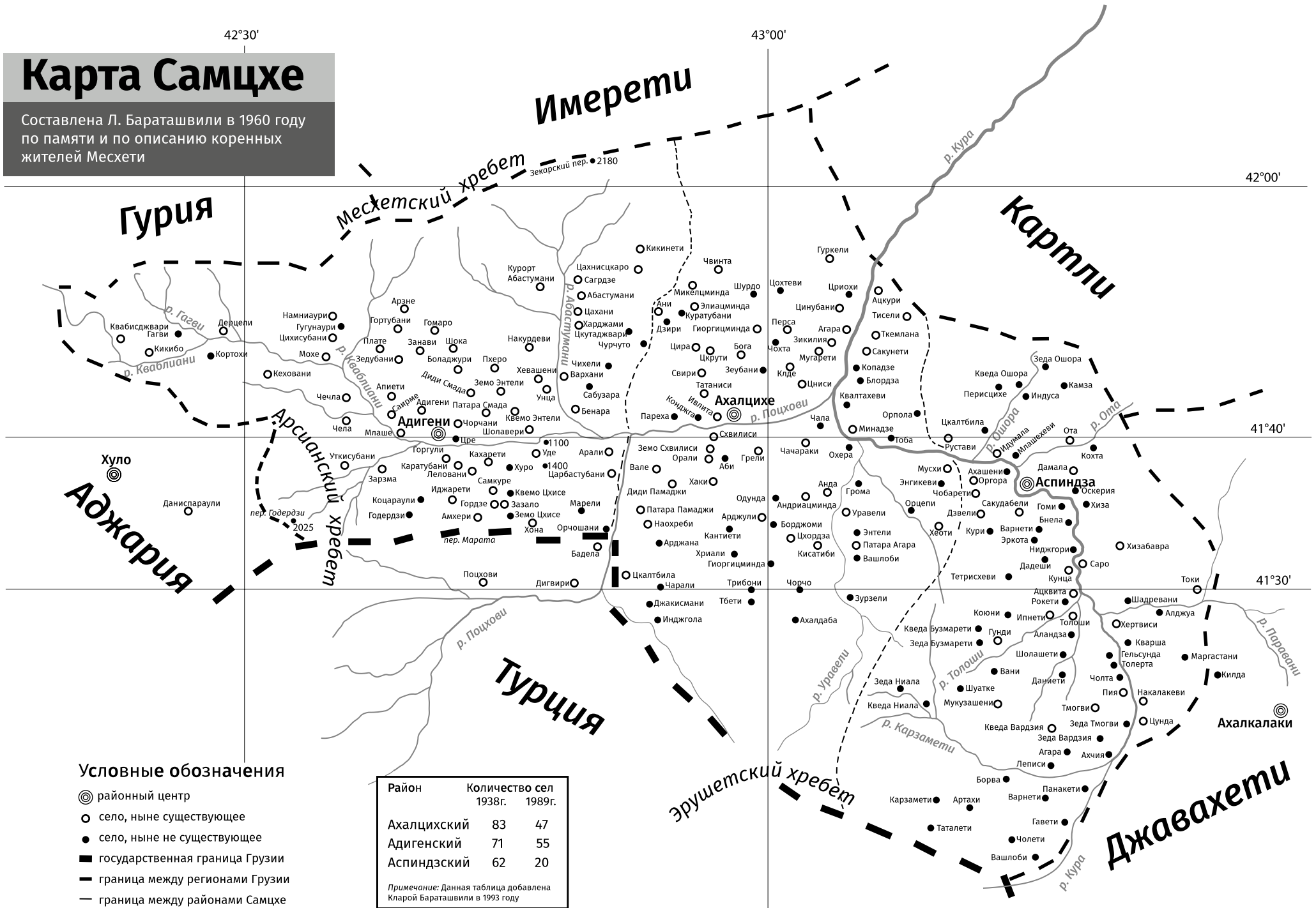
Мы готовы приступить к консультациям по этому вопросу уже сегодня».

СОДЕРЖАНИЕ

Латифшах Бараташвили, Клара Бараташвили «Мы - месхи!..»	3
Предисловие (Гурам Мамулия).....	4
Предисловие (Шота Ломсадзе).....	8
“Это мы - живые свидетели...” (От автора)	12
Начало.....	21
1917-1921 годы.....	52
Ноябрь 1944 года.....	84
Что произошло с месхами в результате принятия мусульманства	104
Генеалогия рода Бараташвили	105
Несколько слов о матери	112
Путь на восток.....	116
Годы борьбы.....	130
Переселение в Азербайджан	145
Борьба продолжается.....	162
Послесловие	198
Фотоиллюстрации	221

Карта Самцхе

Составлена Л. Бараташвили в 1960 году по памяти и по описанию коренных жителей Месхети



Условные обозначения

- ⊙ районный центр
- село, ныне существующее
- село, ныне не существующее
- ▬ государственная граница Грузии
- ▬ граница между регионами Грузии
- ▬ граница между районами Самцхе

Район	Количество сел 1938г.	1989г.
Ахалцихский	83	47
Адигенский	71	55
Аспиндзский	62	20

Примечание: Данная таблица добавлена Кларой Бараташвили в 1993 году



Латифшах Бараташвили

(1907-1984)

Родился в 1907 году в селе Уде Адигенского района Грузии.

В 1944 году был депортирован в Узбекистан. В 1956 году возглавил движение месхов за возвращение на родину, всю последующую жизнь находился под надзором КГБ.

В 1958 году переселился в Азербайджан. Работал учителем в школе, занимался научной деятельностью, написал уникальные труды по топонимике Мингечаура, основал краеведческий музей города и был его директором.

Оставил после себя обширный архив рукописей по истории и этнографии месхов (частично опубликованный в 60-х годах в Грузии), который представляет большую ценность для грузинской исторической науки.

В 2019 г. была опубликована его рукопись «Село Уде. Историко-этнографическое описание».

Скончался в г. Мингечауре. Латифшах Бараташвили до конца жизни оставался преданным, истинным патриотом Грузии. Однако он не удостоился чести быть погребенным на грузинской земле.



Клара Бараташвили

(1950-2012)

Дочь Латифшаха Бараташвили. Родилась в депортации, в Узбекистане, школу окончила в Азербайджане, высшее образование получила в Ленинграде (Ленинградский инженерно-строительный институт, в 1974 г.).

Член Союза журналистов Грузии. Занималась вопросами депортированных месхов, нацменьшинств и насильственной миграции. Руководила неправительственными организациями – Фондом Латифшаха Бараташвили и союзом «Patria». Выступала в печати и на международных конференциях. Была корреспондентом журнала «Кавказский Акцент», интернет-издания «Кавказский Узел».

Клара Бараташвили очень любила людей, театр, литературу,... свежую клубнику - все проявления жизни.

Вот что она писала о себе: «Мое основное творчество – это моя жизнь. Познала гонения, голодала, мерзла, болела и нуждалась. Хорошо знаю цену прогрессу. Большая разница, когда ты вне родины и на своей земле. В чужом краю – одно лишь настоящее. На родине у тебя и прошлое, и будущее: чувствуешь связь с родной землей, находишь свои корни и не суетишься насчет других миров. Постигаешь себя и находишь свое место в мире».

Скончалась и похоронена в Тбилиси.



Издательство “Мцигнобари”

ISBN 978-9941-485-97-8

Тбилиси 2020

www.meskhige.com

“Мы - месхи, древнее грузинское
племя, наша земля - Месхети”.

Л. Бараташвили.

“Мы - месхи!..”

“Дорогой брат Латифшах,
...мы очень обрадовались, потому что
начатое в Грузии дело вы не только
не забросили, а даже завершили.
Я уверен, что работа, выполненная с
таким вниманием, будет интересна и
обязательно полезна нашей науке.

С глубоким уважением ваш брат
Георгий Читая”.

2.10.1955 г.

“Бараташвили мечом и пером всегда
прославляли Грузию и я очень рад,
что вы тоже выбрали такой
благородный путь”.

Из письма Александра Цуцкиридзе

Л. Бараташвили,

4.06. 1968 г.